

Ожившие древности

Наша земля продолжает хранить величайшее множество фактов о далеком прошлом человечества. На поиски этих фактов и их исследование направлен труд археологов. О буднях повседневного поиска и радости открытия, о раскопках и находках, о важнейших открытиях археологов за последние 20 лет и проблемах, стоящих перед исследователями сегодня, рассказывает археолог, член-корреспондент АН СССР А.П. Деревянко. Издание рассчитано на массового читателя.

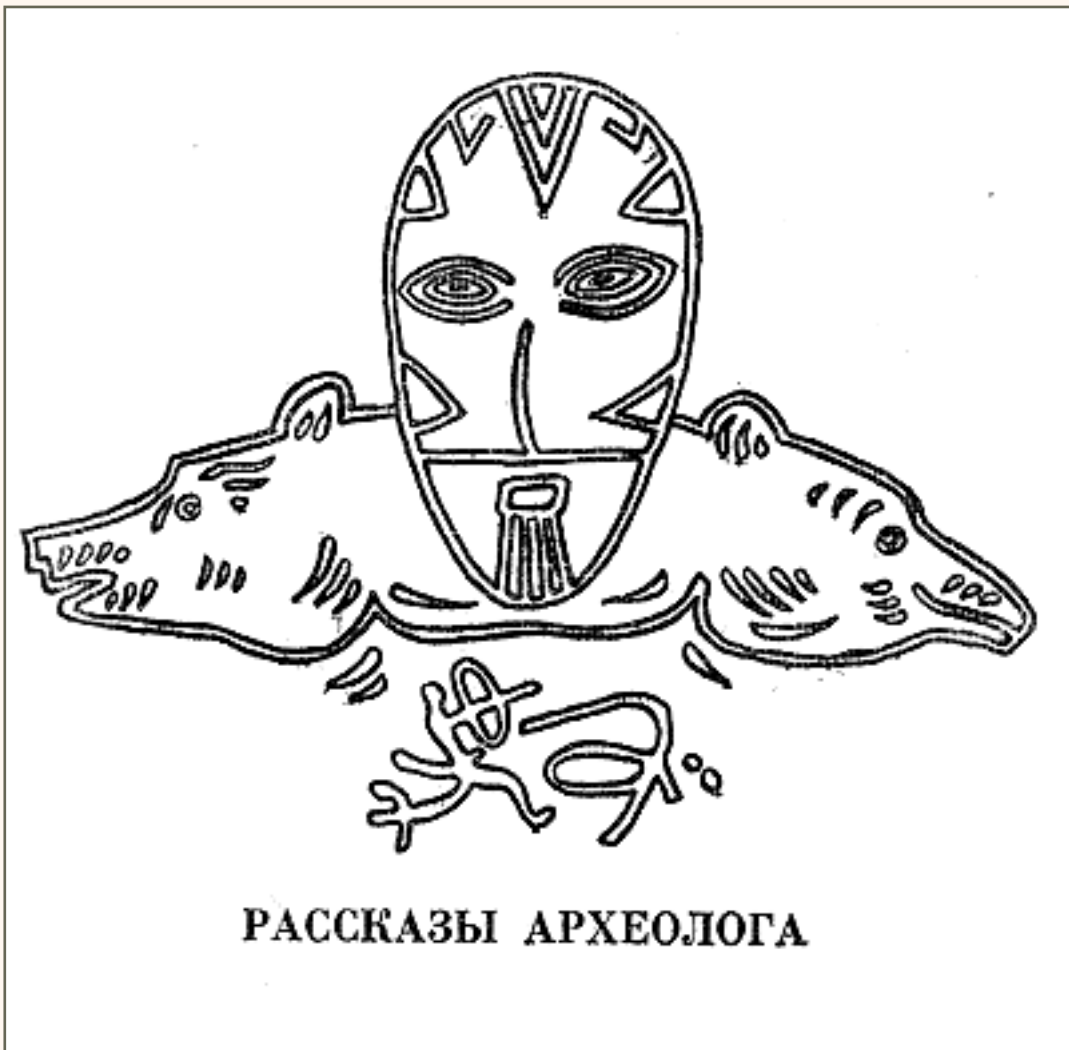
- От автора
- Сибирь — прародина человечества?
- Первые землепроходцы Северной Азии
- Древности Селемджи
- Первые Колумбы — аборигены Сибири
- Номады сибирской тайги
- Мастера и художники каменного века
- Кузнецы и гончары Дальнего Востока
- Дороги древних ведут в современность
- Они были первыми
- Преемственность и традиции
- Об авторе

Источник:

Деревянко А. 'Ожившие древности' - Москва: Молодая гвардия, 1986

От автора

Истосковавшиеся по теплу после долгой, холодной и ветреной зимы мы, деревенские мальчишки, любили собираться за околицей. Кое-где в ложбинах еще лежал почерневший снег, но сквозь пожухлую траву уже вовсю пробивалась первая зелень. Высоко в небе заливался жаворонок, и каждый из нас стремился отыскать глазами неутомимого вестника тепла и приближающихся каникул. Забравшись в заросший бурьяном, обвалившийся окоп, оставшийся от военных времен, мы ловили лучи теплого весеннего солнца и читали книги.

Ожившие древности

Читал кто-нибудь один, а все остальные, сбившись в тесную кучку, затаив дыхание, слушали. За чтением как-то забывалось наше полуголодное, неустроенное послевоенное детство, шумные и яростные военные игры, нередко со взрывами настоящих гранат и выстрелами из далеко не безопасных самопалов. Когда читающий уставал, начинался спор, кто будет читать следующим. Спорили, потому что каждому хотелось, слушая, уноситься в мечтах с героем книги далеко-далеко, в удивительный и необъятный мир, трепетно незнакомый и манящий. Когда солнце, поднявшись в зенит, начинало припекать совсем полетному, кто-то, спохватившись, вспоминал, что пора в школу. И так трудно было оторваться от очередной страницы...

Вспоминая детство, я всегда с особым чувством и благодарностью думаю о книгах, которые каждый день открывали передо мной новое и неизведанное. И радуюсь за сегодняшних мальчишек и девчонок, которым столько еще предстоит пройти этой увлекательной дорогой, открывая и познавая огромный мир на страницах прочитанных книг.

В старших классах средней школы я полюбил книги о дальних путешествиях в неведомые страны, об открытиях учеными древних цивилизаций, погребенных под вековой пылью городов, гробницах и кладах. Николай Миклухо-Маклай, Николай Пржевальский, Петр Козлов стали моими любимыми авторами. Книгу Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» прочитал много раз. Манили к себе таинственные Монголия и Китай, диковинные находки, трудности и опасности в пути.

Уже через много лет я узнал, что загадочный Хара-Хото, который поразил путешественников своим безмолвным величием, был некогда цветущей столицей Тангутского государства — соперника Китая и монголов за владычество в Центральной Азии. В 1227 году Хара-Хото разрушили монголы. Как рассказывают предания, у его стен умер грозный повелитель и завоеватель Чингисхан.

Прошли годы. Но чувство необычного и интересного где-то там, «за тридевять земель», осталось. Когда приходилось слушать на лекциях или читать в книгах восторженные рассказы об архитектурных сооружениях Древней Греции и Рима, гигантских скульптурах острова Пасхи, грандиозных храмах и городах инков и ацтеков, замирало сердце, и если бы представилась возможность, то, не раздумывая, полетел, поехал, пошел пешком, чтобы самому увидеть эти чудеса света.

Только со временем начинаешь понимать, что с самых первых шагов своей жизни мы тоже путешественники, открывающие для себя мир, который, словно многогранный драгоценный камень, способен сверкать самыми невероятными фантастическими красками. И многое зависит от характера человека, богатства его души, знаний, умения за, казалось бы, привычным и поэтому обыденным видеть необыкновенное, захватывающе интересное.

Остаться равнодушным к бессмертным полотнам Леонардо да Винчи и Рафаэля, божественным скульптурам Микеланджело и чарующей музыке Баха могут совсем немногие, совершенно ограниченные люди. Но как часто мы проходим мимо большого, красивого и значительного только потому, что это рядом, вокруг нас, и мы к этому привыкли и не всегда в состоянии должным образом оценить.

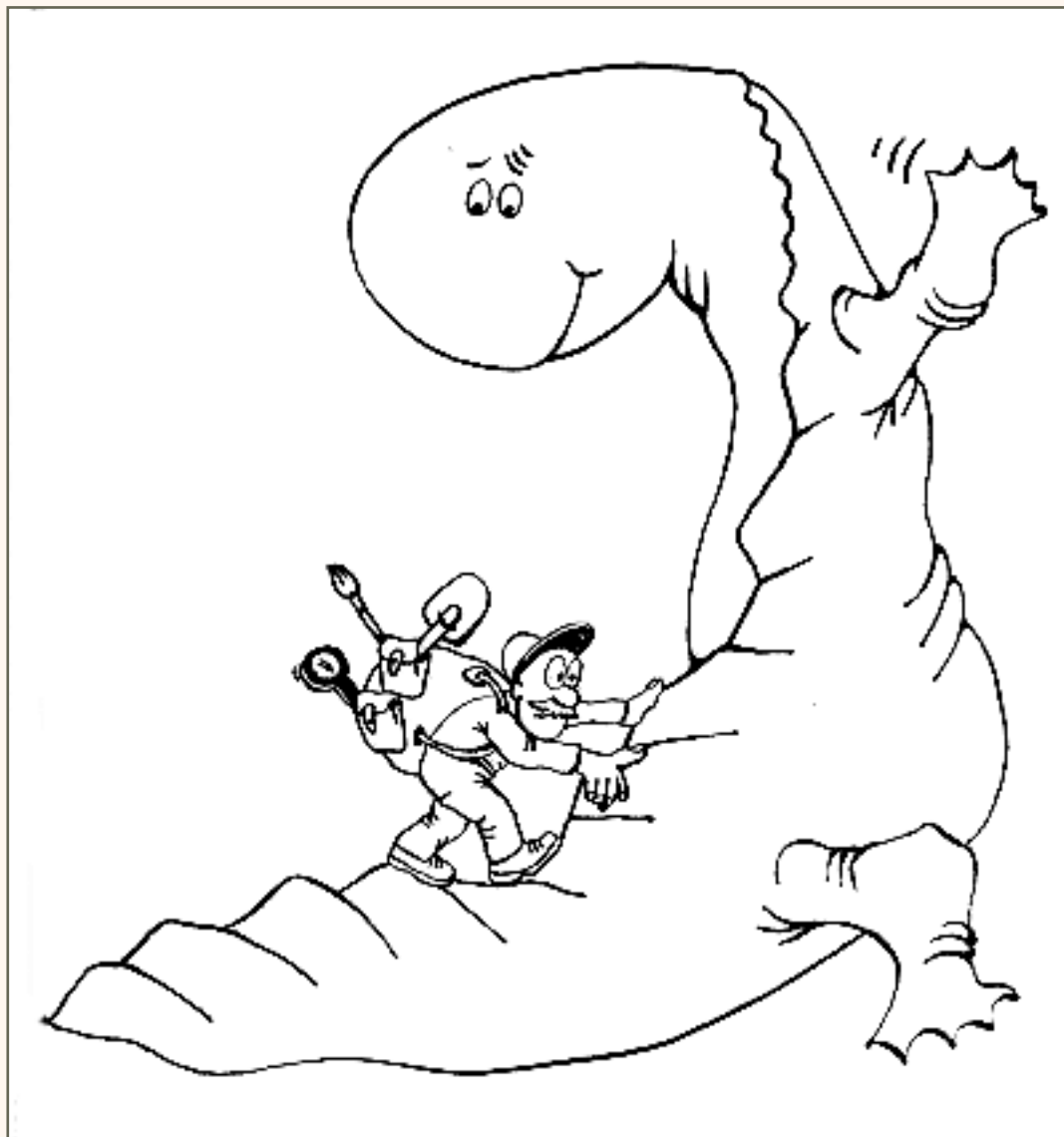
Мое представление о мире загадок и открытий полностью изменилось четверть века назад. Тогда меня и нескольких моих товарищей пригласил к себе в экспедицию выдающийся исследователь древних культур Азии Алексей Павлович Окладников. Мы его знали по ряду книг и статей, которые случайно попали в нашу институтскую библиотеку. Помню, меня крайне удивило, что экспедиция будет работать в нашей Амурской области. Где-то там, далеко... это понятно, а здесь, в местах, близких и знакомых с раннего детства, ничем не

примечательных, что же можно найти?

Никогда не забуду октябрьское утро 1961 года. Накануне поздно вечером мы приехали к большому холму под названием «Гора-Шапка», расположенному в шести километрах от старого казачьего села Пояркова. Много легенд сохранилось у местных жителей об этом холме. В одной из них рассказывается, будто сотни лет назад сюда пришел какой-то великий полководец и приказал воинам построить большую крепость. Люди носили землю в шапках и насыпали гигантский холм, а потом вершину укрепили неприступными рвами и бастионами. Отсюда и пошло название «Гора-Шапка». Житель Пояркова казак Иван Сафронович Измайлов еще в начале века даже написал об этой крепости стихотворение.

Я медленно еду равниной открытой,
Кой-где по ложбинам кустами покрытой,
Налево пестреют покосы и нивы,
Направо синеют Амура извивы.
А прямо — вот памятник прошлого века,
Стоит, сохраняя след дел человека,
Гора, в народе ей «Шапка» названье.
Как пояс по ней, освященный веками,
Высокий и прочный чернеется вал.

Строки простые, бесхитростные, но важно, что и на заре нашего века крепость волновала местных жителей. Какова судьба ее создателей? Разгадать загадку и приехала наша небольшая экспедиция.

Подъем

Рано утром я вылез из палатки. Солнце еще не показалось из-за горизонта, но по воздуху уже плыли мягкие отблески света. Через несколько минут я уже карабкался по крутому склону холма, поросшего высокой травой, дубняком и березками. Первые ночные морозы успели зажечь на деревьях багряное пламя. Вот наконец и вершина... Сквозь предрассветную мглу отчетливо вырисовывались грозные бастионы и глубокие рвы. Вершину холма опоясывал высокий вал с остатками башен. На восточном склоне холма хорошо видны выровненные площадки, на которых когда-то стояли здания и дворцы.

Величественной и грозной казалась крепость. Вдруг из-за горизонта брызнули золотые лучи солнца... Серебристый огонь мгновенно разлился по бескрайней равнине, перекинулся на юго-запад, где за широкой голубевшей лентой Амура возвышались могучие цепи Хингана. Окружавшее безмолвие было непривычно и даже угнетало. И казалось, что сейчас крепость проснется, наполнится шумом, жизнью. Сотни воинов в боевых блестящих на солнце доспехах станут на стенах, чтобы в любую минуту отразить нападение врага. В кузницах зажгутся горны, ювелиры сядут за свое привычное ремесло. По улицам с веселым гамом побегут босоногие ребяташки.

Раздался протяжный гудок, и из-за поворота вышел сверкающий запоздалыми огнями теплоход. Нет, не откроются ворота этой крепости, не заполнятся народом улицы. Город давно уснул мертвым сном, сохраняя «след дел человека». Здесь, на валу древней крепости, думалось об ее истории, хотелось узнать, чьими руками воздвигнуты эти грандиозные валы и рвы, от кого готовились обороняться жители города. А главное,

внезапно открылось, что в тех местах, где родился и вырос, тоже немало удивительного и интересного. Позднее стало ясно, что многие памятники амурской истории по своей научной ценности не уступают сокровищам скифских курганов или египетским пирамидам.

С тех пор прошло много лет. Тропа, по которой я впервые пробирався к бастионам грозной крепости на «Горе-Шапке», неожиданно стала бесконечной и привела меня в науку. Благодаря своей профессии каждый год в экспедициях снова и снова переживаю волнение и счастье первого читателя некоторых страниц Великой книги — истории Человечества. Эти страницы писались много тысячелетий и веков назад здесь, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии. В поисках «следа дел человека» приходилось перелетать океан и работать вместе с зарубежными коллегами на Аляске и Алеутских островах, в Корее, Японии, Китае, Монголии и других странах.

Археология — составная часть исторической науки, ее фундамент, корни. Цели и задачи историков и археологов одни и те же: восстановить во всем объеме, богатстве историческое прошлое человеческого общества. Разные только источники. Историки трудятся над богатейшим и разнообразнейшим кругом письменных источников, а археолог, прежде чем засесть за письменный стол, остаться наедине со своими мыслями и идеями, должен для своей будущей работы добыть в прямом смысле слова факты и материалы в экспедициях, раскапывая разнообразные памятники прошлого.

Нешадное солнце, нудный морозящий дождь, тучи комаров, гнуса, непролазная тайга и многое другое стоят на пути археолога в экспедиции. Но как радостно бьется сердце, когда наконец удастся открыть новый памятник, уводящий исследователя в манящую глубину давно ушедших времен и эпох. Время, казалось, навсегда поглотило и стерло в памяти потомков радость и горе, мирный труд и разрушительные войны целых народов. Открытие памятника — это новая страница, а может быть, и глава в летописи человечества. Но ее нужно еще прочитать. И начинаются раскопки, которые с каждым новым ударом заступа пополняют безмерную сокровищницу знаний о нашем прошлом.

Сегодня даже трудно представить, каким было бы наше знание истории человеческого общества без археологии. Расшифровка египетских иероглифов Ф. Шампольоном в 1822 году и вавилонской клинописи Г. Гротефендом и Г. Раулисоном удревнила письменную традицию до 5 тысяч лет. Много лет продолжается расшифровка хараппских табличек с древними текстами, и ученые уже близки к успеху. Письменными были очень немногие народы: вначале Египта, Месопотамии, затем Малой Азии, Китая, а потом уже юга Европы. Но даже для них основным источником фактов прошлого длительное время остается археология: письменных памятников найдено очень мало, и часть их из-за необъективности летописцев и по другим причинам требует значительных уточнений и поправок. Одновременно огромные территории земного шара заселяли племена и народы, не имевшие письменности, но создавшие много удивительного и прекрасного, о чем стало известно только благодаря археологии.

История человечества насчитывает не десятки, а сотни тысяч лет. В настоящее время можно говорить о том, что 1,5—2 миллиона лет назад на земле уже появился наш далекий предок, который изготавливал простейшие орудия из камня. Одними из наиболее хорошо изученных остатков древнейших людей и их культуры являются находки в Олдувайском ущелье на севере Танзании в Африке.

Исследования в этом районе в течение длительного времени вели супруги Луис и Мэри Лики. В 1960 году им посчастливилось открыть кости существа, которое получило название *Homo habilis*, или человек умелый. Он и является пока одним из древнейших наших предков. Калий-аргоновые даты хомо хабилиса — 1,75—1,85 миллиона лет.

Трудным и тернистым оказался путь человека к цивилизации и прогрессу. Очень слабым

вначале был костер разума, зародившегося на земле, но проходило время, и все увереннее и увереннее становилась поступь человека. Он совершенствует свою культуру и постепенно заселяет все новые и новые территории. Если бы не было археологии, то огромный промежуток истории человеческого общества не был бы нам известен. Имея в виду самую отдаленную эпоху — палеолит, Ф. Энгельс отмечал, что «эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...».

Сущность археологии — ее гуманизм. Она помогает видеть в зеркале прошлого нас самих с нашими волнениями, радостью и горем и с какой-то особой остротой осознавать свое место в этом мире, осознавать свою ответственность за настоящее и будущее. С первого взгляда кажется странным и удивительным, что фильм «Обыкновенный фашизм», в котором речь идет о чудовищном зле, о мутной накипи самого отвратительного в истории — о фашизме, Михаил Ромм начинает с палеолитических фресок. И только потом понимаешь, что в них и есть то вечное, непреходящее, что немало говорит нашей душе и сегодня: они как бы воспевают все разумное и великое, созданное человечеством, и гневно обличают все направленное против него, мешающее его движению вперед. Вот это повышенное чувство ответственности за человека, за человеческие судьбы особенно остро волнует археологов, когда они открывают и изучают разрушенные временем и войнами города и поселения, дворцы и храмы, восстанавливают утраченные в результате войн страницы истории народов и цивилизаций.

Когда мы говорим об археологии, необходимо подчеркнуть еще один важный аспект: как ни одна отрасль гуманитарного знания, она воспитывает у исследователя и читателя историческое мышление, потому что археология имеет дело с тысячелетиями, с непрерывной цепочкой накопления человечеством знаний, культуры, составивших впоследствии основу нашей цивилизации. Для археологии нет исторических и внеисторических племен и народов. Все поколения, сменявшие на земле друг друга, оставили свой глубокий след. Необходимо только тщательно и неустанно вести поиски во всех уголках земли, и она щедро откроет свои тайны.

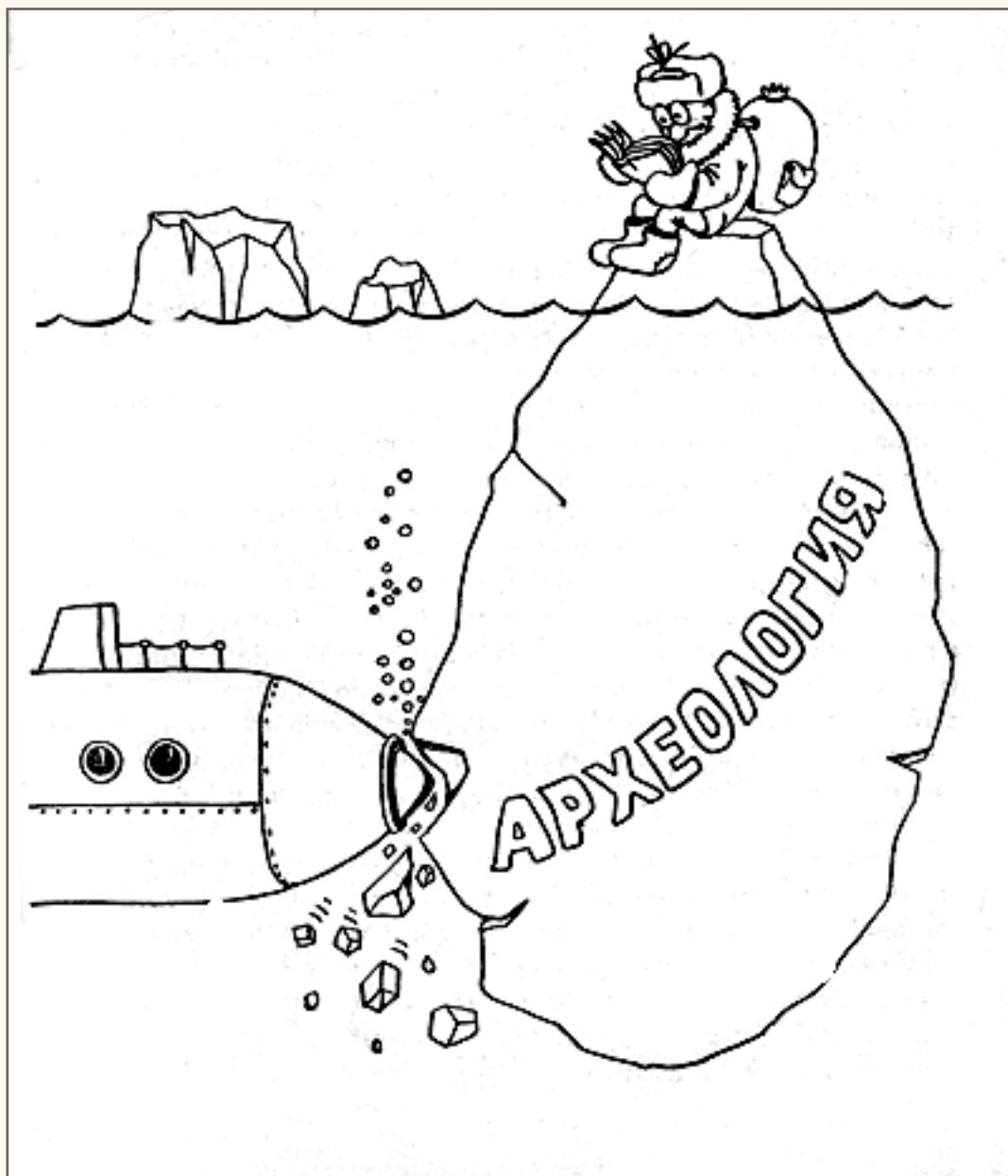
Любая профессия требует большого профессионализма. Особенно это важно для археолога. Одна из главных составляющих его работы — раскопки во время экспедиции. А раскопки, как бы сильно это ни звучало, — уничтожение памятника, будь то жилище, дворец, храм или погребение. Если историки могут многократно работать в архиве над одними и теми же документами, археологам не дано один и тот же памятник раскапывать несколько раз. Они могут продолжить работу своего коллеги, если раскопки не окончены, но второй раз раскопать раскопанное, к сожалению, невозможно. После раскопок памятник как оригинальный источник перестает существовать. Он сохраняется в чертежах, фотографиях, полевых дневниках и отчетах. И все зависит от опыта исследователя, его умения разобраться во всей сложности стратиграфических условий. Пока еще не изобретено приборов с помощью которых, как под рентгеном, можно было бы видеть, что скрыто в толще земли. Нередко памятники многослойны: на одном и том же месте жили люди в течение длительного времени, в разные эпохи. И все, кто приходил в последующее время, не заботились о сохранности культурного слоя своих предшественников. Им нужно было строить жилища, делать хранилища для пищевых запасов. Да мало ли что требовалось человеку. Они не думали о том, что когда-нибудь придут исследователи и станут разбираться, к какому времени и к какой культуре относятся те или иные находки.

От методической правильности проведения раскопок, полноты и цельности наблюдений существенно зависят последующие исторические обобщения и реконструкции.» В поле во время раскопок важно не пропустить ни одной существенной детали, тщательно зафиксировать все увиденное. Нет памятников, простых для раскопок: все они сложные, и у каждого своя специфика, свои особенности.» И даже, казалось бы, уже хорошо известные памятники всегда могут преподнести сюрпризы. Каждый день готовит археологу новые загадки, ставит перед ним новые вопросы, на которые требуется ответ. И здесь главное —

ней спешить. Принимать решение, только когда уверен, что оно единственно правильное. Работа в поле, мне кажется, имеет много общего с операцией хирурга. Одно неловкое в движение может иногда привести к непоправимым последствиям. И таких примеров в истории нашей науки, к сожалению, довольно много. В своих последующих обобщениях и выводах археолог может и ошибаться, это поправимо, но делать ошибки во время раскопок он просто не имеет права.

Любая профессия требует знаний, широкой эрудиции. Для археолога важно не только хорошо освоить предмет своего исследования, но и приобрести знания в области этнографии, антропологии, истории и т. д. и т. п., — этого требуют его полевые и лабораторные работы. Изучение первобытной археологии невозможно без четвертичной геологии и геоморфологии, палеоботаники и палеогеографии, палеонтологии и других наук, которые помогут реконструировать ландшафты, экологическую обстановку в тот или иной период. Археологи широко используют для повышения информативности археологического материала физику, химию, статистику, кибернетику. Одна за другой выходят книги с такими названиями, как! «Физика и археология», «Геофизика в археологии», «Химия в археологии», «Археология и естественные науки». Все это свидетельствует о тесной связи археологии с другими науками, о невозможности в настоящее время вести исследования, не привлекая данных других наук, не используя достижений и возможностей коллег в самых различных областях научного знания.

Для археологов смысл жизни состоит в постоянном поиске памятников прошлого, а после открытий — в глубоком изучении и осмыслении фактов. История и археология увлекательны своей романтикой, красочностью сюжетов, тайнами неизведанного. Археология в какой-то мере сродни охоте. А настоящий охотник не тот, кто думает только об убитой дичи, а тот, для которого главное — поиск, новые места, ожидание удачи; и вечером у костра он не будет похваляться охотничьими трофеями, а расскажет о прелести осеннего или весеннего утра, о пробуждающейся природе, о красотах земли.

Археология

Романтика путешествий, радость открытия очень волнуют сердце археолога, но это только часть его работы. Глубокое уважение и бережное отношение к культуре и прошлому племен и народов, которые, казалось бы, бесследно исчезли с лица земли, постоянное стремление восстановить в полном объеме их историю, вдохнуть жизни в предметы, которые найдены во время раскопок, — вот смысл его призвания. Успех ученого именно в том, что за так называемыми остатками материальной культуры он видит прежде всего человека с его душой, мыслями и переживаниями, человека, который по крупицам создавал то, что мы называем сегодняшним днем, цивилизацией уходящего уже XX века.

Наша земля продолжает хранить величайшее количество фактов о далеком прошлом человечества, и раскопки каждый год приносят все новые и новые открытия, анализ которых и сопоставление с уже накопленным фактическим материалом зачастую приводит к коренной ломке существующих представлений, к появлению новых идей и теорий. Невольно напрашивается хотя и тривиальное, но точное сравнение наших знаний о прошлом человечества с айсбергом. Ученым предстоит в будущем сделать гораздо больше, чем было сделано до настоящего времени.

Много удивительных открытий сделано археологами за последние несколько десятилетий в Сибири. Без преувеличения можно сказать, что этот огромный и удивительный край — настоящее и будущее нашей страны. Недра Сибири хранят большие природные богатства. А

духовное, культурное и историческое наследие более чем 30 коренных ее народов? Это ли не сокровище? Делятся они на тюркоязычные, тунгусо-маньчжурские, монгольязычные, самодийские и угорские, а также палеоазиатские группы, имеют богатейшую историю, удивительное по богатству культурное наследие, которое корнями уходит в глубочайшее прошлое. Все это стало известно благодаря неустанному труду археологов над изучением сказочно необычного «архива», хранящегося в сибирской земле.

Древнейшему культурному наследию народов Сибири и посвящена наша книга. Но это не изложение в хронологической последовательности истории народов огромного региона, а популярный рассказ об археологии, поисках и открытиях наиболее интересных памятников, исследовании древних культур, об экспедициях, в которых пришлось участвовать автору, его друзьям и коллегам.

Ожившие древности

Наша земля продолжает хранить величайшее множество фактов о далеком прошлом человечества. На поиски этих фактов и их исследование направлен труд археологов. О буднях повседневного поиска и радости открытия, о раскопках и находках, о важнейших открытиях археологов за последние 20 лет и проблемах, стоящих перед исследователями сегодня, рассказывает археолог, член-корреспондент АН СССР А.П. Деревянко. Издание рассчитано на массового читателя.

- От автора
- Сибирь — прародина человечества?
- Первые землепроходцы Северной Азии
- Древности Селемджи
- Первые Колумбы — аборигены Сибири
- Номады сибирской тайги
- Мастера и художники каменного века
- Кузнецы и гончары Дальнего Востока
- Дороги древних ведут в современность
- Они были первыми
- Преемственность и традиции
- Об авторе

Источник:

Деревянко А. 'Ожившие древности' - Москва: Молодая гвардия, 1986

Сибирь — прародина человечества?

Вторая половина сентября 1871 года в Иркутске была на редкость холодная. Среди покосившихся и осевших под грузом лет деревянных домов свечками горели золотистые березы и багряные осины. Гроздь рябины алыми пятнами выделялись на желтом фоне листвы. Снега еще не было. Но ночью мороз подмораживал лужи и серебрил инеем пожухлую траву. Жители Знаменского предместья Иркутска готовились к длинной и холодной зиме. Через небольшую речушку Ушаковку, впадающую в Ангару, тянулись обозы, груженные дровами и хворостом. Простой люд предместья копошился у своих домиков, утепляя их на зиму.

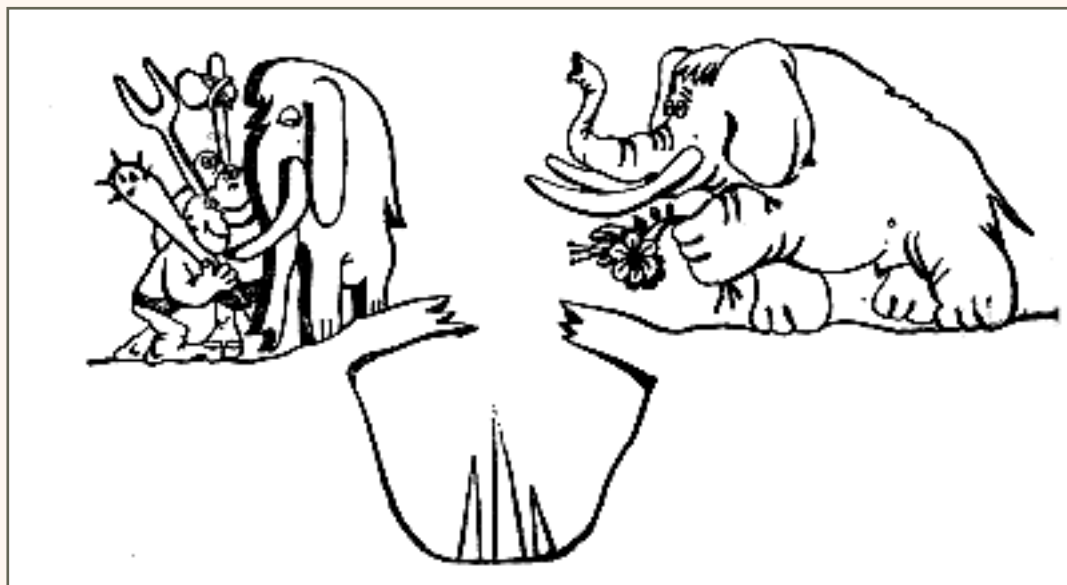
С наступлением морозов веселее пошли работы и на рытье котлована под будущее здание военного госпиталя. Землекопы, проклиная плотный, словно цементированный суглинок, дружно работали лопатами и кирками, стараясь наверстать упущенные теплые дни, чтобы закончить рытье котлована до снега и настоящих морозов. Все было бы хорошо. Но неожиданно появилось препятствие, которое грозило затормозить всю работу... Произошло непредвиденное: из-под свежееотваленной с большим трудом глыбы земли вдруг показалась кость. В другом случае на нее, может быть, и не обратили бы внимания, но она сразу же удивила всех своими размерами. Кость, частично разрушенную, с трудом вытащили из земли и поразились ее весу. Она была словно каменная. Рабочие тесно сгрудились, обсуждая случившееся. Подошел производитель работ и также заинтересовался находкой. По соседству с ним жил человек, с его точки зрения, ученый, который состоял членом Восточно-Сибирского отдела Географического общества, некто В. Бельцов. Ему-то и решили показать находку.

Пока один рабочий ходил за Бельцовым, другие, продолжая копать, неподалеку от первой находки нашли клыки благородного оленя с отверстиями и шар, вырезанный неизвестно кем из кости какого-то крупного животного. Поверхность шара, местами сильно потрескавшуюся, прорезали пучки плавно изогнутых линий. В центре его была сделана глубокая лунка. Шар и клыки рабочие передавали друг другу. Восклицаниям не было конца.

Многие пытались пробовать кость на крепость, и неизвестно, что бы стало с находками, не появись Бельцов. Он внимательно осмотрел находки, но, не будучи специалистом, не сказал ничего определенного. Тщательно упаковав их, он тут же отправился к консерватору Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Ивану Дементьевичу Черскому.

В Иркутске многие знали этого скромного, молчаливого человека с застенчивой и чуть

печальной улыбкой. Когда-то в юности у себя на родине, в Польше, он примкнул к восставшим против гнета царизма и крепостничества, был арестован и сослан в Сибирь на бессрочную службу. Но ни безжалостная муштра, ни тяжелая болезнь, ни недостаток средств и времени не могли убить в нем главного - тяги к знаниям. Не успев получить достаточного систематического образования, он благодаря самоотверженному труду, негнбавшему упорству стал со временем одним из самых образованных людей своего времени. Поражают широта интересов и глубина знаний Черского в самых разных науках. Он был настоящим энциклопедистом. Его блестящие работы в области различных проблем геологии не потеряли научного значения до настоящего времени. Он обобщил обширный материал по палеонтологии Северной Азии и создал оригинальную гипотезу об истории эволюции постплиоценовой фауны Сибири. Его перу принадлежат интересные работы в области зоологии. В изучении быта и нравов народов Сибири, в истории, археологии, этнографии - везде Черский оставил заметный вклад.

Туземцы

В 1868 году Черского по болезни освобождают от солдатчины, и в 1871 году он приезжает в Иркутск по приглашению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Иркутск в течение XVIII и XIX веков играл особую роль в культурной жизни Сибири. Важное значение в изучении Сибири имел отдел Русского географического общества, который был открыт в Иркутске в 1851 году при содействии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева-Амурского. В Сибирском отделе работало немало политических ссыльных, которые своими трудами обогатили многие отрасли науки и внесли большой вклад в изучение и освоение Сибири и Дальнего Востока.

В 60—70-е годы в работе отдела принимали участие высланный на свою родину историк А. Шапов, ссыльный поляк зоолог Бенедикт Дыбовский, геолог Александр Че-кановский, археолог Николай Витковский. В 80-х годах здесь работает народоволец Дмитрий Клеменц, в 90-е годы — участники так называемой Сибиряковской экспедиции — политические ссыльные Николай Виташевский, Иван Майнов, Федор Кон, Лев Левенталь, Георгий Ястремский, Владимир Иохельсон и другие.

Черский счастлив, что наконец может заниматься наукой, к чему он столько лет настойчиво стремился. Науке он остался верен до конца своей жизни. Страстный путешественник, Иван Дементьевич значительную часть своей жизни провел в экспедициях в различных районах Сибири. Вся его жизнь — постоянная борьба с нуждой, лишениями и страстное служение науке. Умер Черский в экспедиции на Колыме. Тяжело больной, зная, что обречен, он не мог уже сам писать дневник и продолжал его диктовать до последних минут жене. Пик

Черского, город Черского, хребет Черского — скромная дань этому великому труженику науки...

Когда находки из котлована военного госпиталя попали в руки Ивана Дементьевича, он обратил внимание не только на шар, оказавшийся вырезанным из бивня мамонта, и на клыки благородного оленя с биконическими отверстиями, служившие украшениями или амулетами, но и на камни, лежавшие рядом с костями, которые по счастливой случайности захватил с собой Бельцов. Многие из них несли на себе явные следы обработки человеком, их невозможно было спутать с другими, имеющими следы расколов, но сделанными природой. Среди камней выделялись правильной формы крупные пластины с острыми режущими лезвиями. Достаточно было такую пластину закрепить в деревянную или костяную рукоять, и получался отличный нож. Внимательно осмотрев находки, Иван Дементьевич пришел в сильное волнение. И было отчего.

Откуда, как и когда произошел человек? Эти вопросы многие тысячелетия занимали умы людей. В этой области; человеческого знания издавна идет жестокая и непримиримая борьба двух концепций, двух диаметральных направлений — материализма и идеализма.

1871 год ознаменовался событиями огромного научного значения: 24 февраля вышла в свет книга великого; английского ученого Чарлза Дарвина «Происхождение; человека и половой отбор». Имя Дарвина к тому времени уже хорошо знал научный мир: вышли многие материалы, собранные им за пять лет плавания на «Бигле». Хорошо знали его и в России. Об этом свидетельствует тот факт, что 28 ноября 1867 года Российская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом.

Предшествующими книгами Ч. Дарвин заложил прочный фундамент эволюционного учения. В своей новой книге с помощью многочисленных фактов он обрушился на самые основы господствовавшего тогда учения о неизменности видов и о сотворении всего живого богом, показав всю сложность эволюции животного мира: от низших форм к высшим, от простейших организмов к человеку. Дарвин писал, что человек произошел от человекообразных обезьян, живших несколько десятков миллионов лет назад.

Во многих европейских популярных научных изданиях того времени появилось немало карикатур и злобных замечок, направленных против автора эволюционного учения и его идей. Особой яростью отличались нападки церковников, потому что эта теория в корне подрывала крейцианистскую теорию о божественном происхождении всего сущего. Они обвиняли Дарвина в безнравственности, шарлатанстве и ненаучном подходе к фактам. Но у Дарвина были не только противники, но и горячие сторонники. Более того, талантливые предшественники, которые внесли очень существенный вклад в борьбу с креацианизмом: немецкий философ Иммануил Кант, русский ученый Михаил Ломоносов, английский геолог Чарлз Лайель, французский геолог и палеонтолог Эдуард Ларте и многие другие.

Гениальность нового учения, которое получило в дальнейшем имя его основателя, состояла именно в том, что Дарвин скрупулезно собрал, обобщил и выстроил в убедительную логическую систему все сделанное до него подкрепив идеи собственными наблюдениями и новыми фактами. И не только в области естественной истории, но и в области изучения древности человека. Это направление в науке делало лишь первые шаги. И здесь были свои энтузиасты, которых не смущали недоверие, скептицизм, а нередко и враждебность.

Одного из таких энтузиастов, Буше де Перта, трудно назвать ученым в современном значении этого слова, потому что в то время, когда он, уже зрелый человек, увлекся поисками древних орудий человека, современника давно вымерших животных, еще, не существовало такой науки — первобытной археологии. Именно ему и его соратникам выпала великая честь закладывать ее фундамент. В этом сложность его исканий и трудность судьбы, но в этом и огромная заслуга и честь быть одним из первых. Он так

увлекается, что совершенно забрасывает все свои прежние занятия. Обыватель, да и не только он, с недоверием отнесся к новой страсти Буше де Перта. Человек — современник допотопных животных? Какая чепуха! Всем давно известно, когда произошел человек. А англиканским епископом Ирландии Ашером «установлена» даже точная дата сотворения мира: 23 октября за 4004 года до рождения Христова, в 9 часов утра.

Утро

Несколько лет трудится Буше де Перт. С завидным упорством он проводит обследование в окрестностях Аббевиля, внимательно наблюдает за строительными работами. И настойчивость каждый раз приносит свои плоды. Его коллекция быстро увеличивается, фактов о большой древности человека все прибавляется. Лекции, доклады. Буше де Перт стремится найти новых сторонников. В 1847—1864 годах он выпускает обширный труд «О кельтских допотопных древностях» и направляет его во Французскую академию наук с просьбой прислать комиссию, чтобы проверить сделанные им выводы. А позже передает академии свою коллекцию. Но тщетно... Ученым мужам и так все «ясно». А обывателям тем более нет дела до выдумок какого-то сочинителя. С горечью пишет он от своего имени и от имени своего скоропостижно умершего единомышленника и друга Казимира Перье: «Мы обращаемся к будущему. Нынешнее поколение скажет: это сумасбродство. Будущее поколение скажет: быть может». Простые и очень горькие слова. Такие же горькие, как и судьба человека, которому уготованы насмешки невежд и презрительное молчание «бессмертных» из академии. «Они опасались быть причисленными к союзникам еретика. И они упрямо воздвигали на моем пути самое страшное препятствие — молчание». Но Буше де Перт уже не совсем одинок. У него есть последователи. А это главное. В печати появляются сообщения о находках в Сент-Ашеле костей ископаемых животных и древних орудий труда

человека. Бельгийский ученый Шмерлинг с фантастическим упорством исследует пещеры и находит в них кости ископаемых животных. Он пишет двухтомный труд с доказательством одновременности человека и вымерших животных. Это сочинение также длительное время, почти четверть века, не замечали «сердитые ученые».

Наконец 26 апреля 1859 года в Аббевиль приезжает ученая комиссия, чтобы ознакомиться с находками на месте. Комиссия, к большому огорчению Буше де Перта, не французская, а английская. В составе комиссии очень авторитетные ученые: геологи Чарлз Лайель, Джон Престинг, крупный специалист по классической археологии Джон Эванс и другие. Они внимательно знакомятся с коллекцией, обследуют места находок, изучают стратиграфию и приходят к единодушному выводу: Буше де Перт прав!

В том же году выходит знаменитая работа Лайеля «Древность человека, доказанная геологией», где он публично признает огромное значение работ Буше де Перта для науки. Долгий период замалчивания новых идей взглядов пришел к концу. В 1861 году Эдуард Ларте публикует книгу «Новые исследования к вопросу о существовании людей и больших ископаемых млекопитающих, которые были типичны для последней геологической эпохи». Ларте впервые предлагает периодизацию первобытного общества. Он разделил его на четыре больших периода — век зубра и первобытного быка; мамонта и носорога; северного оленя; пещерного медведя. А еще через год Леббок выделил особый, наиболее ранний этап в истории человеческого общества с грубо оббитыми каменными орудиями, назвав его палеолит, или древнекаменный век, а эпоху, когда появляются первые шлифованные изделия и глиняная посуда, — неолит то есть новокаменный век.

Но это были пока еще первые робкие шаги, сделанные наукой на пути изучения жизни первобытного человека. И не случайно после выхода главного труда Дарвина «Происхождение человека» началась настоящая битва умов, в которую включились представители многих отраслей человеческого знания и люди, далекие от науки. Пройдет еще много времени, прежде чем восторжествует разум, а гипотеза о происхождении человека от обезьяны и большей древности становления человека станет общепризнанной теорией и получит широкое распространение и признание...

Вполне поэтому понятны все колебания и сомнения Черского, когда он снова и снова начинал рассматривать неожиданно полученную коллекцию, о которой на следующий день в газете появилось сообщение: «При постройке военного госпиталя, близ кирпичных сараев Косовича и Молькова, вырыто несколько каменных стрел, глиняных изделий, изделий из мамонтовых бивней, пробуравленные клыки оленя и неотделанные кости некоторых животных. Находка эта относится к каменному периоду».

И без того скудная литература об исследовании начальных этапов человеческой истории в Иркутск уж тем более попадала крайне редко, и поэтому многие выводы Черскому пришлось делать на свой страх и риск в соответствии со своими наблюдениями, знаниями и опытом. Несомненно было одно: изделия из кости и остатки фауны относятся к видам животных, которые жили в глубокой древности в постплиоценовый период и уже давно исчезли с лица земли. Если эти кости и каменные орудия встречаются в одном слое, то, значит, открыты остатки поселения человека большой исторической древности. А насколько знал Иван Дементьевым, ничего подобного пока еще не было известно не только в Сибири, но и вообще в России. Над всем этим стоило серьезно задуматься и, главное, не спешить.

Прежде всего он решил посоветоваться со своим другом и учителем Александром Лаврентьевичем Чекановским. Познакомились они давно, еще в период начальной сибирской ссылки. Судьба Чекановского была не менее трагична. Тоже восстание, тоже арест, осуждение на каторжные работы, ссылка в Сибирь. И так же как Черскому, ни кандалы, ни зной, ни тучи мошкары — ничто не могло помешать Чекановскому вести научные поиски. На каждом привале он стремился пополнить свои коллекции, а в редкие

вечерние минуты отдыха рассматривал собранных насекомых и растения под самодельной лупой, которую отшлифовал из осколка графина. Его страсть к науке поражала не только его друзей, но и караульных.

Два года провел Чекановский в глухом селе Падун к северу от Братского острога на Ангаре. Условия жизни были тяжелые. Бенедикт Дыбовский, ученый и друг юности Чекановского, в своей книге «О Сибири и Камчатке» оставил описание этого периода жизни: «Здесь в окно его убогой землянки часто стучалась голодная смерть... Живя в немыслимо тяжелых условиях, в окружении людей, способных на враждебные выступления против них, ссыльные построили землянку без окон; жили они при свете лучин или костра (из дров, принесенных издалека на собственных плечах), часто голодали. Они не могли заработать на хлеб и вынуждены были питаться рыбой, пойманной на удочку, или зверьем, добытым без огнестрельного оружия, так как не имели права держать его, да и денег у них не было, чтобы его купить. Ни один «робинзон» из фантастического романа, выброшенный на необитаемый остров, не голодал так часто и не страдал так от холода и от «диких зверей», которые здесь, увы, имели человеческий облик, как это привелось Александру Чекановскому в Падуне. Однако мне никогда не приходилось слышать от него жалобы или нарекания. Только лицо его подернулось какой-то глубокой грустью. Прежде такое светлое, оно, казалось, говорило нам о тайном страдании даже тогда, когда настали лучшие времена. Душа изболелась так, что уже не могла ощущать долгожданного счастья, уже не ждала его и даже не смогла бы пережить».

Несмотря на тяжелые условия, Чекановский продолжает свои научные исследования. Он занимается изучением геологии, ведет метеорологические наблюдения, собирает очень ценные энтомологические и ботанические коллекции. Академик Фридрих Шмидт, товарищ его по Дерптскому университету, возвращаясь из экспедиции на север Сибири, разыскал Чекановского в Падуне. По рекомендации Шмидта Академия наук приобрела разнообразные коллекции Чекановского, собранные на Ангаре, среди которых была впервые открытая им здесь силурийская фауна. Вскоре по ходатайству Академии наук Чекановский переводится в Иркутск, где целиком посвящает себя научной работе в Сибирском отделе Русского географического общества...

Лучшего знатока геологии долины Ангары, чем Чекановский, было не найти, и Черский обращается к нему за консультацией. Находки из котлована военного госпиталя не могли не заинтересовать Чекановского. По его предложению отдел Географического общества выделяет небольшую сумму денег для производства работ непосредственно на месте находок.

Следующие несколько дней Черский и Чекановский провели в котловане военного госпиталя. Они сами выбрали участок, который им представлялся особенно интересным. Перед исследователями стояло несколько задач. Прежде всего — установить, на каком уровне и в каких слоях залегают кости вымерших животных. Действительно ли они лежат в древних отложениях, одновременных с ледниковой фауной, или люди в более позднее время, обнаружив бивни и другие хорошо сохранившиеся кости, принесли их в свои поселения и использовали как поделочный материал. Академик Шмидт после поездки на север Сибири рассказывал, что долганы, якуты часто находят бивни мамонта и другие кости и делают из них различные украшения, статуэтки, а нередко используют и для различных хозяйственных нужд. Очень важно было выяснить, в каком горизонте лежали каменные орудия, сопровождали они костяные изделия или относились совсем к другим слоям.

Землекопы начали работы на небольшом участке, в несколько квадратных метров. Он был выбран рядом с котлованом, и, пока рабочие снимали верхние слои, ученые тщательно обследовали место находок. На высоте в несколько десятков сантиметров от дна трехметрового котлована в слое плотной бурой глины вначале удалось найти несколько обломанных костей. Рабочие в один голос утверждали, что именно в слое глины и на этой глубине обнаружены первые находки. Раскопки продвигались медленно. За ночь земля

смерзалась, и до полудня два землекопа осторожно рыхлили ее. Очень плотная глина с большим трудом поддавалась лопате. Приходилось работать с особой осторожностью.

Ночами Черский спал беспокойно. Он постоянно думал о раскопках и, как только рассветало, устремлялся к котловану. Но надежда на успех к вечеру сменялась разочарованием. Рабочие углублялись все дальше и дальше, и, хотя Чекановский и его помощники просматривали землю очень тщательно, перетирая в руках каждый комок, ничего интересного еще не встретили. Пошел четвертый день раскопок, который наконец дал результаты. На глубине полутора метров от поверхности в изобилии стали встречаться расколотые кости животных, раздробленные булыжники и мелкие, сколотые с них кусочки кремня. У Черского и Чекановского совсем не было опыта выделения среди всей груды камней тех, которые обработал человек. Но их терпение было вознаграждено находками нескольких превосходных, правильной формы пластин с острыми краями, обработанными мелкими сколами. Эти пластины могли убедить даже людей малосведущих, что они изготовлены человеком. В природе пластин такой правильной формы и со столь искусной обработкой не увидишь. Здесь же исследователи нашли и ядрища, с которых древние мастера скалывали такие пластины.

Самыми поразительными оказались многочисленные и разнообразные по форме изделия из бивней мамонта. Они явились большой неожиданностью и для самого Черского. Ему вначале самому с трудом верилось, что человек, современник давно вымерших животных, мог довольно примитивными орудиями так искусно обрабатывать кость и вырезать на ней различные изображения. Насколько он помнил, такого не находил в Аббевиле и сам Буше де Перт. Черский вновь и вновь внимательно обследует условия залегания находок: вдруг изделия из кости попали откуда-то сверху? Но нет, все было правильно. Бивни обрабатывали те же люди, которые охотились на мамонта, носорога, первобытного быка. Это открытие буквально потрясло всех членов Географического общества. Те из них, кто не видел находок в слое, высказывали большое сомнение в правильности выводов Черского. Им казалось невероятным, что в Сибири найден лагерь не только охотников на мамонтов, но и первых художников и скульпторов.

Черский довольно спокойно выслушивал замечания коллег, порой довольно язвительные. И только когда ему публично высказали сомнение в возможности такими хрупкими и примитивными каменными орудиями сделать высокохудожественные изделия, он не выдержал и заявил, что сам берется доказать это экспериментальным путем. Даже его сторонники и друзья растерялись от такого заявления. Черский стал каждую свободную минуту резать неподатливый и твердый, как камень, бивень мамонта. Он уже не раз пожалел о сказанном. Но упорство и желание доказать свою правоту оказались сильнее усталости и боли кровоточащих рук. Постепенно пришел навык, и Черский почувствовал, что бивень в его руках стал как будто податливее, каменные орудия уже не ломались так быстро, и работа пошла значительно успешнее. Почти одновременно он закончил обработку находок и самостоятельно сделал несколько изделий из кости. Радости не было границ. Первым его поздравил Чекановский. После этого наиболее стойкие противники признали его правоту.

В 1872 году в «Известиях Сибирского отдела Русского географического общества» вышла статья Черского «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода», в которой он писал о находке в Сибири каменных орудий, предметов искусства и украшений, сделанных человеком, охотившимся на мамонта и носорога. Он подробно описал каменные орудия, но особое внимание уделил художественным изделиям и украшениям, подчеркнув, сколь огромные труд и терпение необходимы при обработке кости такими несовершенными инструментами.

Черский не ждал славы. Он прекрасно сознавал, что не только людям, далеким от науки, но и ученым трудно свыкнуться с выводами, сделанными в его статье. Да и как могло быть иначе, если никто в России еще не делал подобных находок. Пройдет несколько лет,

прежде чем в 1879 году К. Мережковский в Крыму раскопает первые палеолитические памятники, а И. Поляков откроет неподалеку от Воронежа Костенковскую стоянку. До сих пор в России, да и нигде в мире, даже во Франции, не находили вместе с каменными орудиями допотопного человека произведения искусства и украшения. Далекая Сибирь, которую в XIX веке многие в Европе считали окутанной мраком и холодом, — и вдруг искусство! Женщины с прекрасными браслетами из бивней мамонта и другими украшениями, одетые в шкуры животных. В это было трудно поверить.

Черский, предвидя скептическое отношение многих к находкам в Иркутске, закончит свою статью энергичными и мудрыми словами о том, что многое кажущееся нынешним поколениям необычным и фантастическим из-за слабого знания природы в дальнейшем станет обыденным и привычным. И не следует делать слишком поспешных и категоричных выводов, отметающих все новое, ставящих под сомнение важные открытия, которым суждено в будущем сыграть огромную роль.

Находки у военного госпиталя в Иркутске совпали по времени с оживленной дискуссией, которая велась в научных салонах Западной Европы. В 1863 году на заседании естественноисторического общества в Штеттине сделал доклад доктор Эрнст Геккель, верный последователь теории Дарвина. Суть доклада сводилась к тому, что человек несомненно произошел от обезьяны. Задача лишь в том, чтобы найти это связующее звено. Геккель даже дал название этому существу: питекантроп, составив его из двух греческих слов: «питекос» — обезьяна и «антропос» — человек. Наиболее вероятным районом первоначального расселения питекантропа он считал Юго-Восточную Азию.

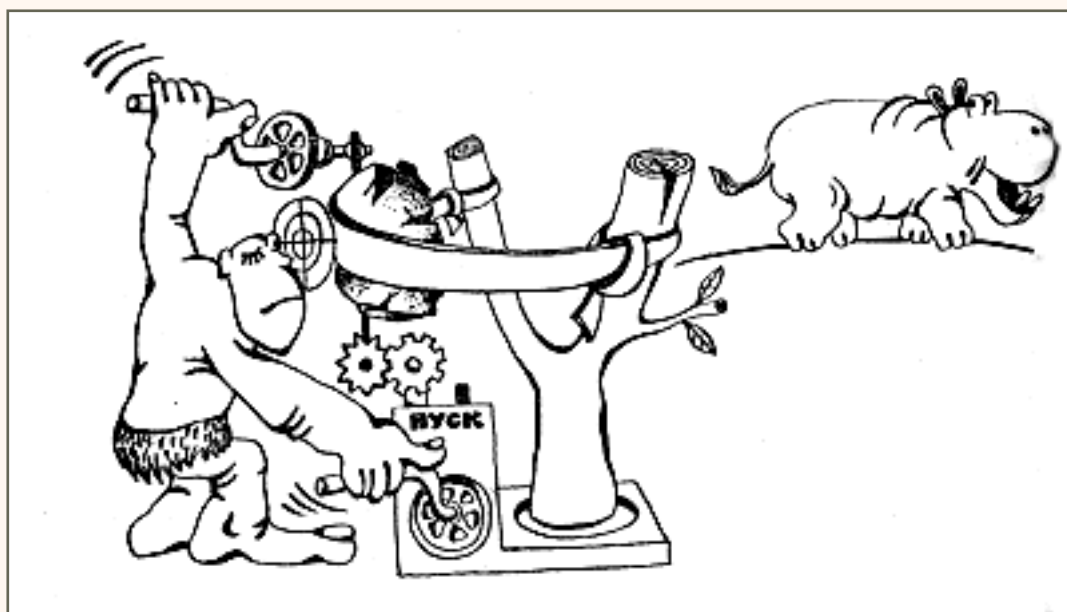
Огромный Азиатский континент все больше привлекал естествоиспытателей, которые считали, что именно здесь произошло становление человеческого общества. Азиатская часть суши испытала в процессе гигантских катаклизмов в третичный период поднятие поверхности, что привело к исчезновению тропических лесов и формированию безлесных пространств. Поэтому именно здесь мог впервые осуществляться тот великий процесс перехода нашего далекого предка от древесного образа жизни к наземному. И с этой точки зрения Северная Азия — Сибирь — наряду с Европой все больше стала привлекать внимание ученых. Была еще одна причина особого внимания к Северной Азии палеонтологов и первых исследователей, занимавшихся палеолитом. Среди ученых в Западной Европе стали широко известны находки останков мамонтов и носорогов, современников древнего человека. Исследователями делаются попытки установить связь североазиатской фауны с самим человеком.

Сделай сам

Создателем гипотезы североазиатско-европейской прародины человека стал известный французский ученый М. Вагнер. Он разработал основные ее принципы в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века. В основу ее положены идеи Дарвина и его ближайших последователей о главном факторе появления человека — резких изменениях природной среды и коренной перестройке жизнедеятельности древнейших гоминидов. Это случилось в начале четвертичного периода в связи с наступлением оледенения в Европе и Северной Азии. Именно эти районы значительных катаклизмов Вагнер считает наиболее подходящим местом для прародины человека. Обитателя вечнозеленых лесов в связи с похолоданием вынуждены были спуститься на землю, в корне изменить образ жизни, искать новые источники пищи. Если раньше предков человека в изобилии снабжала пищей сама природа, то с изменением экологических условий значительно меньше стало природной пищи, и человек вынужденно переходит к интенсивной добыче животных. Охота постепенно становится одним из основных источников питания. Все это привело к большим изменениям в самом физическом облике нового человеческого существа.

Преследование животных во время охоты стало причиной изменения нижних конечностей человека, он стал передвигаться на двух ногах. Охота требовала усовершенствования приемов и новых приспособлений, что привело к появлению первых искусственных орудий труда. По мере распространения оледенения предки человека мигрировали все дальше на юг, пока не достигли широтного евразийского горного пояса. Дальнейшее похолодание приводило к жесточайшей борьбе человека с природой. В результате этой борьбы человек мужал, более совершенными у него становились орудия труда, более разнообразными способы охоты.

Механизм

Расселение человечества по земле произошло, как считал Вагнер, после окончания ледникового периода. В это время от ледников освобождаются огромные территории Северной Азии и Европы, а лишенный льда евразийский горный барьер больше не препятствует миграциям фауны. Люди вслед за животными широко расселяются по земле на восток, запад, юг, а со временем и на север.

Такого рода идеи о миграции человека европейской части России, а отчасти и Средней Азии и Сибири были чрезвычайно популярны среди французских археологов и антропологов во второй половине XIX века. Один из крупнейших ученых того времени, А. Картфаж, прямо заявил, что колыбелью человечества является Сибирь или вообще глубокий Север. Он писал, что великие горизонты и перспективы откроются для науки, когда начнется исследование Сибири.

Находки первой в России палеолитической стоянки в Иркутске, казалось бы, блестяще подтвердили гипотезу о североазиатском центре происхождения человека, но публикация Черского, к сожалению, не дошла до широкого круга ученой публики Западной Европы. Зато она подтолкнула других исследователей в Сибири к поиску первобытных стоянок.

Сибирская археология своим становлением обязана талантливым и трудолюбивым натурам, которые, увлекшись поисками древних памятников, отдавали этому делу все свое время и все силы. И благодаря любознательности, огромному труду они со временем становились большими авторитетами в науке. Такова была судьба многих исследователей того времени. Университеты тогда не готовили специалистов по первобытной археологии. А сама наука только зарождалась.

За год до открытия у военного госпиталя в город Красноярск приезжает Иван Тимофеевич Савенков — молодой выпускник естественноисторического отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Он работает вначале учителем математики, физики и естествознания в гимназии, а с 1873 года становится директором только что образованной учительской семинарии. Савенкова отличали редкая жажда знаний и трудоспособность, исключительная энергия, целеустремленность и поразительное разнообразие интересов. Замечательный педагог, творчески разрабатывавший проблемы воспитания детей и подготовки учительских кадров, он опубликовал целый ряд работ, посвященных этим темам. В Красноярске он быстро становится известной личностью. Сочинитель пьесок и стихов для детей, любитель походов и экскурсий, лучший стрелок города и артист, на спектакли с участием которого невозможно достать билеты, он не прекращает самообразования до конца своей жизни.

В Петербурге на глаза Ивану Тимофеевичу Савенкову попадались статьи о жизни первобытного человека, но они тогда не затронули души студента. Статья Черского потрясла его: оказывается, и в Сибири возможны находки человека столь древнего возраста.

Большое влияние на формирование интересов Савенкова оказал Иннокентий Александрович Лопатин — известный путешественник и исследователь Сибири и Дальнего Востока. Горный инженер по специальности он, как и многие образованные люди того времени, не замыкался в кругу своих узких профессиональных интересов, занимался археологией, этнографией и другими науками. С 1862 по 1864 год он ведет поиски угля, золота и других полезных ископаемых в Приамурье, Приморье и на Сахалине. За это время он собрал сведения о местонахождении большого числа археологических памятников и составил первую археологическую карту юга Дальнего Востока. Позднее, работая в Западной Сибири, он увлекся древностями и составил одну из лучших коллекций изделий из бронзы.

Лопатин и посоветовал Савенкову заняться поисками древних памятников, но не в пещерах, как это было в Европе, а на открытых террасах, где в лессовых отложениях могли быть, по его мнению, остатки следов постплиоценового времени.

Савенков обследует террасы Енисея и в 1882—1883 годах находит орудия труда вместе с костями плейстоценовых животных. Поиски древних стоянок настолько увлекли его, что он потерял интерес ко всем другим занятиям, за исключением, пожалуй, шахмат. Будучи одним из сильнейших русских шахматистов конца XIX века, он остался верен этой древнейшей игре.

Наиболее значительные открытия Савенкова связаны с исследованием Афонтовой горы, расположенной у Красноярска. В глиняных карьерах здесь и раньше находили кости ископаемых животных, в том числе и мамонта. Савенков почти каждый день посещал

карьеру, собирая кости животных, вырытые рабочими, а со временем сам стал вести систематические раскопки. Вскоре у него собралась большая коллекция ископаемой фауны и различных каменных орудий, среди которых он впервые отмечает преобладание «плоских», односторонне обработанных орудий «типа мустье» над двухсторонне обработанными с грубой оббивкой «типа ашель». Здесь же, на Афонтовой горе, обнаружил он наконечники копий, топоры, рога северного оленя, сделанные в виде молотка, и костяные ножи с «желобком». Черский, познакомившись с материалами, собранными Савенковым, и осмотрев глинистые отложения на Афонтовой горе, полностью согласился с его выводами о постплиоценовом возрасте находок. «Я не сомневаюсь в палеолитической древности, — сделал заключение Черский, — не описанных еще отбивных каменных орудий, добытых Савенковым в городе Красноярске из знакомой мне толщи лесса около Афонтовой горы. Следует ожидать с нетерпением подробности описания этих находок».

В 1892 году Савенкова приглашают в Москву для участия в работе Международного антропологического конгресса. Но это совсем не означало, что его открытия нашли широкое признание. Организаторы конгресса попросили его выступить с рассказом о... красноярском неолите. Открытие Савенковым палеолита на Енисее никто не хотел замечать, а многие считали это фантазией сибирского провинциала. Живейший интерес, проявленный французскими учеными к коллекциям, собранным Савенковым, вызвал у организаторов выставки большое недоумение. Французский археолог Жозеф де Бай заявил корреспондентам газет, что эти грубые камни и кости животных с Енисея самое неожиданное, что удалось ему посмотреть на выставке.

Доклад Савенкова, в который он вопреки желанию организаторов конгресса все-таки включил материалы по палеолиту, стал настоящей сенсацией и центральным событием. Многих участников конгресса привело в изумление не только обилие самих материалов из глубинных районов Сибири, но и скрупулезный анализ всех фактов, профессионализм и четкая логика изложения. Жозеф де Бай назвал доклад Савенкова «наиболее значительным научным событием среди представленных на оценке членов конгресса... Доклад открывает новую эру в исследованиях о начальном периоде существования человека и там, где предполагалась его колыбель. И эта новая эра будет плодотворна благодаря добросовестным работам, для которых господин Савенков столь блестяще проложил дорогу». Благодаря Жозефу де Баю находки палеолита на Енисее стали широко известны в Европе. Сразу после возвращения из Москвы Жозеф де Бай выступает во Французской академии наук с докладом о выдающемся открытии на Енисее. Через четыре года он сам приезжает на Енисей и в разрезах Афонтовой горы находит многочисленные каменные орудия и кости ископаемых животных. Коллекция, привезенная им из Сибири, часто выставлялась во Франции и неизменно привлекала большое внимание специалистов и любителей древностей.

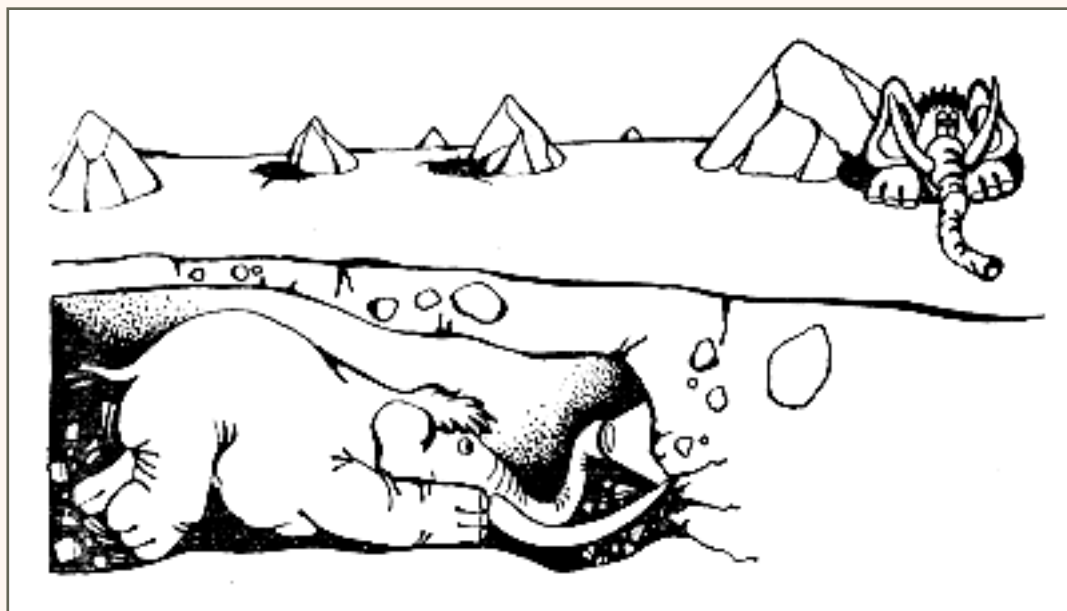
Не успели утихнуть споры вокруг находок Савенкова, как в пятом томе «Известий Академии наук» за 1896 год публикуется письмо профессора Томского университета зоолога Н. Кащенко, направленное академику Фридриху Шмидту. Автор письма сообщает, что ему «посчастливилось сделать в высшей степени интересную находку, именно скелет мамонта, съеденного людьми».

История этой находки довольно типична для того времени, когда почти никто не занимался профессионально поисками древних стоянок, и честь открытия многих из них принадлежала людям, далеким от науки. В воскресный день 14 апреля 1896 года один из томских гончаров брал глину из оврага, разрушавшего невысокий холм поднимавшийся над рекой метров на сорок. Здесь же рядом раскинулся большой гарнизонный сад, заполненный отдыхающей публикой. Пригревавшее солнце оттаяло верхние слои, и от случившегося обвала только чудо спасло гончара. Немного оправившись от испуга, он пошел к оползшей глине и стал набирать ее в корзину благо не надо было теперь долбить киркой. И тут он увидел какие-то крупные кости, обнаженные обвалом. Они были очень крупные и совсем не похожи на кости других животных, которые гончару пришлось видеть. С большим старанием он стал

расчищать одну наиболее крупную кость. Весть о находке быстро распространилась среди гулявшей по саду публики. Добровольные помощники рьяно взялись за работу, разрушая вместе с глыбами земли и кости. К счастью, нашлись грамотные люди, которые поспешили известить о находке археолога С. Кузнецова и профессора Н. Кащенко.

На следующий день Кащенко с помощниками внимательно осмотрел место находок: кости животных выступали из глины в двух местах, с восточной стороны стенки оврага прослеживались обломки сильно испорченного любительскими раскопками черепа, а с западной — тазовые кости. У Кащенко не осталось никакого сомнения, что кости принадлежат мамонту. Следовало немедленно приступить к раскопкам, пока дотошные любители не испортили здесь все. В Сибири и раньше случалось находить кости мамонтов и даже трупы, которые хорошо сохранились в условиях вечной мерзлоты. Это породило среди народов Сибири различные легенды и предания. Многие в связи с тем, что, остатки мамонтов всегда находились в земле, считали их животными, живущими под землей, вроде гигантских кротов, которые, попадая на свет, мгновенно погибали.

Такое фантастическое представление о мамонтах бытовало потому, что ученые приходили слишком поздно. Найденные кости ископаемых животных или уносились водами сибирских рек, или растаскивались местными жителями на различные поделки и другие нужды. Кащенко понимал огромное значение для науки томской находки. Вечером 15 апреля с несколькими рабочими он приступает к раскопкам. Работы продолжались почти неделю. Нужно отдать должное Кащенко в том, что он провел раскопки по всем правилам, со всеми предосторожностями, скрупулезно изучая все обнаруженное при вскрытии рыхлых отложений. Каждая из находок не извлекалась из раскопа, а осторожно освобождалась от глины и оставлялась на месте до тех пор, пока рабочие не раскопали всю площадь с разбросанными по ней обломками костей мамонта. К концу работы на томском мысу перед глазами изумленной публики предстала невиданная картина, которая даже равнодушного человека не могла не заинтересовать.

Слоны

Уже в начале раскопок Кащенко обратил внимание на один весьма любопытный факт: большинство костей мамонта оказались раздробленными совершенно определенным способом. Природа так тщательно и с такой преднамеренностью сделать это не могла. Напрашивался один вывод: это сделал человек. Тем более что раскалывались в основном те кости, которые содержали костный мозг или были наиболее пригодными для изготовления древних орудий труда. Но Кащенко не спешил с выводами. Требовались новые, более веские доказательства. И они вскоре появились. Когда раскоп углубился ниже трех метров и стало ясно, что он достиг уровня древней поверхности, стали попадаться орудия,

сделанные из камня. Здесь оказались грубые ядрища — нуклеусы, от которых отбивали грубые отщепы и правильной формы пластины. Среди орудий труда встречались ножи, пилки, скребки и другие изделия. В качестве орудий употреблялись и некоторые кости после их предварительной обработки.

Сомнений не оставалось в том, что в Томске удалось открыть единственную не только в Сибири, но и в мире стоянку, где исследователи обнаружили целый скелет мамонта. Все кости на стоянке находились на одном уровне и принадлежали только одному животному. Между костями и под ними залегала толстая углистая прослойка, во многих местах глина оказалась прокалена сильным огнем. На этом месте много тысяч лет назад горели яркие костры, на которых первобытные люди готовили мясо мамонта. Любопытно, что кострища располагались здесь же рядом с тушей убитого животного.

Кащенко удалось с помощью геологов реконструировать довольно точно рельеф местности и указать место, где мог быть убит мамонт. Подводя итоги раскопок, Кащенко писал: «Находка представляет нам хотя неполную, но живую и новую картину... отрывок из жизни человека каменного периода, остатки его пиршества, по всей вероятности, после удачной охоты».

Открытие Кащенко, ювелирные раскопки, очень ценные наблюдения и превосходное документирование всех находок привлекли к ним большое внимание специалистов. О томских находках писали многие газеты в России и за рубежом. Доклад Кащенко на X археологическом съезде в Риге был заслушан с огромным вниманием. Об этом открытии делегаты говорили и в кулуарах съезда, и с трибуны.

Кащенко, как и многих других пионеров сибирской науки, отличала не только тщательность раскопок, но и стремление зафиксировать, сберечь для потомков каждый факт, связанный с древним человеком. Уже в наше время археологи, в который раз разбирая материалы его раскопок, наткнулись на пробы угля, в которую он собрал уголь из древнего кострища. Кащенко, конечно же, не знал, что в 1949 году появится радиоуглеродный метод, позволяющий устанавливать возраст древних стоянок по органическим остаткам. Анализ этого угля дал дату 18300 ± 1000 лет назад. Именно в то отдаленное время человек разжег свое кострище на берегу реки Томи.

В конце XIX — начале XX века в Восточной Сибири и Забайкалье сделан еще ряд интересных открытий древних стоянок первобытного человека. К этому времени среди ученых уже происходит значительная переоценка старых идей и гипотез. Серьезной критике подверглась прежде всего гипотеза о Сибири как о прародине человека. Большинство ученых пришли к выводу о том, что северные районы земного шара испытали наиболее сильное влияние ледниковых процессов в четвертичный период, когда происходило становление человека, вследствие чего эти районы могли быть заселены сравнительно позднее, когда ледники уже исчезли совсем или находились в стадии затухания. Отсюда появились гипотезы о позднем времени заселения человеком Сибири, о том, что она была самой отсталой и отдаленной точкой человеческой ойкумены с очень примитивной культурой и техникой по сравнению с районами Запада.

Людоеды

Истинную роль Сибири в истории человеческого общества, особенно на ранних этапах его развития, можно было установить только широкими и систематическими раскопками, а это стало возможно лишь с созданием здесь в 20-х годах сибирской школы археологов при Иркутском государственном университете.

Успехи иркутской школы связаны с именем известного ученого, талантливого педагога Бернгарда Эдуардовича Петри. Ученик академика В. Радлова и Л. Штернберга, с конца 90-х годов он прочно и навсегда связал свою судьбу с Сибирью, переехав с берегов Невы, где работал в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, в Иркутск, на берега Ангары. Широко образованный, хорошо владеющий методикой проведения археологических и этнографических исследований, Петри по праву может считаться основателем иркутской школы этнографов и археологов. С самого основания Иркутского университета, в 1918 году, создается кафедра первобытной культуры (этнографии) и сразу же при кафедре организуется студенческий научный кружок краеведения. Кафедру и кружок с первых дней и возглавил Бернгард Эдуардович. Он обладал редкой и завидной способностью обрывать талантливыми и энергичными людьми, преданными науке.

Члены кружка выступали с рефератами, упорно трудились, обрабатывая коллекции. Бернгард Петри в предисловии к своей работе «Далекое прошлое Прибайкалья», вышедшей в Иркутске в 1928 году, писал о краеведческом кружке: «Я с особой теплотой вспоминаю наши экскурсии на раскопки, на которых мы, не жалея сил, рыли землю, и возвращались домой усталые, засыпанные пылью и глиной, и счастливые сделанными «открытиями», и обогащенные увесистыми находками. Оглядываясь на прошедшие десять лет, я с радостью вспоминаю моменты возвращения из первых научных поездок наших молодых исследователей, их волнение, когда они разворачивали пакеты с находками, и захватывающий интерес начинающих (младших). В нашей маленькой семье создавалась та коллективная работа, которая особенно ценна в области наук, требующих коллективных усилий многих исследователей; к этим наукам относится и археология».

В эту дружную семью молодых энтузиастов-единомышленников, горячо любящих науку, в то время входили Павел Хороших, Георгий Дебеч, Михаил Герасимов, Алексей Окладников, Георгий Сосновский, Гаврил Ксенофонов, Яков Ходукин и другие начинающие

исследователи, многие из которых позднее стали крупными учеными — антропологами, археологами, этнографами.

Выдающийся антрополог Георгий Францевич Дебец за свою капитальную сводку «Палеоантропология СССР» был удостоен Государственной премии СССР. Работы многих членов кружка до настоящего времени не потеряли своего значения, и о каждом из них можно было бы написать немало.

Одним из древних памятников, существенно изменившим представление об уровне культуры «первых сибиряков», стало поселение Мальта, открытое и исследованное Михаилом Михайловичем Герасимовым.

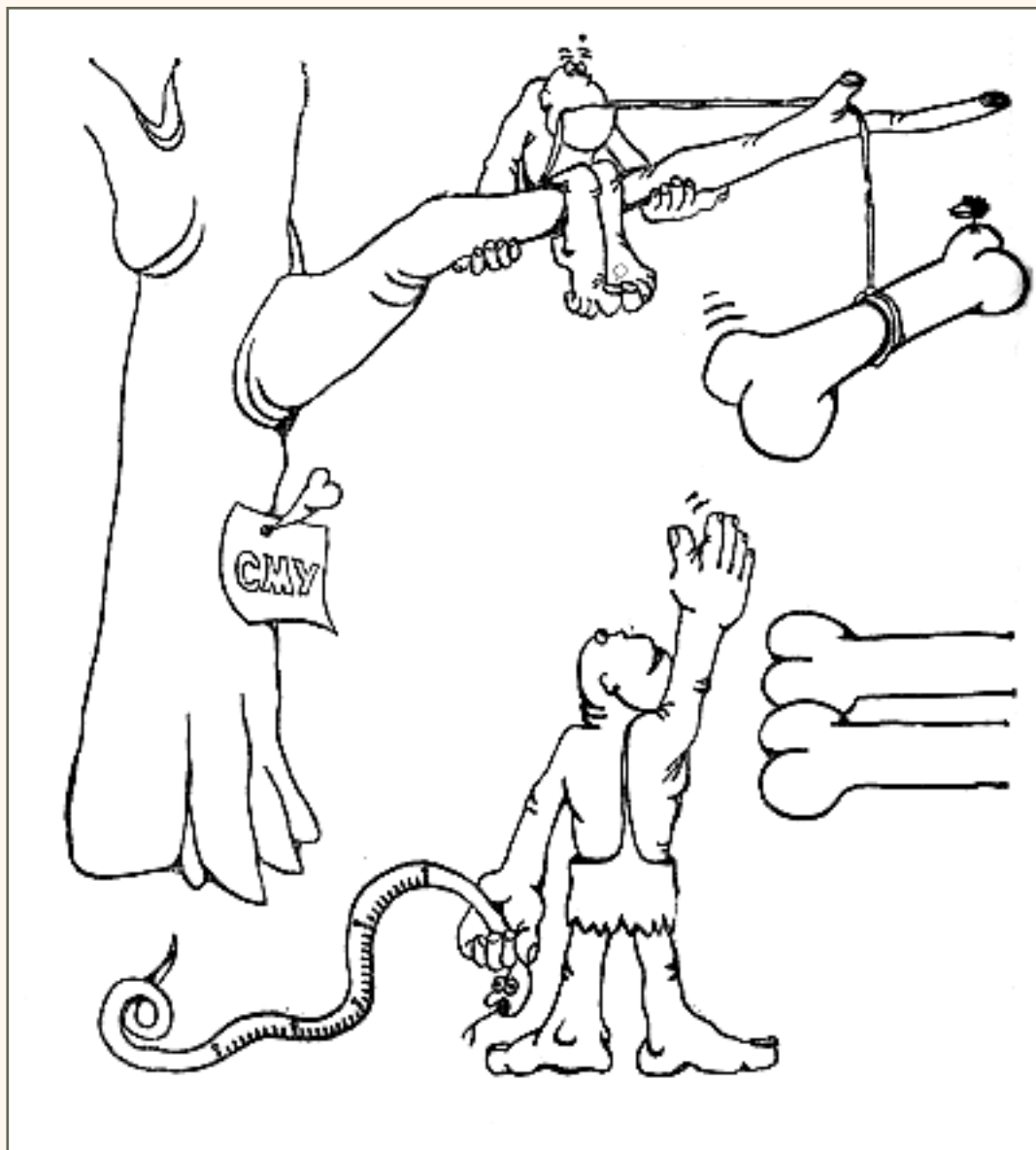
В наше время, пожалуй, трудно найти культурного человека, которому не были бы известны уникальные работы Михаила Михайловича по восстановлению лица по черепу. Эта проблема увлекла его в 30-е годы. Кропотливое изучение толстых мягких частей лица и головы в разных участках, анализ закономерностей их вариаций, установление степени связи между краниологическими и соматологическими размерами и формами — все было осуществлено ценой огромных усилий и творческого напряжения в течение многих лет. И к началу 40-х годов он разработал метод, который стал признанным во всем мире.

Десятки реконструкций портретов древних людей, видных исторических деятелей прошлого выполнены Герасимовым. С особой увлеченностью работал он над портретами Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, героя «Слова о полку Игореве» Буй Тур Всеволода, царя Ивана Грозного и других.

Работа требовала от ученого каждый раз глубокого проникновения в жизнь той страны и той эпохи, к которой принадлежал оригинал создаваемого им портрета. Как много тонких наблюдений, знания мельчайших деталей биографии потребовалось, например, для того, чтобы установить подлинность скелета Ярослава Мудрого, определить, какой из находившихся в гробнице черепов принадлежал Фридриху Шиллеру, доказать общность происхождения и тем самым достоверность останков сыновей и внуков Тамерлана.

Крупнейшим антропологом Герасимов стал позднее, а начинал он как археолог. В 1912 году, когда ему исполнилось пять лет, его семья из Петрограда переезжает в Иркутск. «Окрестности города Иркутска чрезвычайно богаты останками древних поселений, по преимуществу неолитического времени, — писал в своей биографии Герасимов, — это обстоятельство стимулировало мои ранние занятия археологией. Уже с 1922 года я систематически вел археологические работы под руководством и наблюдением работников краеведческого музея». Большую роль в формировании научных интересов Герасимова и его профессиональном становлении сыграло участие в краеведческом кружке, который возглавлял Петри.

С 1928 года у села Мальта, расположенного на левом берегу реки Белой при впадении ее в Ангару, он ведет в течение длительного времени раскопки палеолитического поселения. Работы Герасимова, посвященные Мальте, вошли в археологию палеолита как вклад первостепенной важности. По своему значению Мальта не уступает крупнейшим мировым памятникам позднего палеолита. Здесь обнаружена богатая фауна — кости северного оленя, шерстистого носорога, мамонта и другое. На поселении найдено несколько тысяч обработанных камней, остатки жилищ, которые позволили Герасимову выделить три типа сооружений. Инвентарь стоянки дал ученому возможность реконструировать технику и приемы обработки кости в период палеолита. Чрезвычайно обильно представлены разнообразные украшения и типы орнамента. Раскопки поселения Мальта имели исключительное значение для сибирской археологии. Одних только опубликованных работ, посвященных этой стоянке, достаточно, чтобы его имя навсегда сохранилось в науке.

Кости

Раскопки Мальты только разворачивались, когда на небольшом расстоянии от нее, у села Нижняя Буреть на Ангаре, А. Окладников обнаружил второе поселение древнего человека, столь же уникальное.

Мальта и Буреть дают нам наиболее яркое и полное представление о жизни и быте человека, жившего в Сибири 20—25 тысяч лет назад. Древние обитатели Мальты и Бурети, подобно эскимосам, строили постоянные или сезонные деревни вдоль берегов Ангары. Так же как эскимосы и чукчи, они сооружали большие дома из костей гигантских животных — мамонтов и носорогов, которые водились здесь в те отдаленные времена. Подобно современным эскимосским, их жилища имели углубленные в землю основания, а сверху покрывались куполообразной легкой крышей.

Материалы из раскопок Мальты и Бурети привлекли большое внимание ученых не только тем, что здесь удалось получить много новых фактов и сделать интереснейшие наблюдения о жизни и быте древнего человека, но и прекрасными образцами первобытного искусства. Перед учеными вновь встал вопрос об истоках этой культуры. Мнения исследователей разделились: одни считали ее пришедшей с запада, другие полагали, что она выросла на местной основе. Многие зависело в решении этой и других проблем от ответа на главные вопросы: когда и откуда пошло первоначальное заселение человеком Сибири?

Первые землепроходцы Северной Азии

После находок у военного госпиталя в Иркутске прошло более ста лет. За этот срок значительно изменились представления ученых о времени первоначального заселения Сибири и Дальнего Востока. Сегодня есть немало оснований удревить его в десять и более раз. Первые открытия в этом плане сделаны на Дальнем Востоке.

...Стояла золотая осень. Уходили последние дни сентября, но было еще тепло. Холодные дожди с сильным ветром, столь обычные для дальневосточной осени, явно запаздывали. 27 сентября 1961 года было жарким, по-настоящему летним днем. Вот уже больше недели археологи плавали на небольшой барже между городами Зеей и Свободным, обследуя зону будущего затопления и строительства Зейской ГЭС, чтобы выявить все археологические памятники и составить план работы по их дальнейшему исследованию. Участники экспедиции стояли на носу баржи и внимательно осматривали медленно проплывавшие мимо берега. Человек издавна селится в наиболее удобных, благоприятных местах. На больших реках древние поселения встречаются, как правило, на высоких, незатопляемых во время паводков и разливов реки местах. Особенно привлекательны места впадения в реку небольших протоков, наиболее удобные для охоты и ловли рыбы.

Археологи уже открыли несколько поселений каменного и железного веков. Продолжали поиск и в этот день. Погода была ясная, солнечная. Вплотную к реке подступали заросшие тайгой сопки. Голубые могучие сосны на высоких берегах слегка покачивались, отражаясь в воде. Изредка мелькали небольшие полянки с белоствольными березами и осинами, которые, несмотря на теплую погоду, покрылись багрянцем и уже сбрасывали свой наряд, готовясь к долгой и тоскливой зиме.

Суровостью и первозданной красотой веяло от этих диких и пока еще малообжитых мест. Казалось невероятным, что здесь, среди сопки и скалы, мог жить древний человек.

Солнце перевалило зенит, когда за поворотом реки показалось небольшое село Филимошки. Перед ним сменился и ландшафт: горы отступили, открыв широкую долину. Дома далеко разбежались по крутому, обрывистому берегу реки. Село привольно раскинулось на двух террасовидных уступах. Верхняя терраса поднималась над уровнем реки на 20—25 метров. За селом, выше по течению, в Зею впадала небольшая речка. Туда и попросил руководитель экспедиции А. Окладников направить баржу. Причалили к самому берегу. С баржи видны были крутые береговые отложения. Река, по-видимому, во время недавнего сильного наводнения обрушила в этом месте берег, и слои светло-желтых песков, и супесей, и темных глин четко вырисовывались при ярком солнечном свете. Береговые отложения, словно раскрытая книга, могут рассказать ученым о климате, наводнениях по

крайней мере за многие десятки, а то и сотни тысяч лет. Все участники экспедиции в нетерпении попрыгали на берег: хотелось пройтись по твердой земле. Да и место было удобное для древнего поселения.

Через несколько минут раздался первый радостный возглас — найден кремневый отщеп, а рядом орудие человека эпохи неолита. Пока все осматривали верхнюю часть берега, Окладников спустился к воде и пошел низом по еще теплой, хорошо окатанной гальке. И тут опытный взгляд ученого привлек один камень. Он взял его в руки и стал внимательно осматривать. На первый взгляд это был самый обыкновенный булыжник из желтоватого мелкозернистого кварцита. Но только на первый взгляд. Присмотревшись, Алексей Павлович увидел, что он расколот несколькими сильными ударами и на одном конце его имеется острое лезвие, напоминающее грубое и примитивное скребло. Рядом с камнем лежал еще один, тоже со следами обработки. Человек или природа? Такие сколы, настолько они грубы и примитивны, могут получиться и естественным путем в сильных речных потоках.

На память пришла оживленная дискуссия, которая велась по поводу так называемых «эолитов». Под таким названием вошли в научную литературу кремни, которые находили в третичных слоях, им приписывалась намеренная обработка. Среди них наиболее известными являются эолиты со следами действия огня и расколотые кремни из отложений, возраст которых несколько миллионов лет, описанные французским ученым аббатом Буржуа. Позднее были проведены специальные опыты: в камнедробильные машины бросали кремни, там они бились друг о друга, в результате чего у них получались изломы и выбоины, очень напоминающие искусственную обработку, сделанную человеком.

Что, если и гальки не человеком оббиты, а сделаны природой? Ведь еще совсем недавно, лет пятнадцать назад, Окладников сам писал, что появление в Сибири памятников, относящихся к раннему палеолиту, маловероятно. А судя по всему, эти находки гораздо более ранние, чем все известные на территории Сибири и Дальнего Востока памятники. Но пятнадцать лет для науки совсем немалый срок. За это время как в нашей стране, так и за рубежом накопился новый материал, осмысление которого вполне логично приводило к выводу, что ранний палеолит все же мог быть в Сибири. «Был!» — неоднократно говорил его учитель П. Ефименко. И каждый полевой сезон Окладников не терял надежды открыть ранний палеолит.

Человек или природа? Алексей Павлович снова и снова внимательно всматривался в свои находки. Похоже, что это сделал все-таки человек, но, чтобы окончательно решить вопрос, важно найти обработанные гальки в слое и выяснить ситуацию, с ними связанную.

Неторопливо, сдерживая волнение, он пошел к береговым отложениям. Сверху залегал мощный пласт серых иловатых песков и супесей. Ниже, на уровне глаз, виднелись прослойки галечника, лежащего на древних, коренных породах третичного периода. Алексей Павлович медленно, метр за метром стал осматривать слой, в котором залегал галечник.

Этот день был поистине удачным. Не прошло и пятнадцати минут, как он, теперь уже из слоя, вытащил гальку со следами сколов. Несколько часов тщательных поисков принесли около десятка оббитых галек. Сомнений не оставалось: они орудия труда и сделаны рукой человека. Несмотря на их сравнительно малое количество и большую примитивность, уже можно выделить руководящие формы: изделия с желобчатыми выемками и массивные гальки с острием — «носи́ком». Все находки были тщательно упакованы и отправлены в новосибирский академгородок.

В 1964 году в Москве состоялся VII Международный конгресс антропологов и этнографов. В работе конгресса участвовали многие известные советские и зарубежные ученые. На этом

конгрессе Окладников выступил с докладом «О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на реке Зее». Доклад вызвал массу споров. Были голоса против и за. Не было лишь равнодушных.

Условия залегания орудий труда и сам их облик свидетельствовали о том, что в очень раннее время, 200 — 250 тысяч лет назад, древние люди уже зажгли свои костры и заселили районы, расположенные севернее 54-го градуса северной широты.

Хронологически находки в Филимошках могут быть сопоставлены с ашелем Западной Европы и синантропом в Китае. Мог ли древний человек проникнуть так далеко на север при существующей в то время природно-географической обстановке в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии?

Природа Дальнего Востока в целом в течение всего четвертичного периода испытывала направленные ритмические изменения, отличавшиеся местным своеобразием. Растительный и животный мир этой территории сохранил в четвертичном периоде много третичных реликтов. Дальний Восток — район со слабыми изменениями природных условий в антропогенезе по сравнению с северо-западом Евразии, испытавшим катастрофические изменения природы. Причина отличий, как предполагают большинство исследователей, — в покровном оледенении северо-запада и отсутствии его на Дальнем Востоке. Из чего следует, что в плейстоцене климатические условия в бассейнах рек Амура, Зеи и в Приморье были весьма благоприятны, и человек вполне мог здесь жить в нижнем и среднем палеолите.

В нижнечетвертичное время и в начале среднечетвертичного на юге Дальнего Востока определяющую роль в подлеске играли вечнозеленые растения. Климат был еще теплым и влажным.

Среднечетвертичное оледенение, являющееся для этой территории максимальным, оказало существенное влияние на формирование растительного и животного мира. Споровопыльцевые спектры отложений, синхронные периодам оледенений, говорят о том, что были широко распространены березовые леса и редколесья. Большие площади занимали моховые и сфагновые болота с кустарниковой березой и ольхой.

Весьма характерно для растительности Дальнего Востока было отсутствие, по крайней мере в прибрежной части, «сухой фазы» с большим участием ксерофитовых ассоциаций, что связано, по-видимому, с морским муссонным климатом. Наличие в современной флоре Приморья, Приамурья большого числа реликтов третичной флоры указывает на то, что они переживали эпохи оледенений в наиболее благоприятных местах обитания, сильно сокращая свои ареалы и широко расселяясь в межледниковые периоды. Более мягким климатом в ледниковое время можно объяснить то, что в приамурской и уссурийской тайге и сейчас растут представители древней субтропической флоры — бархатное дерево и маньчжурский орех, дикий виноград и лимонник, женьшень и аралия. Благоприятные климатические условия, видимо, и позволили человеку в глубокой древности заселить эти отдаленные территории Северной Азии.

Находки в Филимошках древних орудий труда не являются сегодня единственными. Новым подтверждением гипотезы об обитании древнего человека на Дальнем Востоке во времена нижнего палеолита являются находки галечных орудий у села Кумары, в бассейне верхнего Амура. Это местонахождение открыто еще в 1957 году Э. Шавкуновым. Он собрал коллекцию каменных орудий, относящихся, бесспорно, к палеолиту.

В 1968 году работы в Кумарах продолжил автор. Раскопки и тщательный осмотр береговой террасы позволили выявить в районе села несколько культурных горизонтов: палеолит, мезолит, неолит. Особый интерес представляют три палеолитических местонахождения. На первом найдено несколько десятков орудий труда, относящихся к очень древнему времени

— нижнему палеолиту. Находки, располагаются на прибрежной полосе галечника, а некоторые из них — непосредственно в воде. Протяженность галечника, где встречались находки, более 800 метров. Орудия труда представлены тремя видами — чопперами, чоппингами и орудиями с остриями — «носиками». Найдено также несколько бесформенных галек, с которых скалывались грубые отщепы.

Интересно расположение находок. Все орудия найдены в древнем галечнике, который перекрывает 10—15-метровая толща суглинков и супесей. Рыхлые толщи, постоянно поднимаясь, подходят, к скалистым сопкам, которые тянутся цепью в 200—300 метрах от современной долины Амура. В отдельных местах скалы подходят прямо к воде, обрываясь крутыми уступами. Подобная же ситуация наблюдается и на правом берегу Амура. Вполне возможно, что в нижнем палеолите ширина долины Амура колебалась в соответствии с сухими и влажными периодами и русло реки то наступало, то отступало. При сужении долины Амура обнажались галечники, которые являлись прекрасным материалом для изготовления орудий. Подобная закономерность прослеживается и в Монголии, где большая часть нижнепалеолитических памятников обнаружена в русле древних рек. Рыхлые же отложения первой террасы Амура все верхнеплейстоценовые и образовались значительно позже.

В 1969 году удалось открыть третий памятник, где найдены такие же архаичные изделия из камня. Новое местонахождение располагается в пяти километрах от бывшего села Падь Калашникова, вблизи устья речки Усть-Ту. В слое галечника, который лежит на коренных породах, обнаружены грубо оббитые гальки. Слой галечника перекрывает терраса, сложенная рыхлыми слоистыми отложениями иловатых песков и супесей. Терраса в два-три километра длиной, плавно повышаясь, подходит к невысокой горной гряде.

В 1969—1970 годах здесь производили раскопки, во время которых удалось обнаружить более 200 галек, обработанных рукой человека. На расстоянии четырех-пяти километров от этого местонахождения выявлены еще два участка, где встречались галечные орудия такого же типа.

За открытиями на Дальнем Востоке последовали и другие — в Сибири и на Алтае. В том же 1961 году А. Окладников на речке Улалинке в черте города Горно-Алтайска нашел грубо оббитые гальки. В начале июня 1966 года наш небольшой отряд советско-монгольской экспедиции под руководством Окладникова по пути в Монголию остановился на один день в Горно-Алтайске — административном центре Горно-Алтайской автономной области, чтобы еще раз осмотреть палеолитическое местонахождение на Улалинке.

Улалинка — типичная горная река. Левый ее берег низкий, а правый круто обрывается уступами высотой 20—25 метров. Мы решили попытаться счастья и заложили несколько разведочных раскопов. Солнце нещадно палило в наши спины. Когда мы выезжали из Новосибирска, там было холодно и ветрено, а здесь, в Горно-Алтайске, стояла тридцатиградусная жара. В слое красноватых супесей нам часто попадались орудия труда. Их возраст был ясен: все они верхнепалеолитические и не древнее 30 тысяч лет. Несколько часов работали без перерыва. Нам предстояло углубиться на несколько метров до голубоватого цвета плотных глин, лежащих на кварцитовых коренных породах. И вдруг из-под лопаты вылетела галька из мелкозернистого кварца, один конец которой был оббит и напоминал грубое скребло. Работа пошла веселее. Даже наш скептически настроенный шофер после краткой, но эмоциональной лекции о значении этой находки взялся за лопату. К вечеру мы имели еще несколько грубых орудий и отщепов, и все они напоминали древнейшие орудия труда.

А. Окладников в течение ряда лет проводил раскопки на Улалинке. И к настоящему времени на этой стоянке-мастерской собран огромный материал, насчитывающий несколько тысяч изделий. По своему каменному инвентарю стоянка-мастерская на речке Улалинке —

уникальный памятник ярко выраженной галечной культуры, в нем не обнаружено ни одной пластины, а только обработанные человеком кварцитовые желваки и примитивные орудия из галек. Это местонахождение представляет целую эпоху в истории каменного века Северной Азии. В обработке материалов и в раскопках Улалинки принимали участие геологи, палеонтологи, палинологи. На основании палеомагнитного метода находки в Улалинке были датированы неожиданно ранним временем. Первые датировки оценивали границу слоя более чем в 700 тысяч лет, а верхняя датировка — более чем в 300 тысяч лет. В 1979 году работы по определению возраста продолжались с использованием термолюминесцентного метода, т возраст нижнего культурного горизонта определен в 690 тысяч лет. Это ставит Улалинку в один ряд с древнейшими памятниками в Северной и Центральной Азии.

Орудия труда, обнаруженные в Улалинке, также являются одними из древнейших, известных в этом районе. Они относятся к тому отдаленному времени, к той эпохе нашей истории, когда человек делал свои первые шаги на пути к преодолению зависимости от природы, осваивая все новые и новые территории земного шара. Но эти шаги были робкие и очень неуверенные, слишком человек еще зависел от постоянно изменяющейся природной обстановки.

Важные открытия за последние двадцать лет сделаны археологами Иркутского университета Г. Медведевым, М. Аксеновым и другими. Во время охранных работ в зоне затопления Братского водохранилища они обратили внимание на грубые орудия труда и ядрища, которые встречались на пляже. Начались систематические поиски мест, откуда берутся эти древние находки. Поиски привели исследователей на высокие, 100-метровые возвышенности. Там-то впоследствии и удалось найти грубо обработанные изделия древнего человека. Среди них имелись и хорошо оформленные ядрища леваллустыерской формы для снятия пластин с определенным контуром. Следует отметить важную особенность находок, относящихся к раннему времени: галечная поверхность их вся как будто изъедена мелкими точками-оспинками — результат длительного воздействия сильных ветров и других природных факторов на поверхность камня — так называемая корразия. О большой древности находок в Приангарье свидетельствует форма орудий, техника первичного и вторичного расщепления.

Нужно отдать должное иркутским археологам: они не спешили с выводами. Накапливая материал, делали десятки шурфов по несколько метров глубиной каждый, чтобы получить хорошие стратиграфические разрезы, а главное, вели поиск каменных орудий непосредственно в слое, что позволяло точно установить время находок. Терпение и упорство были вознаграждены блестящими открытиями. Теперь нет сомнений в том, что 200—300 тысяч лет назад и в Приангарье расселялся древний человек.

Совсем неожиданными, в прямом смысле сенсационными стали находки якутского археолога Ю. Мочанова на Лене в местности Дюринг-Юрях в 120 километрах от Якутска. В 1983—1985 годах ему и его сотрудникам удалось вскрыть несколько тысяч квадратных метров площади. Найдено около двух тысяч изделий. Они настолько грубы и примитивны, что напоминают знаменитые находки в Олдувайском ущелье на востоке Африки.

Ученым многое предстоит сделать, чтобы по достоинству оценить открытие в Якутии. Результаты исследований флоры и другие данные свидетельствуют о том, что в те времена в этих районах было даже несколько холоднее, чем сейчас.

Уровень культуры олдувайского человека, навыки его в борьбе за свое существование, хотя он и получил название хомо хабилис, или человек умелый, находились на самой низкой ступени. Человек, по существу, делал еще только первые шаги в своем новом качестве. Изготавливая первые орудия труда, он только заявлял о своем праве называться человеком. С этого времени, пожалуй, и следует вести отсчет нашей истории. К

олдувайской культуре уходят истоки цивилизации нашего XX века. Но экологические условия обитания первого человека в Африке, в отличие от Якутии, были благоприятными: тепло, сухо, обилие животных, которые могли бы стать его добычей.

Очень важно, чтобы не повторилась история, связанная с одним из первых ученых, который закладывал основы новой науки — первобытной археологии, — Буше де Пертом. Находки в Дюринг-Юрях дискуссионны в смысле их датировки. Но несомненно то, что они очень древние и что это открытие одно из интереснейших в Сибири.

Открытие столь древних комплексов на юге Сибири и Дальнего Востока ставит перед учеными несколько важных вопросов, на которые необходимо найти ответы. Откуда и когда мог прийти первый человек в Сибирь? Кто он был, этот первопроходец Северной Азии? Какова его последующая судьба? Но прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, обратимся к истории науки.

У Дарвина наряду с яркими врагами и недоброжелателями, как мы уже говорили, нашлись и горячие последователи. Один из них — немецкий ученый Эрнст Геккель — высказал замечательную мысль о том, что между 7 обезьяноподобными предками и современным типом людей должна была существовать промежуточная форма, которую он назвал питекантропом. Геккель рекомендовал искать костные останки обезьяночеловека где-нибудь на юге Азии.

В истории науки имеются примеры беззаветного служения идее, когда человек, поставив перед собой цель, стремится выполнить ее, несмотря на все лишения и трудности. К таким людям следует отнести увлеченного сторонника учения Дарвина — доцента анатомии Амстердамского университета Евгения Дюбуа (1856—1940). В конце 80-х годов XIX века он объявил, что отправляется на острова Малайского архипелага в поисках обезьяночеловека, предсказанного Геккелем. Мало кто верил в удачу молодого ученого. Во-первых, сама идея поисков древнего ископаемого человека вызывала много возражений. Во-вторых, Юго-Восточная Азия — это огромная территория, в несколько миллионов квадратных километров, и искать небольшую стоянку, на которой могли быть останки древнего человека, — безумная затея как казалось многим. Несмотря на советы «доброжелателей», Евгений Дюбуа, сменив тогу ученого с блестящим будущим на халат простого врача колониальных войск, Я в конце 1888 года прибывает на остров Суматра. Свободного времени почти не оставалось, но Дюбуа с титаническим упорством ведет раскопки. Проходят месяцы, годы. Недостаток средств, рабочих, тяжелые условия жизни в тропиках — ничто не может поколебать уверенности ученого в успехе. Он упрямо продолжает поиск.

Пошел 1891 год. Евгений Дюбуа работает в восточной части острова Ява. Он тщательно исследует межгорную полосу между действующими вулканами Мербабу и Лаву (на западе), потухшим вулканом Лиман (на юге) и горами Кедунг (на востоке).

В конце года Дюбуа приступает к раскопкам на берегу реки Соло, близ селения Триниль. Все кругом напоминало о беспощадной и неумолимой силе лавовых потоков, уничтоживших все живое и застывших безжизненной равниной. Метр за метром углублялись рабочие в грунт. Каждый вечер утренняя надежда на удачу сменялась разочарованием. Казалось, уже никто не верил в положительный исход раскопок, когда на пятнадцатиметровой глубине, в слое, содержащем кости слона стегодонта, индийского носорога, первобытного быка, тапира и других животных, Дюбуа нашел зуб, напоминающий человеческий. Находка окрылила ученого. Теперь время летело незаметно. Е. Дюбуа «колдовал» над зубом, который он первоначально посчитал зубом мудрости вымершего гигантского шимпанзе, а рабочие продолжали раскопки. Спустя некоторое время неподалеку от зуба был найден окаменелый предмет, напоминавший по форме панцирь черепахи. Осторожно убирая наслоения, Дюбуа вдруг понимает, что это не что иное, как черепная крышка «крупной человекообразной обезьяны...».

После сезона дождей на следующий год последовали новые не менее интересные находки: бедренная кость и еще один зуб, такой же, как и первый. В 1893 году Е. Дюбуа извещает ученый мир о находке недостающего звена в родословной человека, предсказанного Э. Геккелем, — питекантропа, добавив к нему видовое обозначение — «прямоходящий». С этого времени и до смерти вся жизнь первооткрывателя связана с острыми дискуссиями, которые велись вокруг яванского человека. Рассказывают, что во время возвращения в Европу корабль в открытом море попал в сильный шторм. Дюбуа кинулся в трюм, где стоял ящик с находками, и крикнул жене: «Если что-нибудь случится, спасай детей, а мне нужно думать о ящике!»

Долго и трудно шел Дюбуа к своему выдающемуся открытию. Еще более трудна и даже трагична дальнейшая его судьба. Сразу же после первых сообщений о находках появилось немало злобных статей, высмеивавших первооткрывателя и его детище. У ученых не было единой точки зрения на то, в какую точку схемы эволюции поместить яванскую находку. Одни считали питекантропа человекообразной обезьяной с человеческими признаками, вторые — человеком с обезьяньими чертами, третьи, как и Дюбуа, — переходной формой между обезьяной и человеком. До самого конца своей жизни Дюбуа полагал, что яванский человек и есть недостающее звено в нашей родословной. Он много ездил по свету, выступал с докладами, демонстрировал свои находки. Но постепенно его все больше и больше охватывало разочарование: питекантроп не получал, как ему казалось, достойного признания. Обидевшись на то, что большинство ученых не согласны с его точкой зрения, он превращается в настоящего отшельника и почти тридцать лет никому не показывает найденные им кости. Только в 1932 году он вновь пригласил к себе нескольких крупных антропологов, и питекантроп вновь стал объектом глубокого изучения.

Работы на Яве продолжил между 1937 и 1946 годами датский антрополог Густав Кенигсвальд. Ему повезло еще больше: удалось откопать пять фрагментов черепов и другие кости обезьяночеловека.

Находки питекантропа явились не только важнейшим доказательством справедливости теории Ч. Дарвина о происхождении человека от высших обезьян, но и свидетельством очень раннего появления в Юго-Восточной Азии человека. Индонезийский ученый Сартоно считает, что на Яве в течение продолжительного времени (800— 500 тысяч лет назад) жила большая группа древнейших людей — питекантропов, останки которых и посчастливилось найти Дюбуа.

О жизни питекантропов известно немного. Они жили в дождливый и сравнительно прохладный период, когда средняя годовая температура на Яве была примерно на шесть градусов ниже современной. В это время там обитали носороги, древние слоны, олени, антилопы, быки, барсы, тигры.

Первые находки останков питекантропов не дают представления об их трудовой деятельности, что считается решающим в определении, обезьяна это или древний человек (ведь, как писал Ф. Энгельс, «труд создал человека»). На основании морфологических признаков многие ученые все же склонялись к мысли, что у питекантропа гораздо больше человеческих черт, чем обезьяньих. А найденные Кенигсвальдом в 1936 году древнейшие каменные орудия в долине реки Боксок у Паджитана окончательно подтвердили это предположение. Большую часть орудий составляли чопперы, чоппинги, грубые сколы и скребла.

В настоящее время останки питекантропов найдены не только в Азии, но и в Африке, и в Европе.

Питекантроп — не единственный известный сейчас древний человек Азии. Новые, не менее

интересные и важные для науки находки останков первобытного человека были сделаны в 54 километрах от Пекина, около станции Чжоукоудянь. Эти находки связаны с именем выдающегося исследователя древних культур Центральной и Юго-Восточной Азии — Иоганна Гунара Андерсона.

В 1918 году он услышал от профессора Гибба, химика по специальности, что недалеко от Пекина, в местности Чжоукоудянь, на горе Цзигушань («Гора куриных костей»), в слое красной глины, заполняющей пещеру, много костей птиц и грызунов. Посетив Цзвгушань в 1919 году, Андерсон обнаружил, что рабочие, добывавшие глину, оставили нетронутыми рыхлые отложения, заполнявшие пещеры. Причиной тому была легенда, будто встречающиеся в заполнении кости принадлежат курам, съеденным лисицами, которые затем превратились в злых духов. Опасаясь мести духов, рабочие боялись прикасаться к красной глине. Когда здесь начались палеонтологические раскопки, один из местных жителей сообщил исследователям, что неподалеку есть место, где много драконовых костей. Этим местом оказалась «Гора костей дракона», расположенная в 150 метрах от Чжоукоудянь, где по инициативе Андерсона и начались новые раскопки. Когда вместе с костями животных обнаружили кварцевые отщепы, Андерсон пришел к убеждению что они попали сюда не случайно: постучав по отложениям древней пещеры, Андерсон со свойственной настоящему исследователю интуицией сказал: «Здесь будут найдены останки нашего древнего предка». Эти слова целиком оправдались в ходе дальнейших раскопок.

Раскопки возглавили Дэвидсон Блэк и Пей Веньчжун. Вначале были найдены два зуба древнего человека, а затем третий. Шестнадцатого августа 1927 года Блэк объявил, что открыл новый род и вид доисторического человека *Sinanthropus pekinesis*, или синантроп пекинский. После смерти Блэка работы продолжил Франц Вейденрейх. За десять лет, с 1927 по 1937 год, удалось открыть кости, принадлежащие более чем 40 особям древних людей. Это были мужчины, женщины, дети. Найдено 5 черепов, 9 их фрагментов, 6 фрагментов лицевых костей, 14 нижних челюстей, 152 зуба - одна из лучших в мире г коллекций останков древнейших людей.

В 1939 году Кенигсвальд привез в Пекин свои находки яванского питекантропа. Состоялась историческая «встреча» пекинского человека и яванского, о которой Кенигсвальд писал: «Мы разложили свои находки па большом столе в лаборатории Вейденрейха, оборудованной по последнему слову техники, — с одной стороны китайские, с другой — яванские черепа. Первые были ярко-желтого цвета и далеко не так окаменевшие, как наши, яванские находки. Несомненно, в большей мере это объяснялось тем, что пещера обеспечивала им лучшую сохранность, тогда как яванский материал был вкраплен в песчаники и туфы. Сравнение подлинных черепов было проведено по всем характеристикам, и во всех они показали высокую степень соответствия». Ученые пришли к выводу, что питекантроп и синантроп по всем основным характеристикам очень родственные виды древних людей.

Начавшаяся агрессия Японии прервала раскопки в Чжоукоудяне. При подходе японцев к Пекину начались споры о том, как поступить с находками синантропа. Наконец китайские ученые решили упаковать их и отправить пароходом в Америку. Ящики с коллекциями были отправлены на поезде в сопровождении солдат из Пекина в порт, где их ждал пароход «Президент Гаррисон». Дальнейшая судьба коллекций неизвестна. Существует на этот счет много версий, но, к сожалению, для науки сохранились только прекрасные рисунки и гипсовые слепки, сделанные Вейденрейхом и увезенные им ранее в Америку. Яванскому человеку повезло больше. Несмотря на многие злоключения после оккупации Явы японцами, эти коллекции удалось сохранить почти полностью.

Поиски и исследования останков древнего человека в Азии продолжались, а перед палеоантропологами была поставлена новая проблема в связи с находками в 1924 году Р. Дартом в Южной Африке нового существа, названного им австралопитеком. Раскопки в этих районах велись в течение многих лет. Найдено было несколько разновидностей

австралопитековых. Ученые выдвинули различные гипотезы о месте австралопитековых в эволюционной системе. Разрешить спор удалось Л. и М. Лики, которые в Олдувайском ущелье в 1959 году нашли останки массивного австралопитека, а на следующий год еще один череп, который принадлежал к изящному типу и имел больше человеческих черт, чем черепа австралопитековых Южной Африки. Возраст олдувайских находок составлял около 1,7—1,8 миллиона лет, а главное, там были найдены примитивные галечные орудия, то есть этот человек, названный *Homo habilis*, или человек умелый, пользовался ими уже на протяжении длительного времени. Последующие раскопки дали не только новые находки человека умелого, но и кости питекантропа, обнаруженные в вышележащих горизонтах. Таким образом/ появилась возможность проследить непрерывность линии развития от человека умелого к питекантропу.

Прошло совсем немного времени, как последовали новые, не менее важные открытия. Годы с 1967-го по 1977-й называют золотым десятилетием в палеоантропологии. В 1967 году начинаются раскопки в долине реки Омо в Эфиопии. Американскую группу возглавлял К. Хоуэл, французскую — К. Арамбур, а после его смерти — Ив Коппанс, кенийскую — сын М. и Л. Лики — Ричард Лики. Участниками экспедиции открыты останки гоминид возрастом около 3 миллионов лет, человека умелого — возрастом в 1,85 миллиона лет и питекантропа — возрастом около 1,1 миллиона лет.

Затем последовали раскопки Р. Лики в районе озера Турана (Рудольфа) в Кении, где удалось найти хорошо сохранившийся череп, несколько более древний, чем находки хомо хабилисов в Олдувае. Его объем был равен 773 кубическим сантиметрам, и он превышал объем черепа человека умелого на 130 сантиметров. Там же был обнаружен череп питекантропа (*Homo erectus*) возрастом в 1,5 миллиона лет.

Еще более удивительные открытия ожидали ученых в районе Афарского треугольника, в местности Хадар к северо-востоку от Аддис-Абебы в Эфиопии. С 1973 по 1976 год здесь вела исследование комплексная международная экспедиция под руководством Д. Джохансона. Найдены были останки более 350 костей гоминид возрастом от 3 до 4 миллионов лет, в том числе хорошо сохранившаяся верхняя часть скелета женской особи, получившая имя Люси. Американские антропологи Д. Джохансон и Т. Уайт выделили Люси и близкие к ней формы в особый вид *Australopithecus afarensis* и считают, что этот гоминид, наиболее древний и примитивный из всех известных, был предком остальных видов. В том же районе найдены орудия труда возрастом более 2,5 миллиона лет.

Открытия последних лет в Эфиопии и Кении вызвали оживленную дискуссию, которая продолжается до сих пор. Перед учеными встали новые проблемы. Пока несомненно одно — из всех известных находок человека и его первых орудий труда самые древние — именно африканские. Но окончательный ответ на вопрос о прародине человека все же еще впереди.

Э. Уайт и Д. Браун — популяризаторы первобытной археологии и палеоантропологии, — обращая внимание на сложность поисков останков древних людей, пишут: «Успехи этих первых людей, по мере того как они и их культура распространялись по дальним пределам Старого Света, — это повесть, страницы которой обнаруживаются на расстоянии многих тысяч километров друг от друга. Когда обрывки этой повести собирают воедино, становится ясным ее поразительное содержание. Словно ученые разыскали множество разрозненных двустиший из «Одиссеи», героической поэмы древнегреческого певца Гомера, расположили их в правильном порядке и узнали, кем был Одиссей, как он жил и где побывал, скитаясь по морям».

В настоящее время наиболее распространены две точки зрения. Согласно одной из них родиной человека является Африка, что, казалось бы, подтверждают находки там австралопитековых. Согласно другой, в область становления человека представляется

возможным включить районы Юго-Восточной и Южной Азии. Густав Кенигсвальд, например, заявил: «Я твердо убежден, что древнейшие предки человека пришли из Азии, где рамапитек жил около 10 миллионов лет назад. На Яве останки раннего человека (питекантропа) обнаружены рядом с останками одного из австралопитековых (мегантропа). Это очень любопытное обстоятельство, которое означает, что сходная ситуация существовала по обе стороны Индийского океана — и в Олдувае и в Сангиране. Расстояние от Явы до Индии примерно равно расстоянию от Индии до Олдувая, то есть можно предположить, что становление человека началось в Индии».

Факты, которыми наука располагает сегодня, бесспорно, свидетельствуют о заселении районов Юго-Восточной Азии нашими древними предками около миллиона лет назад. В последние 10—15 лет не только на юге, но и на севере, в Китае, обнаружены остатки культуры древнего человека, возраст которого более 700 тысяч лет. Его называли ланьяньским, и он значительно древнее, чем синантроп. В 1983 году автору удалось посетить Чжоукоудянь, ознакомиться с находками китайских археологов. Особое впечатление произвели орудия труда возрастом около миллиона лет, найденные в нихэваньских горизонтах.

Китай, несомненно, — один из районов, откуда древние люди могли прийти в Северную Азию. Но только ли Китай?

Еще в конце XIX — начале XX века учеными высказана оригинальная гипотеза о центральноазиатском очаге происхождения человека.

Среди первых в 70-х годах XIX века к таким выводам пришел видный русский ученый, антрополог и этнограф Д. Анучин, который уже на склоне лет, в 1922 году, за год до своей смерти, опубликовал в журнале «Новый Восток» специальную статью под характерным названием: «Азия как прародина и учительница человека». Его взгляды поддержали и развили академик П. Сушкин и профессор Г. Дебец. По их мнению, на этой территории в связи с резким поднятием суши раньше всего начали исчезать леса, вследствие чего человекообразные обезьяны, наши далекие предки, вынуждены были спуститься с деревьев на землю и перейти к наземному образу жизни, который неизбежно привел к большим изменениям в их организме. Так как растительной пищи с исчезновением лесов становилось все меньше, наши предки постепенно перешли на мясную, которую добывали охотой с помощью примитивных орудий труда.

Среди зарубежных ученых эту идею развивал на основании выдвинутой им теории о едином «центре дисперсии» крупнейший американский палеонтолог и археолог Г. Ф. Осборн. Из Центральной Азии согласно его теории в ранние геологические эпохи и происходило распространение млекопитающих животных: на запад — в Европу и на восток — в Америку. Иначе невозможно было понять, почему многие виды животных так близки друг другу. Не могли же они, такие похожие, возникнуть самостоятельно, думал Осборн. Наиболее подходящим местом для «центра дисперсии» между материками была Центральная Азия. Именно здесь, между Гималаями и Байкальским нагорьем, и следовало, по мысли Осборна, ожидать открытия недостающих первых звеньев эволюции, в том числе и самого человека. Из этого гигантского естественного «котла природы» должны были распространиться по земному шару его древнейшие предки.

Для подтверждения гипотезы в глубины Монголии в 20-е годы направляется американская центральноазиатская экспедиция под руководством крупного ученого-биолога Р. Ш. Эндрюса. В состав экспедиции вошли многие крупнейшие исследователи из разных стран: П. Тейяр де Шарден, Э. Лиссан, Н. К. Нельсон, В. Гренжер, Г. П. Берки, Ф. К. Моррис и другие.

Экспедиция по тем временам была первоклассно оснащена, хотя сама идея отправиться в

пустыню Гоби на автомобилях в те годы была скорее авантюрой, чем продиктованной строгим учетом ситуации и условий работы в слабозаселенном и плохо исследованном районе земного шара. В экспедиции работало девять автомобилей — однотонные «фултоны» и детройтские «доджи». Огромный караван верблюдов на полтора-два месяца раньше отправился в пустыню с газOLIном и нефтью для заправки автомобилей.

Ученые работали несколько лет. Участникам этого большого научного предприятия удалось обнаружить значительное количество ископаемых животных, в том числе гигантское кладбище динозавров в самом сердце Центральной Азии — пустыне Гоби в местности Баиндзак (дословно с монгольского «Богатый саксаул»), или Шабарак усу (от названия колодца «Глинистая вода»). При закате солнца скальные гряды здесь отливают ярко-вишневым цветом, отчего они получили романтическое название «Пылающие скалы». В Шабарак усу нашли почти полные скелеты динозавров, населявших землю многие десятки миллионов лет назад.

Несмотря на самые тщательные поиски, экспедиции не удалось найти не только полного скелета древней человекообразной обезьяны, которая могла быть прямым предком человека, но даже ни одной кости такой обезьяны. Единственным, что давало какую-то надежду на открытие таких существ, был зуб древнейшей ископаемой обезьяны — плиопитека. Но этого слишком мало, чтобы говорить всерьез о Центральной Азии как о прародине человечества.

В Баиндзаке сотрудники экспедиции собрали десятки тысяч изделий древнего человека. Около потухших тысячи лет назад костров древних обитателей пустыни Гоби халцедоновые отщепы и пластины лежали, по словам археолога Нельсона, как «свежевыпавший снег», Нельсон же датировал эти находки мезолитическим временем, то есть не древнее 10—12 тысяч лет.

Наиболее ранние находки, открытые учеными в районе озер Цаган нур и Орок нур, датированы Нельсоном также сравнительно поздним временем — финальным этапом верхнего палеолита. Находки на Орок нуре были настолько многочисленными и необычными, что привели его в недоумение, и он решил, что это скорее всего работа самой природы, а не следы деятельности человека. После нескольких лет работы экспедиции, таким образом, вопрос о первоначальном заселении этой территории человеком и роли ее в становлении человеческого общества продолжал оставаться открытым.

Новый этап в изучении каменного века Монголии начался с исследований выдающегося археолога академика А. Окладникова. Уже во время своей первой экспедиции в 1949 году ему удалось открыть около двух десятков стоянок и поселений палеолита, наиболее ранний возраст которых около 30 тысяч лет. С 1962 года он и его сотрудники начинают систематическое исследование каменного века Монголии. В самых различных районах им удалось найти сотни местонахождений, благодаря чему история человека на этой территории углубляется на 200—300 тысяч лет. Новые открытия позволили ответить на многие вопросы, волновавшие ученых долгие годы, но они же породили и не меньшее число новых проблем и гипотез... После многолетней работы Окладников напишет: «Выходит, таким образом, что Центральная Азия как будто не была прародиной и первой учительницей человека, как писал когда-то Д. Н. Анучин? Конечно, нелегко было расстаться с такой заманчивой и привычной идеей, которую развивало столько больших людей науки. Но кто знает все-таки, что еще хранит в своих недрах неизведанная земля Монголии и Тибета, какие сюрпризы она может принести нам в будущем в добавление к уже полученным?»

Несколько лет назад перед советскими и монгольскими учеными была поставлена задача написания обобщающего многотомного труда по каменному веку Монголии. Для этого необходимо вновь обследовать все районы Монголии, обращая главное внимание на

древние речные долины и озерные котловины, где в основном и расселялся человек. Если ранее наши маршруты пролегали в основном по наиболее заселенным местам, то теперь археологам в течение ряда лет предстоит исследовать труднодоступные районы, не исследованные в предшествующие годы.

В 1983 году полевые работы проводились на территории Монгольского Алтая в долинах Сагсай гол, Уйгурын гол, Цаган гол и частично в бассейне реки Кобдо. Удалось открыть 59 новых палеолитических памятников, в том числе и много уникальных, которые позволили в более ярком свете представить культуру древнего человека. Итоги работ едва уместились в 26 печатных листов текста и рисунков.

В 1984 году нам предстояло закончить работы в Монгольском Алтае и начать исследования в Гобийском Алтае — районе полевых работ в последующие годы. Две экспедиционные машины с испытанными во многих экспедициях водителями В. Тикуновым и С. Поповым давали возможность работать двумя группами. Конечно, совместная работа в труднодоступных районах надежнее, она гарантирует от разных неприятных неожиданностей, но одновременный поиск двумя самостоятельными группами гораздо эффективнее и дает значительно лучшие результаты.

Первого августа 1984 года мы приехали в Улэгей — центр Баяи-Ульгийского аймака на севере Монгольского Алтая. Истосковавшиеся по делу, мы, не теряя времени, отправились на реку Кобдо, в устье Баян гол, где в прошлом году удалось открыть большую палеолитическую мастерскую. Было еще светло, и, не разбивая лагерь, все сразу включились в работу. Долина Кобдо встретила нас негостеприимно: на нас обрушились тучи мошки и комаров. Их оказалось так много, что они буквально забивали нос, рот, глаза. Трудно было дышать и разговаривать. Уже поздно вечером за терпким, душистым экспедиционным чаем мы с опухшими от укусов лицами, но тем не менее с удовольствием обсуждали результаты дня: найдено пять новых палеолитических стоянок с разнообразным инвентарем. За разговором кто-то не преминул вспомнить слова одного из сотрудников нашего института о том, как хорошо археологам, которые, кроме отпуска, имеют возможность отдыхать еще и в экспедиции. Честно говоря, я не знаю ни одного своего коллеги, который бы приехал из экспедиции отдохнувшим. После каждодневных забот, больших и малых, связанных с работой и бытом, поздно вечером с особым чувством думаешь о спальном мешке. В Монголии в поисках древних памятников нам приходилось каждый день проходить по 25—30 километров, к тому же под пристальным вниманием мошкар, а на юге — под беспощадным гобийским солнцем. Но кто может быть счастливее людей, которые уже ночью, при свете костра, вновь и вновь просматривают найденные днем многочисленные орудия труда, сделанные человеком несколько десятков тысяч лет назад?

Первый день вселил в наши сердца уверенность в удаче. Следующий — подарил четыре новые стоянки и встречу с монгольскими коллегами: известным ученым Д. Наваном, специалистом по бронзовому веку, и молодым сотрудником Института истории МНР Х. Лхвагвасурэном, которые прилетели из Улан-Батора для работы в экспедиции. Вместе с ними мы обсудили план на год, а на следующее утро наша экспедиция разъехалась в двух направлениях.

Встреча через неделю была радостной, и не только от удовольствия вновь увидеть друг друга, но и от желания поделиться результатами работы в поле. Еще в 1983 году В. Ларичев и И. Асеев в районе сомона Ал-тан-Цугс открыли большой перспективный район древних водоемов, вокруг которых сосредоточены уникальные памятники. А на этот раз удалось найти около десятка разновременных палеолитических стоянок и мастерских. Особенно интересными оказались мастерские. Во-первых, они дали обильный материал, который, к сожалению, из-за ограниченности времени собрали лишь частично; во-вторых, найденный материал относился к различным временным эпохам — от нижнего до позднего палеолита. Это позволит в дальнейшем при тщательном анализе коллекций наметить основные

технические традиции, применявшиеся при первичной и вторичной обработке камня, проследить динамику форм орудий труда на протяжении нескольких десятков тысяч лет, сделать надежные типологические схемы. Много нового удалось открыть нашим друзьям и в других местах. С какой счастливой улыбкой и гордостью водитель Сергей Попов показывал всем удивительную но правильности формы и красоте большую пластину леваллуазского типа. Такие пластины появляются уже в нижнем палеолите. Немногие археологи держали их в руках, а еще меньшим выпадало счастье найти их. На стоянке, открытой в местности с поэтическим названием Улан-Хус («Красная береза»), обнаружены десятки пластин.

В этом месте Кобдо течет в широкой, до 10 километров, долине. В глубокой древности она периодически заливалась, образуя террасовидные уступы, усеянные галечником. Он-то и привлекал внимание человека. На площади в несколько квадратных километров лежали грубо оформленные ядрища, отщепы, пластины. Это была даже не одна гигантская мастерская, а несколько. В течение длительного времени сюда приходил человек, брал подходящую гальку и вначале оформлял ее так, чтобы в дальнейшем с нее можно было скалывать правильной формы отщепы и пластины, которые шли на изготовление орудий труда. Встречались и хорошо оформленные инструменты: скребла, режущие и рубящие орудия. Особый интерес представляло место, где обработанные камни сконцентрировались плотной массой. Без сомнения, именно здесь древние мастера работали наиболее интенсивно. Дальнейшие лабораторные исследования, возможно, позволят восстановить полностью процесс изготовления каменных орудий от оформления нуклеуса до снятия заготовок и превращения их в готовые изделия.

Коллекции из этих стоянок и мастерских, а всего по правому берегу обнаружено 26 комплексов, позволяют значительно полнее представить жизнь и быт древнего человека обширного региона. Но наряду с этим в 27 километрах к северо-западу от сомона Баян нур удалось открыть стоянку, которая существенно отличалась от всех комплексов, известных ранее. Стоянка обнаружена на левом берегу сухого русла на поверхности древнего делювиального шлейфа в котловине, которая грядой сопот надежно защищалась от холодных северных ветров. Здесь найдено большое количество прекрасно обработанных с двух сторон ножей, клинков, скребел. Это, видимо, особая, ранее неизвестная в Центральной Азии культура верхнего палеолита.

Более подробное обследование левого берега Кобдо дало интересные результаты. Еще в 1983 году мы пришли к выводу, что высокогорные озера были заселены человеком в основном в неолите. В начале нашего маршрута предстояло изучить огромную котловину Ачит нур. Берега озера плотно обступали изрезанные временем гранитные скалы, над которыми возвышались высокие цепи с белоснежными шапками, часто сливавшимися с облаками. Особенно красиво здесь вечером, когда заходящее солнце «разжигает» над бесконечной озерной синевой гигантский костер из гранитных скал.

Десятки километров прошли мы вдоль берегов, но удалось обнаружить только несколько неолитических поселений. Палеолитические изделия встречались очень редко. Возможно, действительно, в плейстоцене на котловину сползали с высоких горных цепей ледники, делая здесь жизнь человека практически невозможной. Но зато долина реки дала удивительные находки. Древние стоянки и поселения среднего и верхнего палеолита концентрировались скоплениями, своего рода гнездами, а также встречались изолированно в наиболее удобных местах. Археолог, как правило, не ведет поиски вслепую. Для того чтобы найти остатки деятельности человека, особенно глубокой древности, помимо опыта и интуиции, необходимо иметь представление о древнем рельефе, знать, где в то время протекали реки, характер и время накопления рыхлых отложений и многое другое. Современная гидросеть существенно отличается от той, которая была десятки, тем более сотни тысяч лет назад. И не случайно одни стоянки мы находим на современном берегу реки, а другие отделяют от нее сотни метров, а порой и километры.

В нуту

Хотелось бы отметить одну особенность открытых местонахождений: массовость находок. На одной из стоянок, я расположенной на террасе в удивительно удобном месте, удалось найти около 800 изделий древнего человека. Река в этом месте течет в широкой пойме, огороженной высокими скалами. С севера к скалам примыкает терраса высотой 10—12 метров, надежно укрытая ими от холодных ветров. На стоянке выявлено несколько жилых площадок и мест, где происходила обработка камня. При шурфовке удалось обнаружить находки, лежащие *in situ*, то есть в слое. Численность коллекций, собранных на стоянках и мастерских по левому берегу, равнялась общему количеству находок прошлого полевого сезона, хотя он считался одним из самых удачных за все годы работы в Монголии. А сколько в долине Кобдо мы видели прекрасных памятников более позднего времени: бронзового, железного века, раннего средневековья!

На втором этапе работы нашей экспедиции одна группа должна была обследовать восточные районы юга Монгольского Алтая, вторая — юго-западные и частично Гобийский Алтай. Для себя я выбрал второй маршрут, и не зря. Юго-западный фас Монгольского Алтая подарил нам редчайшие находки.

Монголию называют страной тысячи дорог. Действительно, дорог великое множество. Но, к сожалению, не все они хороши. От Манхан сомона до сомона Булган, расстояние 240 километров, мы ехали двое суток. Пришлось преодолеть несколько перевалов. Два из них

выше трех тысяч метров. Дорога проходит в одних местах по узким каньонам, заваленным глыбами камня после сильных дождей, а в других — по руслу реки. На всех перевалах в Монголии стоят обо — курганы из камней, сделанные в древние времена, чтобы задобрить духов. Обо год от года растут, потому что каждый проезжающий шофер обязательно что-нибудь оставит: камень, поломанную деталь от машины, а то и просто деньги, которые никто никогда не возьмет. Наш УАЗ-452, потрепанный во многих экспедициях, с трудом поднимался с одного перевала на другой. Измученные частыми остановками и мыслью, что машина может рассыпаться от древности в любую минуту, мы, нужно признаться честно, тоже что-то оставляли, особо не веря духам, а так, на всякий случай. На перевалах было холодно и ветрено, Булган же встретил нас жарой. Чувствовалось горячее дыхание Гоби.

Поздно вечером 15 августа мы остановились на берегу реки Уенч. Уже ставя палатки на ровной площадке — останце второй террасы, мы нашли первые находки. На следующий день, как всегда, рано утром все разошлись в разные стороны в поисках древних памятников. Подходя к нашему небольшому лагерю часа в два дня, я увидел начальника отряда В. Петрина, который быстро шел мне навстречу. На лице его было видно смятение, и мне подумалось, не случилось ли чего-нибудь за время нашего отсутствия. Дрожащим от волнения голосом он начал быстро рассказывать об открытии необычного поселения неподалеку от лагеря. Вскоре мы уже взбирались на крутую 50-метровую террасу, с которой открывался прекрасный вид на долину реки. У Петрина были все основания для волнения: на большой площадке компактно лежали крупные нуклеусы, пластины, орудия труда. Все они имели необычный вид. Поверхность изделий была покрыта глубокой коркой пустынного загара, источена коррозией — длительным воздействием ветров. Судя по характеру материалов, это древнейшее поселение относилось к нижнему палеолиту. До позднего вечера мы собирали и документировали находки.

Наш маршрут, около 1,5 тысячи километров, в дальнейшем проходил из сомона Алтай Кобдоского аймака в Алтай сомон Гоби-Алтайского аймака и далее на сомон Баян-Ундер Баянхонгорского аймака вдоль монгольско-китайской границы. От одного селения до другого здесь сотни километров. Все араты со стадами — в горах, на летних пастбищах, и нам часто из-за отсутствия карт приходилось плутать, все время думая о том, как бы не переехать границу. Небывалые в этих местах июньские и июльские дожди превратили дороги в сплошные рытвины, нередко их пересекали совсем свежие овраги с отвесными стенками. Поэтому ехали, соблюдая большую осторожность, и часто лишь большой опыт и профессионализм водителя В. Тикунова выручал нас из беды. Но в работе забывались все невзгоды. Каждый день приносил новые и новые открытия. Десятки новых стоянок, поселений и мастерских посчастливилось найти нам на этом маршруте. Находки заполняли кузов нашего многострадального «уазика», и мы все думали, что будем с ними делать, а новые открытия следовали одно за другим. Интереснейшим районом оказалась долина Баралгин гола. Когда-то в древности здесь протекала полноводная река (долина ее не менее 10 километров шириной). Сейчас только остатки береговых террас свидетельствуют о мощном речном потоке. Редкая полупустынная растительность и саксаул покрывают дно древней долины без намека на какой-либо водоем. У входа в долину, словно страж, стоит большая возвышенность, у которой мы решили заночевать, очередной раз сбившись с дороги. Темнело. Пока разбивали лагерь, я решил немного осмотреть окрестности. Уже в нескольких десятках метров от лагеря стали встречаться находки. Но когда я поднялся на одну из плоских возвышенностей, то не поверил своим глазам: кругом лежали сотни грубооббитых очень древних орудий. После внимательного осмотра находок при свете костра сомнений в их глубокой древности ни у кого не осталось.

Следующий день подарил нам новые удивительные открытия. Всего в этом районе удалось открыть два нижне- и один среднепалеолитический комплекс и гигантскую мастерскую. Находок оказалось так много (несколько тысяч изделий), что пришлось носить их в чехлах от спальных мешков. Вокруг огромных нуклеусов, вес некоторых из них достигал нескольких сот килограммов, лежали десятки и сотни отщепов и пластин.

Трудно передать чувства, которые мы испытывали, глядя на неповторимую картину работы древних мастеров. Они ушли с этой мастерской десятки тысяч лет назад, но с того времени все осталось нетронутым. И казалось, не жаркое гобийское солнце нагрело эти камни, а руки наших далеких предшественников.

Не менее интересными оказались находки и на других стоянках. Все работы, несмотря на палящую жару, необходимо было закончить в течение дня: у нас оставалось полтора ведра воды на шестерых. Вокруг на многие десятки километров ни жилья, ни одного источника. И дороги не знаем. Заканчивали работы уже в сумерках. К большому нашему сожалению, из-за перегруженности машины могли взять с собой лишь отдельные, наиболее выразительные орудия древнего человека. К тому же оказалось, что у крышки коробки передач лопнуло одно крепление, а впереди еще более тысячи километров пути по горам и пустыне. В последующие после возвращения в лагерь дни нам также сопутствовала удача. Каждый день открывали все новые и новые палеолитические комплексы, которые мы только описывали, фотографировали, надеясь в следующем полевом сезоне исследовать полностью.

На первый взгляд может создаться впечатление, что в любом месте Монголии можно найти что-то наидревнейшее. Это далеко не так. Ежедневно нам приходилось исхаживать десятки километров, порой и безрезультатно. Когда мы въехали в долину Булган гол, перед нами открылись удивительно красивые и, казалось, очень перспективные места. За три дня, внимательно обследуя одну возвышенность за другой, мы здесь нашли лишь четыре очень бедных памятника: современные деллювиальные шлейфы полностью закрыли древнюю поверхность. Было немало и других разочарований. Но в целом находки превзошли наши ожидания.

Всего за полевой сезон удалось открыть 104 памятника каменного века, относящихся к разным эпохам — от нижнего палеолита до неолита. Собраны тысячи изделий древнего человека. Материал уникальный и богатейший. Даже краткое описание работ в течение одного месяца свидетельствует о больших возможностях поисков древних комплексов в Монголии. Будущие исследования, безусловно, помогут открыть там новые удивительные страницы истории населения и освоения древним человеком Центральной Азии.

Находки в Монголии предоставляют возможность выявить два направления в технике обработки камня. Для комплексов западной и юго-восточной Монголии характерны чопперы, чоппинги, остря с выступом-шипом на одном конце, грубые галечные скребла, нуклеусы с простейшей подработкой ударной площадки и снятием по фронту крупных отщепов. Все изделия отличаются архаичной формой и минимальными усилиями древнего мастера в оформлении рабочего лезвия. Поверхность артефактов покрыта глубокой патиной и коррозией.

Второе направление, хорошо представленное на стоянке-мастерской у горы Ярх в Центральной Монголии, характеризуется изделиями типа ручных рубил. Важно отметить, что это не единичные экземпляры, а многочисленные серии (овальные, миндалевидные и подтреугольные). Здесь обнаружены ядрища, близкие по форме к леваллуазским и дисковидным. Открытие в Монголии ручных рубил ставит перед исследователями очень интересную проблему.

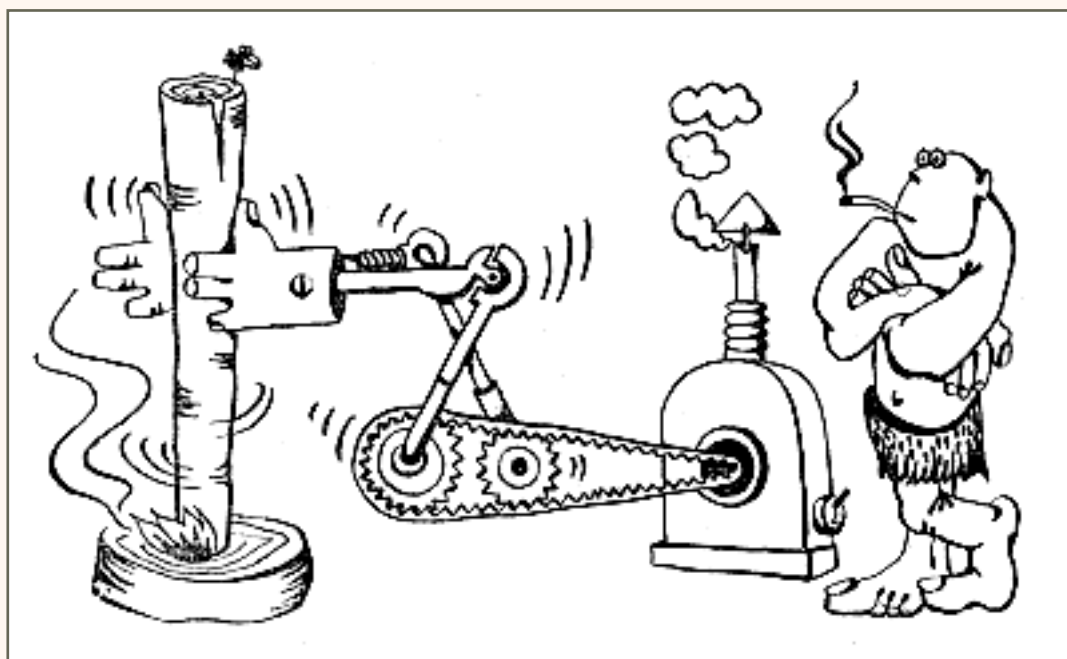
Галечная техника в нижнем палеолите считалась для Центральной и Восточной Азии согласно гипотезе американского ученого Х. Мовиуса традиционной. Открытие за последние годы комплексов с рубилами в Корее (Чонгокни), Китае (в долине реки Фэнь и других местах), Монголии заставляет пересмотреть эту точку зрения. Хотя истоки традиции бифасов в раннем палеолите Азии пока неясны, но наличие в Китае двустороннеобработанных изделий в памятниках типа Кэхэ и других, датированных началом среднего плейстоцена, открытие палеолитических памятников в ранних

плейстоценовых и эоплейстоценовых отложениях не исключает конвергентного развития техники двухсторонней обработки камня в Азии на очень ранних этапах.

Древние орудия, найденные на юге Сибири, на Алтае и в Приангарье, относятся также к нижнему палеолиту, и сделал их древний человек тина питекантропа или синантропа. Человек в это время уже умел делать очень многое. Еще М. Лики выделила особые площадки, так называемые «обитаемые горизонты», где человек умелый останавливался на длительное время. Еще более поразительное открытие связано с кольцом около четырех с половиной метров в поперечнике, намеренно выложенным из камней. Оно походит на укрытия, и теперь сооружаемые племенами окомбамби в Юго-Восточной Африке. Вначале из камней выкладывают кольцо, а затем через определенные интервалы камнями закрепляют жерди или сучья, составляющие легкий каркас, который перекрывают шкурами или пучками травы. Видимо, около двух миллионов лет назад наши далекие предки уже умели строить такие убежища от непогоды.

Человек рано познакомился с огнем и научился им пользоваться. Во время раскопок в Чжоукоудяне исследователи обнаружили многометровые пласты золы, и еще в тридцатые годы некоторые ученые выдвинули смелое предположение о постоянном использовании огня синантропами. В настоящее время это ни у кого не вызывает сомнений. Раскопками более древних комплексов в Кэхэ, Лантяне, Сихоуду, Юаньлоу установлено наличие в слоях угольков и обгорелых камней. Очень вероятно, что впервые наши предки стали использовать огонь миллион лет назад, а может быть, и еще раньше. Огонь по праву относится к одному из величайших открытий человека, получившего возможность готовить пищу, бороться с холодом и дикими зверями.

На долю древнего человека выпали серьезные испытания: на протяжении антропогенного периода на земле было несколько оледенений, во время которых в северных широтах в горах скапливались ледники, сползавшие в долины и постепенно покрывавшие огромные площади. В это время в тропиках становилось прохладнее и выпадало больше дождей. Ледниковые периоды сменялись межледниковыми, когда на севере таяли льды, устанавливался более теплый, чем в настоящее время, климат, а в тропиках начинались длительные засухи. Чередование ледниковых и межледниковых периодов не могло не отразиться на темпах и направленности расселения человека. Процесс обживания новых районов шел очень медленно, и его нельзя представлять как направленную миграцию древних популяций.

Древние

Анализ нижнепалеолитических комплексов Восточной и Центральной Азии показывает, что в обработке камня существовали как общие тенденции, так и определенное своеобразие в отдельных группах местонахождений. Скорее всего это свидетельствует о том, что в то время территории севернее 40-го градуса северной широты не были сплошь заселены человеком, а существовала некая локализация и изоляция древних популяций. Однако локализация древних очагов расселения в эпоху нижнего палеолита совсем не означает, что коллективы людей тогда были полностью изолированы друг от друга. Более того, мы не можем отрицать прямой инфильтрации других групп древних людей с сопредельных территорий. Большое своеобразие в спецификации каменных индустрий человека на ранних этапах и есть отражение процесса расселения отдельных групп.

Распространение древних людей в новые области происходило постепенно, в результате увеличения их населения. Так, в течение длительного времени в нижнем палеолите человек заселял все новые и новые районы, в том числе и северные. И где-то к концу среднего — началу верхнего плейстоцена, а может быть, и раньше человек заселил южную часть Сибири и Дальнего Востока. По-видимому, это могли быть какие-то небольшие группы людей, которые и оставили после себя галечные комплексы. К примеру, бассейн Амура отделяют от района расселения древних архантропов в Северном Китае сравнительно небольшие пространства. С учетом того, что жизнь человека в течение всего палеолита определялась охотой на диких животных, которые мигрировали на значительные расстояния, в том числе и на север, вполне вероятно и возможность появления человека на юге Дальнего Востока. Природные и экологические условия для этого в среднем плейстоцене были достаточно благоприятными.

Бесспорных доказательств у нас, конечно, нет. Предстоит еще немало сделать, чтобы окончательно решить столь серьезную проблему. Даже сами галечные изделия требуют тщательной проверки в плане их искусственного происхождения. Для этого необходимы новые поиски, открытие новых памятников с четкими стратиграфическими условиями и наличием в них не только большого количества самих артефактов, но и, что особенно важно, возможности установления более широкой специфики самих орудий. Разнообразие изделий из нижнепалеолитических комплексов свидетельствует о большом типологическом и функциональном разделении орудий труда в указанное время, что пока не устанавливается в памятниках Алтая, бассейна Ангары и Амура. Остается открытым и вопрос о датировке самих местонахождений.

Последующие исследования на юге Сибири позволяют более полно осветить эти проблемы. Но уже сейчас мы можем констатировать тот факт, что первоначальное заселение древним человеком этой территории произошло, по-видимому, очень рано — в нижнем палеолите.

Как в дальнейшем шло развитие культуры древнего человека в Сибири? Этот вопрос далеко не риторический. На смену древнейшему человеку, типа питекантропа и синантропа, приходит новое существо — палеоантроп, или неандерталец. До недавнего времени в Сибири не было известно памятников, оставленных неандертальцами, относящихся к мустьерской культуре. За последние 10 — 15 лет на Алтае открыт и исследуется ряд пещер, имеющих отношение к мустьерскому времени. Наиболее важными и интересными являются пещеры Страшная, Денисова, Каминная, Окладникова и другие.

Страшная пещера расположена к северо-востоку от села Тигирек, при слиянии рек Тигирек и Ини. Высота ее над уровнем современной поймы около 40 метров. Пещера по строению простая, горизонтальная, протяженностью 20 метров. Пол ровный земляной с редко набросанными небольшими обломками известняка. Средняя ширина хода 2—3 метра. В дальней части пещеры имеется значительное расширение. Общая площадь пола около 80 квадратных метров.

Стратиграфические шурфы, превращенные в дальнейшем в небольшие раскопы, пройдены до глубины 11 метров. Выделено шесть геологических горизонтов и три культурных горизонта мощностью 6,2 метра, содержащих многочисленный каменный инвентарь и остатки фауны, но в целом, начиная с глубины 6 метров и вплоть до верха, наблюдается удивительно выдержанное единообразие как в формах каменных орудий, так и в технике их изготовления.

Основной чертой индустрии является использование в качестве исходного сырья речных галек, изверженных пород, а также кварцитов и изредка кремнистых сланцев. Среди нуклеусов есть галечные, сохраняющие очень архаичные черты, когда почти без предварительной подготовки с галек скалывали массивные отщепы (грубые с массивным ударным бугорком). Галечные нуклеусы все же пережиточный элемент. Большинство нуклеусов тщательно оформлены и составляют совершенно определенные типологические группы. Основная масса нуклеусов имеет черты хорошо выраженной деваллуазской техники. Одна сторона — фронт скалывания — выровнена и уплощена. Противоположная поверхность выпуклая. Площадки у нуклеусов тщательно подработаны и всегда скошены по отношению к длинной оси. Нуклеусы леваллуазской традиции одно- и двухплощадочные. С них снимали длинные пластины правильной формы. Третий тип нуклеусов — дисковидные. Скалывание отщепов с них производилось от края к центру.

Среди находок в пещере Страшной выделяются крупные пластины, удлинённо-треугольные в плане. У трети пластин по краям идет ретушь — дополнительная мелкая подправка для придания остроты режущей поверхности. Некоторые пластины использовались и без дополнительной обработки. Среди орудий труда интересны остроконечники, ножи, скребловидные инструменты, скребла. Весь материал имеет четко выраженные леваллуа-мустьерские черты. В слое совершенно отсутствуют призматические и конические нуклеусы, характерные для развитой фазы верхнего палеолита Сибири. Радиоуглеродная дата по образцу кости, взятой из верхнего горизонта третьего слоя, более 45 тысяч лет.

В последние годы один из главных объектов наших исследований — Денисова пещера. Ее, по мнению некоторых ученых, в 1926 году посетил выдающийся русский учёный, художник Н. Рерих. Известный индолог Л. Шапошникова полагает, что в одной из своих картин Рерих использовал этюд, сделанный у Денисовой пещеры.

Пещера расположена в красивом месте, среди скал, круто спускающихся в узкую долину-каньон реки Ануй. В 6 километрах от пещеры раскинулось село Черный Ануй. При раскопках в пещере выделено 22 культурных горизонта. Тринадцать из них — палеолитические. В раскопках пещеры в 1984 году приняли участие три крупных японских ученых — профессора К. Като, С. Като, Т. Сэридзава. Сама пещера, стратиграфия, находки произвели на них большое впечатление. И это не случайно, потому что в Северной и Центральной Азии пока нет памятников, подобных этому, позволяющему проследить динамику типов каменных орудий, технику их изготовления на протяжении длительного времени. Дальнейшие раскопки Денисовой пещеры, безусловно, позволят создать эталонную хронологическую и типологическую шкалу для обширного региона Азиатского материка.

Но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что нижние горизонты пещеры относятся к позднему этапу мустьерской культуры. Находки вышележащих слоев можно датировать финальным мустье и начальным этапом верхнего палеолита. Очень важно, что здесь прослеживается самая тесная генетическая связь между индустрией мустье и верхним палеолитом. Такая ситуация наблюдается в Северной и Центральной Азии впервые столь ярко и убедительно.

1984 год дал этому новые подтверждения. В мае автором при участии доктора исторических наук В. Молодина открыта новая пещера у села Сибирячиха Солонешенского района

Алтайского края. Пещера оказалась безымянной, и ее назвали именем академика Окладникова. Она открывается в широкую долину, где в настоящее время робко струится небольшая речушка Сибирячонок. Открывается она небольшим гротом шириной 8 метров, высотой 2,5 метра. Площадь грота около 20 квадратных метров. Первый небольшой шурф, заложенный в пещере, сразу же дал интересные находки: каменные орудия, кости плейстоценовых животных, свидетельствовавшие о большой древности.

После небольших колебаний, несмотря на плотный летний график экспедиционных работ, было решено начать раскопки пещеры. В раскопках принимали участие два молодых талантливых ученых В. Петрин и С. Маркин. Раскопки проводились тщательно. Весь грунт после просмотра спускался вниз и промывался, чтобы не пропустить ни одной находки, сколь бы малой она ни была. Итоги работ оказались ошеломляющими. В пещере удалось выделить три культурных горизонта. Два мустьерских и один, верхний, — начального этапа верхнего палеолита. Находки из последнего горизонта имели по основным показателям много общего с нижележащими, что также свидетельствует о генетической связи мустье и верхнего палеолита.

В полном смысле сенсационной оказалась находка останков двух особей неандертальцев (определение члена-корреспондента АН СССР В. Алексеева). В Северной и Центральной Азии их удалось найти впервые. Теперь факт расселения в этом районе неандертальцев, бесспорно, доказан. А связь его индустрии с индустрией человека верхнего палеолита, в свою очередь, является веским аргументом в пользу включения этих районов в ареал, где происходило формирование человека современного физического типа.

Непрерывность в развитии индустрии позднемустьерских и верхнепалеолитических комплексов прослеживается не только в пещерах, но и на открытых стоянках Алтая. Последующие исследования позволят более полно ответить на многие вопросы, которые возникают в связи с гипотезой о возможности становления человека разумного в Сибири. По дороге из Монголии в 1985 году я побывал на верхней Лене у села Макарова на раскопках, которые ведут М. Аксенов, Г. Медведев и другие иркутские археологи. Им также удалось проследить непрерывность в развитии индустрии в комплексах 40—50 тысяч лет. Это, конечно, не означает, что формирование верхнепалеолитических комплексов в Сибири связано только с более древней культурой. Человек верхнего палеолита, видимо, приходил сюда и из других районов нашей страны. Не исключено, что мальтийская культура оставлена человеком, который пришел сюда с Запада. Задача археологов в том и состоит, чтобы в полном объеме восстановить сложную картину совершенствования и развития культуры человека.

Человек разумный имел, безусловно, более высокую и развитую культуру, что позволяло ему неудержимо двигаться вслед за стадами диких животных. Он шел все дальше, в новые области, богатые дичью. Среди таких областей, наиболее удобных для расселения охотничьих племен, были долины рек Лены, Алдана, Зеи, Амура.

Совсем недавно новые палеолитические поселения открыты учеными в южных районах Сибири — у Томска, на Алтае, в долине Енисея у Красноярска, на Ангаре вблизи Иркутска и за Байкалом — в долине реки Селенги. Уже в отдаленнейшем прошлом, по крайней мере 35—30 тысяч лет назад, древние охотничьи племена начинают осваивать север, спускаясь по долине реки Лены все дальше и глубже на север, все ближе к Ледовитому океану.

Расселение древних людей по Ангаре и в соседних с ней областях было, конечно, медленным и длительным. Требовалось много времени, прежде чем первобытные люди достигли Урала на западе и Енисея и Ангары на востоке.

Еще больше времени потребовалось, должно быть, чтобы они проникли на верхнюю и среднюю Лену. Заселенные бродячими охотниками районы, наверное, долго еще были здесь

маленькими изолированными островками, терявшимися среди дикой и враждебной человеку природы Севера.

Тем не менее историческая заслуга первых обитателей Сибири бесспорна. Именно они, пионеры Севера, в погоне за мамонтами и носорогами, за стадами северных оленей и быков первыми открыли эту совершенно новую для человека страну, протоптали на ее девственной почве первые тропы и разожгли свои очаги, заложив основу дальнейшего развития культуры и завоевания человеком необозримых пространств Севера. «Эскимосами» ледниковой эпохи назвал их А. Окладников в своей книге «Открытие Сибири».

Человек в то время не только создал оригинальную культуру охотников на мамонта и северного оленя, но и оставил после себя первоклассные образцы первобытного искусства. При раскопках на Ангаре обнаружены удивительные скульптурные и резные изображения животных, змей, птиц, а также скульптурки женщин и украшения, которые поражают исследователей мастерством и живостью исполнения. Более 20 женских статуэток, то есть почти половину «мирового запаса» подобных изделий палеолитических скульпторов, дали Мальта и Буреть. Теперь стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и одновременные центры палеолитического искусства в Западной Европе.

Судя по образцам, найденным в Мальте и Бурети, искусство Сибири в основе своей реалистическое, наполненное отзвуками реальной жизни. Богатство, с которым оно представлено в археологических находках, тоже имеет свои основания в условиях реальной жизни людей того времени. Так же как эскимосы, оседлые чукчи и коряки недавнего прошлого, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в условиях арктической природы, имели, очевидно, зимой достаточно пищи и свободного времени, чтобы заниматься художественной резьбой. В зимнее время, когда кругом бушевала пурга и лежали горы снега, эта работа могла служить им развлечением и отдыхом. Кроме того, в их распоряжении в изобилии был первоклассный материал для резьбы: бивни мамонтов и кости животных, а также мягкий камень, который сам просился в руки мастеров. По-видимому, именно поэтому здесь так пышно развивалась пластика, так многочисленны антропоморфные изображения животных и птиц.

Древние обитатели таежных просторов Сибири были не только прекрасными скульпторами, но и графиками-живописцами. Замечательные открытия искусства каменного века связаны с исследованием писаных скал у старинного русского села Шишкина на реке Лене.

Весной 1929 года ранним солнечным утром два юных путешественника, оба романтики, Алеша Окладников и Миша Черемных, столкнув с берега утлую деревянную лодку, шитую ивовыми корнями, поплыли вслед за льдами по проснувшейся от зимней спячки бурной горной реке. Родившаяся в горах, она медленно набирала свою силу и мощь от бесчисленных горных ручейков, которые, сливаясь, давали начало одной из величественных рек Азиатского континента.

Дни проходили за днями, надежды сменялись разочарованием. Наконец за очередным поворотом показалось село Шишкине. За старой мельницей, где река вплотную прижималась к скалам, путешественники решили высадиться на невысокой террасе. Первые минуты — первые удачи. Из обрыва под камнями торчали кости человека. Не зная усталости, ребята разбирали слой за слоем, пока не открыли полностью древнее захоронение охотника. Рядом с ним лежали тщательно отделанные наконечники стрел из камня, вкладные лезвия для костяного кинжала, изготовленные из полупрозрачного халцедона.

Испытание

Некрополь древних подарил и другие, подчас неожиданные открытия. Самое интересное — захоронение двух детей в одной могиле. Скелеты лежали рядом. Возможно, это были братья. В руки им были вложены костяные шилья, на ребрах лежали костяные ножи с вставленными в пазы острыми кремневыми клинками. «Над общей могилой малышей, казалось, все еще незримо стояли тени их близких, в глазах которых застыла печаль разлуки...» Погребения многое могли рассказать пытливому уму о верованиях и обрядах, бытовавших несколько тысяч лет назад.

Однажды кто-то из местных жителей рассказал им, что неподалеку на скалах много рисунков. Решили посмотреть эти скалы, и, когда вскарабкались по крутому склону, поросшему кустарником, перед ними открылись вертикальные стены темно-красного песчаника. Точной, умелой рукой на многих скалах были нанесены многочисленные изображения животных, птиц, рыб. Рисункам, казалось, не было счета и конца.

Не обращая внимания на колючий кустарник, клубки рассерженных змей-щитомордников, Окладников словно зачарованный шел вдоль скал и любовался удивительными сценами из жизни первобытного человека. Он вспомнил пожелтевшие от времени листы из знаменитых портфелей Миллера, где приводилось несколько рисунков с Шишкинских скал. Отец сибирской истории, как называли академика Г. Миллера, был послан в Сибирь руководителем первой Камчатской экспедиции. В течение нескольких лет участники экспедиции, над проектом которой работал еще Петр I, вели исследования на Камчатке, в

Якутии, Восточной и Западной Сибири и собрали исключительно интересный материал по истории и этнографии народов Сибири, истории освоения этого края русскими. Часть материалов опубликовали Миллер и другие участники экспедиции, но большая часть хранилась в архиве Академии наук на Васильевском острове в Ленинграде.

Живописец Люрсениус по поручению Миллера, который узнал о писаных камнях от коренных жителей, сделал несколько копий. Но рисунки не произвели на Миллера большого впечатления. И их надолго забыли.

В 1941 году во время своей второй экспедиции на Шишкинские скалы, проходя в очередной раз мимо скал, Окладников вдруг заметил на потрескавшейся и побелевшей от времени одной плоскости еле видимую под косыми лучами заходящего солнца полосу красной краски. Краска от времени, дождей и снега настолько выцвела, что почти сливалась с фоном скалы, и ее мог обнаружить только опытный глаз, да и то при определенном освещении. Окладников, сдерживая волнение, подошел к скале, смочил водой место, где показалась линия рисунка, и четко увидел лошадиный хвост, широко распущенный внизу и даже слегка волнистый. Сомнений не было — это рисунок. Сомнений не было и в том, что он выполнен, судя по его виду, гораздо раньше, чем все другие рисунки на Шишкинских скалах.

Долго пришлось колдовать у этого рисунка, прежде чем пришло убеждение в том, что вся композиция, нанесенная много тысяч лет назад, восстановлена полностью. Перед археологами, освещенное ярким июльским солнцем, предстало уникальное и, вероятно, самое древнее из всех рисунков на Шишкинских скалах изображение лошади. Опытная рука художника смело и уверенно одной размашистой контурной линией передала реальные черты дикой лошади: ее тяжелое, почти квадратное туловище, характерную горбоносую голову, массивное отвислое брюхо, короткие толстые ноги, покрытые длинной густой шерстью, и длинный пышный хвост. Так могла выглядеть только знаменитая лошадь Пржевальского, чудом дожившая в глубинах Центральной Азии вплоть до XX века.

Изображение по своей реалистической манере исполнения напоминало доисторические рисунки лошадей из знаменитых палеолитических пещер Западной Европы. Сравнивая шишкинский рисунок дикой лошади с другими доисторическими рисунками, Окладников отмечал поразительное сходство с изображениями лошадей Пиндаля и Костильо (Испания), Фон-де-Гом и Ляско (Франция). О древности этого изображения свидетельствовала реалистичность рисунка и манера исполнения. Древний художник сделал изображение лошади почти в натуральную величину, скупой контурной линией, точно так же, как делали подобные рисунки палеолитические в художники Испании и Франции в ледниковом периоде. Все другие изображения лошадей на Шишкинских скалах, относящиеся к более позднему периоду, выполнены в совершенно другой манере. Глубокую древность рисунка подтверждало также и то, что поверхность скалы, где сделано изображение, настолько выветрилась и пострадала от времени, что побелела и вздулась пузырями. Сама скала треснула, и нижняя ее часть сильно осела, от чего несколько сместились линии рисунка. Изображение выполнено светло-красной краской, сильно вылинявшей от времени. В будущем этот вывод был подтвержден новыми открытиями.

Прошло шесть лет, и в ближайшем соседстве с первым изображением при тщательном обследовании скалы археологам удалось обнаружить еще один рисунок лошади. Он выполнен в той же манере и, по сути, являлся как бы копией первого изображения. Краска настолько выцвела и слилась с фоном скалы, что пришлось потратить много усилий, прежде чем удалось проследить всю композицию.

В том же году Шишкинские скалы подарили ученым третий рисунок того же стиля и той же глубокой древности. На одной из плоскостей вначале была обнаружена косая линия выветрившейся и выцветшей красной краски. При тщательной промывке скалы на конце

этой полосы вдруг обнаружилась отчетливо прорисованная широкая кисточка. Затем появились туловище зверя, ноги и голова. Из глубины скалы так же неожиданно, как два первых рисунка лошадей, выступал еще один новый представитель исчезнувшего животного мира далеких эпох. На этот раз перед исследователями предстал дикий бык, изображенный в такой же стилистической манере и такими же техническими приемами, как и первые палеолитические фигуры лошадей. Древнему художнику удалось талантливо передать не только общий вид массивной фигуры животного, но и его характерную позу. Рисунок наполнен грозной и тяжеловесной первозданной мощью. Вытянутый хвост, опущенная вниз голова и крутой горб при переходе от шеи к спине усиливают это впечатление. Животное полно Неудержимой внутренней энергии и стремления вперед. Этот рисунок также имел много общих черт с известными изображениями быков в Испании. Бык из Шишкина такой же далекий северный собрат замечательных быков Альтамиры в Испании, как лошади Шишкина — двойники лошадей пещерных росписей франко-кантабрийской области древнекаменного века. Интересно, что, несмотря на колоссальные пространства, разделяющие долину реки Лены и Пиренеи, может быть установлено не только самое общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и некоторые более близкие совпадения.

Открытие рисунков ледникового периода на Лене совершенно по-новому осветило историю искусства Сибири. Во-первых, глубинные районы Сибири, оказывается, были заселены человеком в неожиданно раннее время, а во-вторых, древним людям, расселявшимся в тайге и лесотундре, было свойственно чувство прекрасного, художественный вкус. Прекрасные художники и скульпторы оставили после себя неповторимые шедевры первобытного искусства, внесли свою толику в мировое искусство на заре человечества. Находки в Мальте, Бурети, рисунки в Шишкине еще раз подтвердили важную мысль, что для человеческого общества характерны одни и те же законы развития мышления и сознания независимо от того, где расселялись коллективы: в степных и лесостепных ландшафтах Испании или Франции, необозримых просторах Центральной Азии или Сибири. Человек, оторвавшийся от животного мира, медленно, постепенно, но уверенно делал свои первые шаги в искусстве, которые затем воплотились в бессмертные шедевры эллинского искусства, Возрождения и нашего сегодняшнего дня.

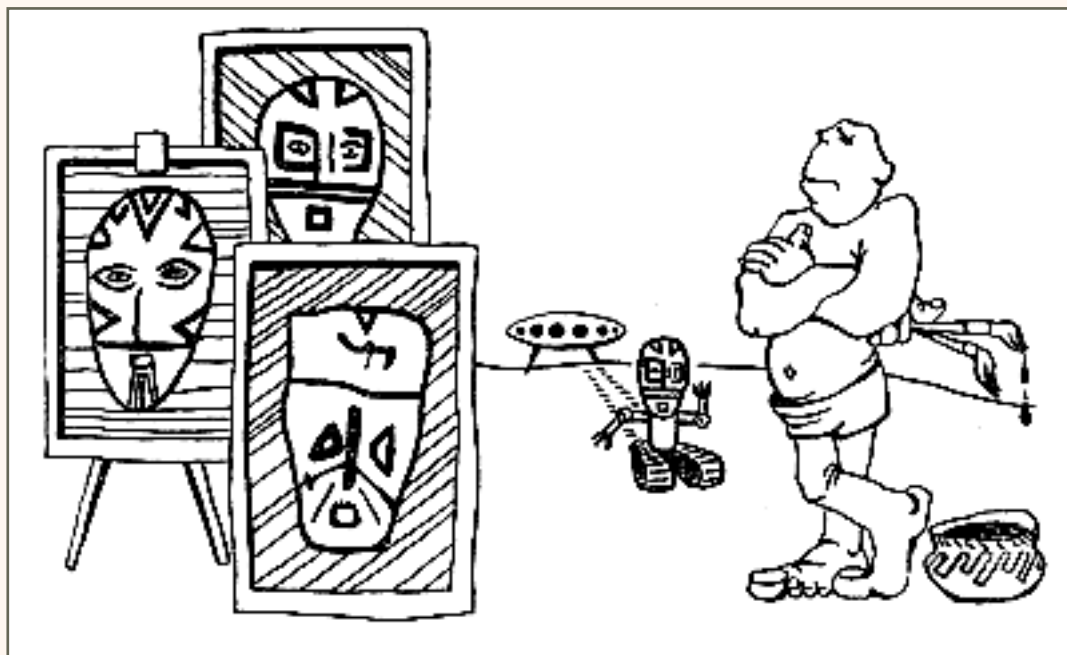
Открытия древнего искусства в Сибири не ограничились находками только в Мальте, Бурети и Шишкине. Загадочные находки сделаны недавно доктором исторических наук В. Ларичевым на палеолитическом поселении Малая Сыя в Хакасии. При раскопках обнаружены кости ископаемых животных: северного оленя, архара, козерога, зубра, мамонта и носорога. Разнообразен инвентарь Малой Сын. Здесь и концевые скребки из пластин с крутым и высоким рабочим краем, и пластины с широкими выемками по сторонам, и наконечники копий из костей, резцы, проколки и гравировальные инструменты, ножи и другие орудия труда и вооружения.

Много споров вызвало искусство Малой Сын. По мнению Ларичева, на этом поселении представлены образцы, относящиеся к «мобильному искусству» или «искусству малых форм». Он выделяет следующие основные характерные для них виды: скульптуру, барельеф, гравюру, выбивку или своего рода «чеканку» тонкой или грубой ретушью и живописные изображения, выполненные на поверхности камня минеральной краской. Для раскрашивания использовались краски различных оттенков красного цвета (от желтовато-красного до ярко-малинового), а также желтого, черного и даже зеленого.

Для искусства Малой Сын характерно не только разнообразие видов, но и отчетливо выраженное своеобразие технических приемов, с помощью которых художники оформляли свои изделия. Скульптурные и барельефные изображения, выполненные в камне методом оббивки, при окончательной их отделке и оформлении наиболее существенных деталей дополнялись гравировкой, выбивкой и раскрашивались в большинстве случаев краской.

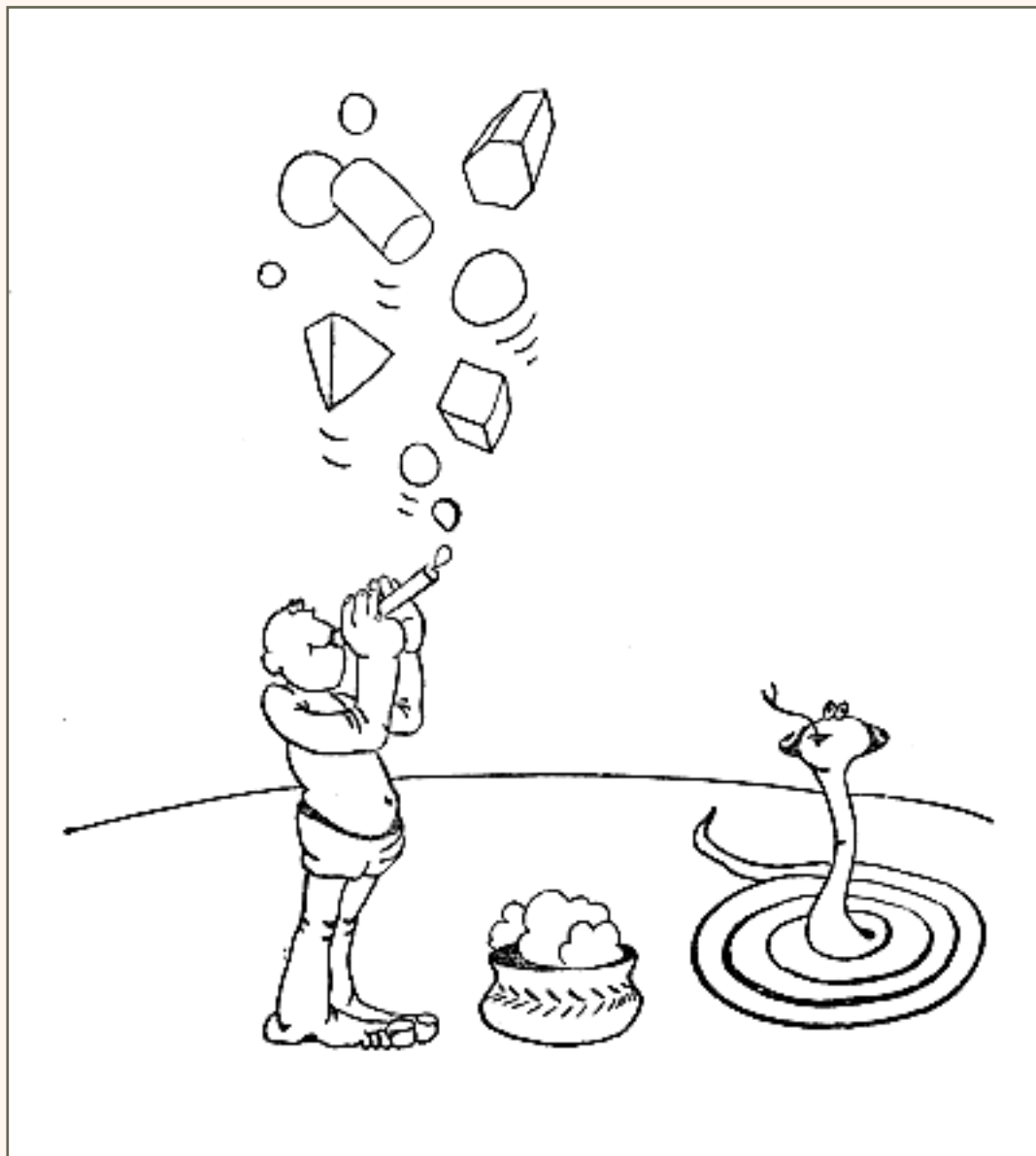
Отношение специалистов к искусству Малой Сын далеко не однозначно. Ряд ученых

считают, что немало предметов, которые отнесены к произведениям искусства, случайные. Но точка зрения, что на этом поселении совершенно отсутствует искусство, не совсем верна. Отдельные вещи убеждают в подлинности изображений, последующие исследования на этом интереснейшем памятнике позволяют ответить на вопрос более определенно. Малая Сья является одним из древнейших памятников Западной Сибири. Дата его на основании радиоуглеродного анализа — около 30 тысяч лет.

Искусство

Искусство первых сибиряков характеризуется одной важной особенностью. Впервые в 60-е годы обратил на это внимание молодой, тогда еще начинающий ученый Б. Фролов. Изучая орнаментальные мотивы на находках из Мальты и Мезина на Десне, он пришел к выводу, что в ритме их построения и нанесения на предмет есть определенные закономерности, которые выражаются в повторении деталей орнамента одинаковое число раз. Чтобы выяснить, насколько закономерно присутствие числовых ритмов в искусстве палеолита, он стал рассматривать орнаментальные мотивы, встречающиеся на предметах искусства и из других палеолитических памятников. Им разработана специальная методика анализа, исключающая возможность субъективных или случайных суждений о ритмическом «каркасе» орнаментов. Фролов проверил и выразил статистически все способы чередования орнаментальных элементов в коллекциях палеолитической графики, собранной в СССР, прежде всего в таких крупнейших комплексах, как Мальта и Буреть в Сибири, Костенки, Авдеево, Мезин на Русской равнине. Результаты оказались во многом неожиданными и заставили предположить не только знание систематического счета у доисторических мастеров — создателей орнамента, но и применение его в простейших наблюдениях за циклическими процессами в природе.

Фокусы

Вначале было выяснено, что общим правилом для статуэток с орнаментом является центральная роль ритмов 7, 5 и 10, которые присутствовали на подавляющем большинстве орнаментированных изделий Мальты. Объяснить это сочетание, подтвержденное примерами и из других коллекций палеолитического искусства, случайным совпадением невозможно. Тем более, что такое сочетание наблюдалось в памятниках, далеко отстоявших друг от друга. Число семь — длительность каждой из четырех фаз Луны (семь суток). Кроме того, это число видимых звезд Большой Медведицы, а также «блуждающих» светил, перемещающихся относительно звезд и видимых невооруженным глазом: Солнца, Луны, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, Меркурия; названные светила обожествлялись, и каждому из них посвящался один день недели у многих древних народов (Вавилона, Китая и других); с этим числом связан также счет времени семидневными неделями и огромная роль «священного» числа семь у многих народов мира.

Дальнейшие исследования привели Фролова к мысли о близости отдельных орнаментов по своему смысловому значению к традициям разных календарных систем и об умении мальтийцев и мезинцев и их современников разными способами учитывать время по Солнцу, Луне, наконец, находить определенные формы перехода от одного способа к другому.

В палеолите прослеживаются зачатки не только счета, но и геометрических представлений об обилии форм: круге, шаре, квадрате, прямоугольнике, меандре, спирали и т. д.,

которыми пользовались люди той эпохи. Все это приводит к выводу, что еще в глубокой древности человек, осваивая природу, вплотную приближался к тому уровню, с которого начинается расцвет математики и других наук в более позднее время в земледельческих цивилизациях древнего мира.

Древности Селемджи

Первое знакомство с Селемджой у меня состоялось много лет назад. С двумя молодыми сотрудниками на моторной лодке я отправился из Благовещенска по Зее, чтобы еще раз обследовать древнее поселение на речке Громатухе, в ста километрах от города Свободного. Человек жил здесь 7—8 тысяч лет назад.

Было начало августа — время частых дождей в Амурской области, но нам везло: стояла по-настоящему летняя погода. За два дня мы добрались до Громатухи, где несколько лет назад велись раскопки. Об этом поселении я писал книгу, и хотелось еще раз побывать здесь, уточнить стратиграфию, проверить некоторые мысли, которые возникли во время работы.

В один из вечеров к нашему костру подъехали рыбаки из близлежащего села. За чашкой крепкого чая разговорились, и они рассказали, что на Селемдже лет пятнадцать назад были найдены кости мамонта. Ночью, уже засыпая, под шум листвы я пришел к мысли провести разведку на реке, тем более что от Громатухи устье Селемджи всего в нескольких километрах.

Утром стал накрапывать дождь, но откладывать поездку не хотелось. Мы быстро сняли палатку и отправились в путь. Дождь постепенно усилился. Тучи затянули все небо. Видимость стала плохой, а в этих местах много протоков, островов, и мы с трудом нашли устье Селемджи. В переводе с эвенкийского Селемджа — железная река. Когда-то, двести лет назад, здесь кочевали тунгусы. От них-то и пошло название Селемджа — река горная, со множеством перекатов и порогов.

Дождь заливал глаза, ничего не было видно, и на одном из перекатов мы налетели на камень, отвалилась лопасть винта, и лодку стало сносить быстрое течение. С трудом удалось пристать к берегу. На счастье, оказался запасной винт. В дальнейшем пришлось с гораздо большей осторожностью пробираться между камнями и мелями. Несколько раз выходили на берег, увидев хорошие террасы, где мог бы поселиться древний человек. Делали шурфы, но находок не было. Дождь продолжал лить, и настроение наше быстро ухудшалось. Сопки затянуты тучами. Мрачные скалы подступают к самой реке. От всего этого было как-то неуютно на душе. Одежда вымокла, стало холодно, рука коченела на руле мотора. К обеду мы поднялись вверх километров на пятьдесят. Вышли на берег, с трудом вскипятили чай. Глядя на поникшие головы ребят, я решил возвращаться назад. Из-за неудачной поездки Селемджа вспоминалась потом неприветливой и неуютной, и больше не возникало желания снова побывать на ней.

Многие годы после этого я работал в Сибири, на Дальнем Востоке, Сахалине, Курильских островах, выезжал для работы за рубеж. Одна из главных проблем археологии — определить время первоначального заселения Северной Азии. Это важно не только для выяснения истоков древности культуры человека в Сибири и на Дальнем Востоке, но и для решения не менее важной проблемы — заселения Америки, потому что первый человек, ступивший в Новый Свет, был из Азии; он прошел по сухопутному мосту — древней Берингии, который соединял север Дальнего Востока с Аляской.

На Дальнем Востоке есть несколько памятников верхнего палеолита. Наиболее известные — Осиновка и пещера Географического общества. Осиновка была открыта в 1953 году экспедицией под руководством А. Окладникова.

...Стояла поздняя осень. Экспедиционная машина была забита ящиками с коллекциями, на которых с трудом громоздились студенты — сотрудники экспедиции. Все с нетерпением ждали Владивостока, где находилась база экспедиции.

На развилке дорог, недалеко от села Раздольного, машина снова остановилась: сходили очередные пассажиры, которых А. Окладников, несмотря на тесноту, подбирал по дороге. Алексей Павлович вышел из кабины и зашагал по своему обыкновению вдоль дороги: размять старые кости, как шутили злые языки, а как утверждал сам Окладников, посмотреть, авось что-нибудь попадет. На этот раз его пришлось ждать дольше обычного. Идя по краю дороги, он совершенно неожиданно нашел отщеп, на первый взгляд обыкновенный небольшой осколок камня. Но его внимание привлекло не то, что он был явно сколот с желвака рукой человека, а то, что он совершенно отличался от всех отщепов, ранее найденных в слоях неолитической эпохи. В изделиях эпохи неолита ударный бугорок маленький, здесь же он был массивным и занимал почти половину отщепа. Такого типа отщепы встречаются только в палеолитических памятниках, возраст которых не менее 20—15 тысяч лет. Исследователь, окрыленный находкой, начал внимательно осматривать дорогу и вскоре нашел еще несколько таких же отщепов. Пришлось звать на помощь всех сотрудников экспедиции.

В кузове машины вместе с археологами — студентами Ленинградского университета ехали студенты-геологи, которые сразу же подняли на смех легковерных археологов, готовых собирать с дороги каждый камень, раздробленный трактором или колесами машин. На дороге действительно попадались камни со следами выбоин и выщерблин, получившихся под действием удара машины, но они относились преимущественно к очень мягким и хрупким породам, да и характер сколов у них совершенно иной. Оказалось, отыскать отщеп не так-то просто. Тут уже смеялись студенты-археологи, опытный глаз которых быстрее находил оббитые рукой человека камни. Геологи окончательно сдались, когда кто-то из археологов нашел тщательно обработанное рубящее орудие. Человек изготовил его из крупной массивной гальки, один конец которой был тщательно затесан с двух сторон несколькими сколами. По краю имелась, кроме того, дополнительная мелкая подправка — ретушь. Это орудие отличалось от известных на Дальнем Востоке неолитических рубящих орудий, которые не только оббивались, но и зашлифовывались.

Последняя находка оказалась уникальной. В руки исследователей могла попасть важная нить, по которой можно пройти в новую, еще плохо известную на Дальнем Востоке эпоху. Нужно только найти карьер, откуда брали камень для строительства этой дороги. Местные жители быстро растолковали, что камень для всех дорог берут из карьера, который находится в трех километрах от села Осиновка.

Через час археологи внимательно осматривали стенки карьера. Вскоре стали раздаваться радостные возгласы. Больше всех радовались находкам геологи, которые, доказывая свое уважение и преданность археологам, лезли обследовать самые отвесные стенки карьера. Но ученых в данном случае привлекал не только сбор интересных находок, но и характер их

залегания в слое, а для этого нужно проводить планомерные раскопки.

Глубокая осень не позволила развернуть работы. Археологам пришлось возвращаться домой. Им удалось убедить строителей не трогать оставшуюся часть холма, где можно было вести раскопки.

На следующий год на этом месте заложили первый разведочный раскоп, который дал новые находки и ценные наблюдения.

Важное значение для археологов имеют стратиграфия и последовательность залегания находок в слоях. Раскопки на Осиновском холме позволили установить, что здесь жили люди в течение нескольких эпох. Они приходили на этот холм, селились, а потом снова по каким-то причинам уходили, оставляя после себя большое количество разнообразных предметов, пришедших в негодность или потерявшихся. Последние обитатели покинули этот холм около полутора тысяч лет назад. Они уже умели изготавливать из железа орудия труда и вооружение. Культурный слой их залегает сразу же под дерном на сравнительно небольшой глубине. Котлованы жилищ, которые они выкапывали в земле, прорезали нижележащие горизонты на глубину до одного метра. Но древняя дневная поверхность, та земля, по которой они ходили, залегала на 15—20 сантиметров глубже современного уровня почвы. Ниже культурного слоя железного века на глубине 50—20 сантиметров в слое светлого и желтовато-серого суглинка залегал культурный слой неолитической эпохи. Люди оставили после себя шлифованные каменные топоры, миниатюрные наконечники стрел, глиняные горшки и другой инвентарь. Жили они здесь 4—5 тысяч лет назад.

Еще глубже, в слое красноватого плотного суглинка, в котором попадался мелкий щебень, залегал третий, мезолитический культурный горизонт. Люди, оставившие после себя разнообразные каменные орудия, еще не умели изготавливать глиняную посуду и не научились шлифовать камень. Они жили на этом холме 9—10 тысяч лет назад.

И наконец в самом основании толщи рыхлых отложений, почти на самом скальном цоколе Осиновского холма, обнаружен четвертый по счету, самый древний слой. Отщепы из этого слоя и попались археологам на дороге.

Работа археолога требует большого внимания, терпения и упорства. Все это оказалось особенно необходимым при раскопках на Осиновском холме, где перед археологами стояла трудная задача: вначале вскрыть первый культурный горизонт, не потревожив второго, а затем второй, третий, четвертый, не повредив предыдущих. Важно не только не спутать вещи разных временных эпох, но раскопать каждый из горизонтов так, чтобы можно было точнее представить жизнь и быт обитателей каждого культурного слоя.

При раскопках нижнего, четвертого, горизонта удалось проследить и рабочую площадку древних мастеров, где они занимались изготовлением каменных орудий. Она состояла из камня — гальки, на поверхности которой видны ямки от большого количества сильных ударов. Эта галька служила древнему мастеру наковальней. Вокруг лежали отходы производства: большие и малые отщепы, заготовки орудий труда и уже почти совсем готовые к работе орудия. Благодаря наличию таких площадок, где концентрируются обработанные в разной степени изделия, можно представить технику и те приемы, которые применяли мастера при обработке камня.

Среди орудий труда четвертого горизонта наиболее выразительны грубые рубящие орудия больших размеров. Они изготавливались из массивных овально-удлиненных галек. Один конец этих галек тщательно затесывался с двух сторон сколами так, чтобы получилось широкое острое лезвие. Гальки во время оббивки, по-видимому, вставляли в особые приспособления — зажимы, расщепляя какой-нибудь толстый сук дерева. Затем, после

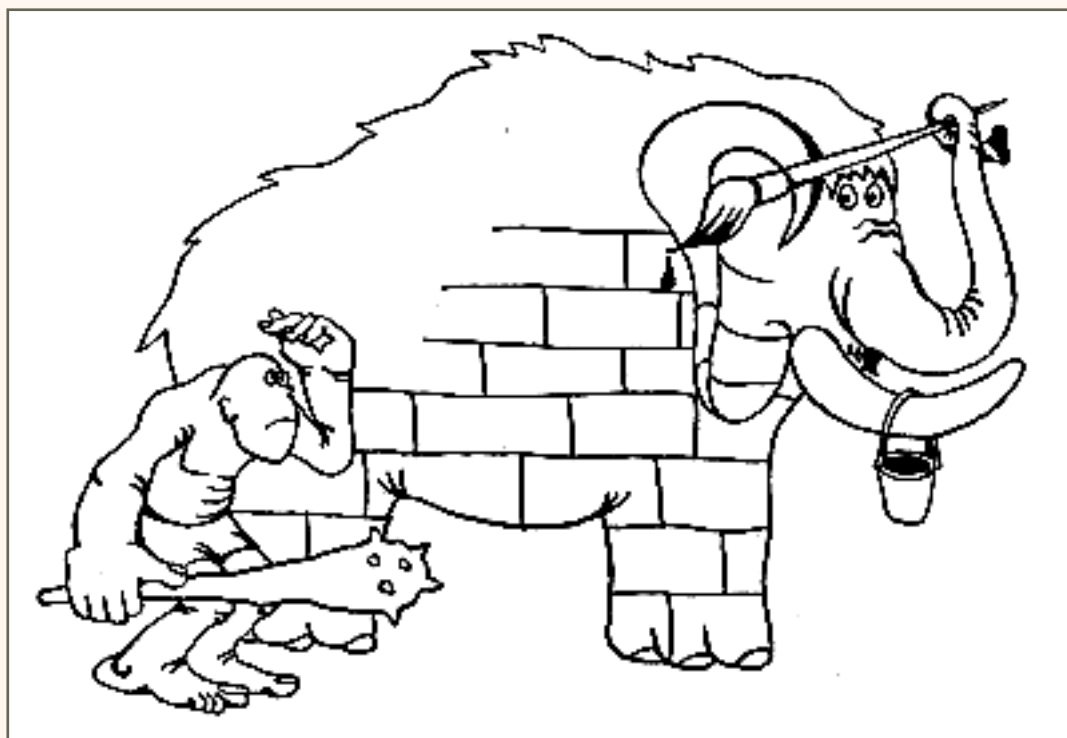
оббивки края, лезвия обрабатывали более мелкими сколами — ретушью, как бы заостряя его. После этого орудие готово к употреблению. Противоположный рабочему острому лезвию конец оставался совершенно необработанным. Овальная форма его удобна для держания. Им работали, в основном зажимая его в руке, я, таким образом, могли резать и скоблить шкуры. Но его можно было также крепить к деревянной рукояти и использовать для охоты на крупных животных, рубки деревьев, выкапывания котлованов под жилища и пищевые запасы.

Рядом с готовыми орудиями труда у наковальни лежали нуклеусы-ядрища, с которых скалывали пластины и отщепы. Некоторые ядрища имели дополнительную подправку на той площадке, по которой наносился сильный удар отбойником. Это необходимо для скалывания правильных пластин. Но большая часть нуклеусов четвертого слоя не имела такой дополнительной подправки, и с них скалывали в основном отщепы неправильной формы.

Отщепы и пластины шли на изготовление различного мелкого каменного инвентаря: скребков, резцов. Для этого пластины и отщепы по краям обрабатывали дополнительно мелкими сколами, превращая край в острое лезвие. Крупные орудия труда и вооружение изготавливались из массивных заготовок.

Люди, впервые поселившиеся на Осиновском холме, вели, по-видимому, полукочевой образ жизни. Здесь не обнаружено остатков таких жилищ, как, например, на Ангаре в Мальте и Бурети, где каркасом жилищ служили кости крупных животных.

Как только теплело, племя снималось с места и кочевало в поисках пищи вслед за стадами крупных животных. На быков, северных оленей люди охотились, вооружившись палицами-дубинами и Копьями. Иногда им удавалось внезапно напасть на стадо оленей и пригнать его к крутому обрыву. Животные гибли десятками, скатываясь в пропасть. Тогда у людей наступал праздник: они имели вдоволь мяса, шкур для одежды и жира — чудесного источника тепла и света в длинные зимние вечера и очень калорийной пищи, от которой уставший охотник вновь обретал силу и ловкость. Но такие праздники у людей бывали очень редко.

Поиск пищи

На Осиновском холме была проделана большая как по объему, так и по значению работа. Археологам удалось открыть несколько культурных слоев, или горизонтов, а главное, проследить жизнь людей в течение нескольких эпох.

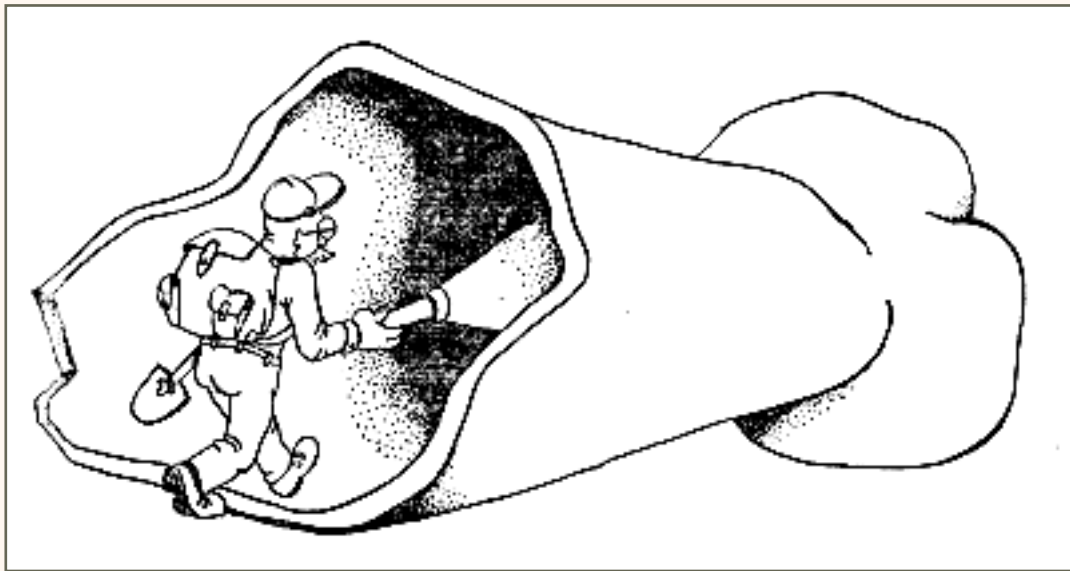
Широко и приветливо раскрывает свои объятия долина Сучана в нижнем его течении, в районе села Екатериновка, с запада оцепленная крутыми уступами Верблюжьего хребта. Ветер, дождь, снег немало потрудились над изменением горного рельефа. Здесь можно увидеть, как прямо над вами поднимается величественная голова льва. Тут же расставлены десятки других колоссальных изваяний. Редкие кусты можжевельника и стройные сосенки робко взбираются по отвесным склонам. Только иногда разорвет окружающую тишину гудок паровоза да серебристая птица прочертит голубизну неба, напоминая о том, что где-то рядом кипит жизнь.

В скалах на разной высоте чернеют отверстия, овальные, треугольные, щелевидные, — входы в пещеры. В 1963 году эти пещеры были обследованы группой спелеологов-любителей Приморского филиала Географического общества СССР.

Участников группы, разных и по характеру, и по возрасту, влекла жажда узнать новое, стремление раскрыть неисследованное, любовь к родному краю. Работа спелеолога трудна и опасна. Сотни ловушек подстерегают его на каждом шагу. Здесь и хорошо замаскированные природой подземные колодцы, и озера совершенно прозрачной воды, и узкие лазы, сквозь которые можно пробраться в следующий зал лишь с большим трудом, к тому же без гарантии вернуться, и еще много такого, что не раз заставит подумать даже бывалого человека.

Их было трое: руководитель группы — ветеран гражданской войны на Дальнем Востоке Ефрем Гаврилович Лешок; поэт, до самозабвения влюбленный в родные просторы, — Владимир Иванович Шабунин и ученик Саша Кучерявенко. Они обследовали несколько пещер и в одной из них обнаружили кости животных.

Узнав о находке спелеологов, в район Сучана выехала археологическая экспедиция под руководством Окладникова и немедленно приступила к раскопкам. Наиболее богатой оказалась фауна в пещере, названной спелеологами именем Географического общества. Пещера открывается высокой узкой расщелиной овальной формы, сильно суживающейся в верхней части. В пяти метрах от входа лаз резко опускается вниз, образуя узкую высокую камеру. Постепенно ход расширяется и переходит во вторую камеру, более значительную по размерам, чем первая. Высота ее до трех метров, а периметр — более двенадцати. Но даже в этой камере можно было с трудом поместиться вдвоем. Сверху опускались белые причудливые сталактиты. В западной стенке камеры имелись два отверстия, ведущие в глубь скалы. Первое ориентировано с востока на запад и почти засыпано землей, второе — с северо-востока на юго-запад и тоже сильно затянато красноватой глиной. В этом холодном и сыром ответвлении и во второй камере удалось обнаружить кости ископаемых животных. Они находились в плотной красноватой глине или в своеобразном футляре из сталактитовой корки, поэтому очень хорошо сохранились. Многие из них благодаря наличию солей сильно минерализовались, и тогда их с трудом удавалось отличить от сталактитовых натеков.

Поиски

Мы разбились на три группы и работали в пещере по полтора часа. Всех охватил охотничий азарт добыть как можно больше костей. За несколько дней работы удалось обнаружить останки более сорока видов животных, в том числе мамонта, гигантского оленя, россомахи, бизона и многих других.

Но тут же перед нами встал вопрос: как попали в пещеру эти кости? Было выдвинуто предположение, что пещера — место обитания какого-то крупного хищника, который и таскал сюда убитых животных. Но это предположение сразу же вызвало много возражений: почти все трубчатые кости оказались расколоты сильными резкими ударами, верхние концы их стертые и пришлифованы. Зверь, конечно, этого сделать не в состоянии. Не могли трубчатые кости расколоться и от резких температурных колебаний: температура внутри пещеры круглый год постоянная — два-четыре градуса тепла. Значит, кости расколоты человеком для добывания вкусного и питательного мозга, а осколки их служили ему в качестве орудий. Так делал, например, синантроп в Чжоукоудяне. Не исключено, что человек жил и в самой пещере, но со временем пол и вход в нее сильно заплывли землей. Уже первые раскопки поставили перед нами множество вопросов, ответить на которые можно только в процессе дальнейших работ.

Прошел не один год, прежде чем удалось окончательно выяснить главный вопрос: человеком или хищником принесены в пещеру эти кости?

Несколько лет древнюю фауну Приморья изучал Н. Оводов. Он и начал в пещере систематические раскопки под руководством профессора Н. Верещагина. Вначале мало кто верил в успех, но пришло время, когда пещера заговорила. Ововоду удалось выявить несколько горизонтов, в которых находились кости животных различных климатических периодов и ландшафтов — от современных до ледниковых. И самым значительным его открытием оказались каменные орудия, найденные в нижних слоях пещеры вместе с костями мамонта, бурого медведя, пещерной гиены, северного волка, тигра, носорога, лошади, изюбра и бизона. На этих животных и охотился человек в Сучанской долине. При помощи радиоуглеродного метода удалось установить время находок: более 33 тысяч лет назад.

Археологи и палеонтологи выяснили, что люди, жившие в пещере Географического общества, очень часто для изготовления различных режущих и колющих орудий использовали трубчатые кости животных, для чего их предварительно раскалывали и концы превращали в острия. Изделий из камня обнаружено в пещере сравнительно немного: грубые нуклеусы, отщепы, рубящие орудия типа чоппера.

Ископаемая фауна относится в основном к ледниковой эпохе. В то время, когда в пещере Географического общества жили люди, климат в Приморье и Приамурье был более суровым, чем в настоящее время. По бескрайним — от Амура до Чукотки — степным и лесостепным просторам бродили стада мамонтов, бизонов, носорогов. Длинная жесткая шерсть предохраняла их от сильных зимних стуж. Пещерные гиены, медведи соперничали с человеком за обладание пещерами, в которых можно укрыться во время долгой зимы. Но победа все чаще доставалась человеку.

На юге Дальнего Востока известно еще несколько палеолитических местонахождений, но все они не имеют четкой стратиграфии. К сожалению, археологи часто приходят поздно: отложения, где залегали культурные горизонты, оказываются разрушенными водами реки или строительными работами, и приходится собирать в основном подъемный материал. Отсутствие стратиграфии значительно снижает его ценность и возможности интерпретации.

...Шло время. Периодически появлялась мысль о детальном исследовании слабо изученных районов. Вспоминалась и Селемджа.

В 1982 году было решено вновь тщательно обследовать бассейн Зеи, обратив особое внимание на изучение высоких террас, на которых и должны располагаться наиболее древние памятники. В отряде подобрались люди опытные, старые экспедиционники. Директор Амурского комплексного научно-исследовательского института профессор В. Моисеенко направил вместе с нами своего заместителя по институту, прекрасного исследователя, геолога и геоморфолога — Анатолия Петровича Сорокина. Совместная работа дает много полезного и нам и им. Особенно это важно в условиях Дальнего Востока, где пока еще слабо изучены четвертичные отложения. А в Зейско-Буреинской депрессии они очень мощные, иногда достигают более сотни метров, перекрывая древние отложения, которые содержат в основном полезные ископаемые. Без изучения четвертичных отложений, условий их накопления, закономерностей залегания и распространения трудно вести поиск многих полезных ископаемых. Знание четвертичных отложений очень важно и для археологов, потому что вся история человека связана с этим геологическим периодом, и знание экологических, ландшафтных, геоморфологических условий обитания человека позволяет более целенаправленно вести поиск памятников, изучение миграционных процессов у наших далеких предков.

Зея в нижнем течении имеет широкую долину и пойму. Только за городом Свободным начинаются высокие террасы, к тщательному обследованию которых мы и приступили. Пятого июня остановились на ночевку в устье Селемджи. Посоветовавшись, решили на следующий день начать работу. Вверх по реке отправились вдвоем с А. Мазыным. С Анатолием Ивановичем мы знакомы уже больше двадцати лет. За эти годы прошли с ним тысячи километров на моторной и резиновой лодках по многим рекам Сибири и Дальнего Востока. Прекрасный исследователь и опытный таежник, он очень надежный спутник, хорошо знающий нрав сибирских и дальневосточных рек.

Начало нашего путешествия, как и в первый раз, оказалось неудачным. Сразу же при входе в устье у винта, ударившегося о камни, отлетела лопатка. Пока Анатолий Иванович менял винт, я обошел террасу, к которой мы пристали. Перед глазами открывалась широкая, в несколько километров, долина Селемджи. Она образовалась во время последнего таяния ледников, когда долина реки заполнялась мощными рыхлыми отложениями. Вновь стало очевидным, что нужно обследовать высокие террасы, которые формировались рекой в глубокой древности. В нескольких километрах от нас виднелись как раз такие террасы.

После починки мы, соблюдая все предосторожности, пробираясь между мелями, вышли в узкую протоку с очень сильным течением. Несмотря на 30-сильный мотор, лодка почти стояла на месте. С трудом пристали к высокому берегу. Снаряжение у археолога простое: компас, фотоаппарат, метр и лопата. Через несколько минут мы шагали по высокой траве

среди огромных, в три обхвата, тополей, выросших на благодатной, сдобренной черноземом земле. Район этот считается северным, а устье Селемджи расположено на границе таежной и степной зон. Когда-то и южнее росли леса, но человек, распахивая землю, все дальше и дальше отодвигал границу тайги. Снова вспомнились слова известного ученого и путешественника Г. Грумм-Гржимайло, которые он сказал об Амурской области, что там «виноград обвивается вокруг ели». Здесь не было винограда, но высоко вверх, насколько хватал глаз, по тополям вились лианы лимонника из семейства магнолиевых, этого удивительного растения, реликта теплой флоры. Осенью с первыми морозами его небольшие ягоды приобретают ярко-красный цвет и сверкают на солнце, словно маленькие рубины среди первых кристаллов инея. Эвенки, уходя на сутки или двое от зимовья проверять ловушки, обязательно берут с собой засушенные ягоды, обладающие сильными тонизирующими свойствами и хорошо снимающими усталость.

Пройдя к высокой террасе, мы стали медленно подниматься по крутому склону, заросшему кустарником. Гадюки, гревшиеся на солнце, недовольно шипя, уползали по крупным камням. Сверху перед нами открылся прекрасный вид на Селемджу, которая петляла по долине, серебрилась своими многочисленными протоками. Теплый ветерок обдувал комаров, и как-то легче стало дышать. Только оводы, обрадованные нашим появлением, тучей загудели над нами.

Для шурфа выбрали ровную площадку у края террасы. Вначале лопата легко уходила в дерн и рыхлую супесь, глубже пошел плотный, словно сцементированный, суглинок, а еще ниже стали попадаться куски гранита, сильно разложившегося, — признак близкой скалы. Утирая пот в короткие минуты отдыха, мы разочарованно смотрели друг на друга. В углу шурфа лопата несколько раз царапнула о крупную гальку. Я решил ее убрать, чтобы она не мешала выровнять стенку нашего раскопа. Перевернув ее, не поверил своим глазам: вся поверхность гальки была оббита широкими сколами, которые покрывала беловатая патина и налипшая глина. Сначала мы не поверили в удачу, передавая друг другу и рассматривая этот галечный нуклеус со всех сторон. Но, расширяя раскоп, рядом с местом, на котором лежал нуклеус, нашли крупные отщепы. На душе сразу стало легко и спокойно. Молча сели перекурить на чуть влажную землю, уже не обращая внимания на кружащихся оводов. Молча смотрели на долину Селемджи, каждый думал о своем.

Новые открытия бывают случайные и закономерные. Трудно сказать, к какому из них относится открытие на Селемдже. Много лет мы шли к нему, накапливая знания и расширяя район исследования. Но то, что на первой же высокой террасе и в первом же шурфе мы нашли галечный нуклеус-ядрище и сколотые с него отщепы и пластины, было, несомненно, удачей. Обычно площадь древних поселений небольшая, что и подтвердили дальнейшие раскопки, и часто археологам приходится делать несколько шурфов, а иногда и более десятка, чтобы найти что-то интересное. Нередко все усилия так и остаются безрезультатными.

Усталость медленно уходила из тела. Мы принялись зачищать стенки шурфа, чтобы уточнить стратиграфию. Дерн и палевый суглинок относились к голоцену — современной геологической эпохе. Ниже залегал суглинок уже плейстоценовый, что в дальнейшем подтвердили и геологи. В суглинке прослеживалась темная, слабо выраженная прослойка — древняя погребенная почва. В самом низу, почти на цоколе террасы, и были найдены галечный нуклеус и массивные отщепы.

К террасе, определенной в дальнейшем как вторая надпойменная, примыкала еще одна, третья. Мы поднялись на нее и снова заложили шурф, и снова удача. На этот раз находки обнаружили в трех горизонтах: в супеси, суглинке и в дресве — продукте разложения цоколя террасы. В верхних горизонтах нашли клиновидные нуклеусы, которые ранее получили название нуклеусы-скребки и гобийские нуклеусы, и почти на самом цоколе террасы залегали грубые галечные орудия и ядрища, отличающиеся от вышележащих своей архаичной формой и обработкой.

В тот день нам сказочно везло. Погода тоже благоприятствовала. Обедали на небольшой косе. Экспедиционный суп, приправленный диким луком, был особенно вкусным после вырытых нескольких кубометров земли. После обеда, сделав планы и чертежи, отправились в дальнейший путь.

Неделю мы проводили разведочные работы на Селемдже. И почти каждый раз, выходя на высокие террасы, находили палеолитические памятники. Нередко приходилось до изнеможения пробивать в плотном суглинке один шурф за другим, чтобы убедиться, селился здесь человек или нет. Неудачи не расстраивали нас. Открытых памятников хватит на несколько лет стационарных раскопок. Всего удалось открыть 10 пунктов, где на вторых и третьих террасах в разных геологических горизонтах находились каменные орудия труда.

Со 110-го километра ситуация на Селемдже резко изменилась. Долина сузилась. Высокие скалы подходили к самой воде. Растительность сменилась на таежную. Совсем другими отложениями здесь сложена древняя береговая система. Прекратились и находки. Мы поднялись вверх еще километров на сто и повернули назад, решив тщательно обследовать всю Селемджу и ее притоки позднее, когда начнутся здесь стационарные раскопки. Находки оказались уникальными, и сразу же после возвращения из разведочного маршрута стали готовиться к работам на Селемдже.

С тех пор прошло более трех лет. Нельзя сказать, чтобы погода нас баловала в эти годы. Все полевые сезоны были дождливые, и Селемджа выходила из берегов, затапливая пойму. В 1982 году, когда мы еще не знали всего коварства реки, не раз приходилось плавать на лодках по затопленному лагерю. Но, несмотря ни на что, каждый год, как только таял снег, в нескольких местах на берегах Селемджи появлялись палаточные городки археологов. Местные жители привыкли к нам, часто приезжали на экскурсии и постоянно были в курсе всех событий.

За три полевых сезона удалось раскопать несколько тысяч квадратных метров площади древних стоянок. Первые наши отвалы уже начали зарастать кустарником. Палеолитические комплексы Селемджи в настоящее время одни из наиболее хорошо и полно исследованных на Дальнем Востоке. Некоторые стоянки, как, например, расположенные на пятом, восьмом, двенадцатом километрах от устья, раскопали почти полностью. На других работы продолжаются, а на ряде поселений еще не начинались. При раскопках на стоянках археологи видели много интересных и по-настоящему увлекательных деталей из жизни древнего человека.

Выявлены рабочие площадки древних мастеров по обработке камня. Скрупулезная работа археологов позволила не только увидеть, как лежали находки после ухода с этого места людей, но и восстановить во время лабораторной работы над материалами в институте весь процесс изготовления различных каменных орудий. Такая работа требует от археолога большого терпения и мастерства. Она напоминает конструктор-головоломку, когда из отдельных деталей нужно собрать целое. Здесь приходится вначале тщательно отбирать все находки, относящиеся к одной породе, а затем, подставляя их друг к другу, пытаться постепенно восстановить ядрище, с которого древний мастер скалывал отщепы и пластины, а уже из них делал различные орудия труда. Но зато как много информации может дать апплицированное, или, проще говоря, собранное из множества более мелких сколов, ядрище. Перед глазами исследователя предстает весь процесс, все стадии первичной и вторичной обработки камня. Эта работа позволила еще раз убедиться в великолепном знании древними мастерами свойств камня. С каким большим умением и изяществом они умели отделять свои орудия!

Стоянки находились на вторых, третьих и четвертых террасах. Наиболее древние располагались вверху. Кроме того, раскопки позволили выявить на каждой стоянке по

несколько культурных горизонтов. Человек, следовательно, неоднократно приходил и селился на берегах Селемджи в течение продолжительного времени. Первые костры зажглись на Селемдже 30—35 тысяч лет назад, а может быть, и раньше. Это очень важный период в истории человеческого общества. Именно с ним связано важнейшее событие в нашей истории и родословной — появление и расселение на земле *Homo sapiens*, или человека разумного, человека современного физического типа. Не вдаваясь во все аспекты этой проблемы, следует отметить, что многие ученые разных стран формирование человека разумного локализуют в одном небольшом ареале. Сибирь и Дальний Восток никогда не рассматривались в этом плане.

В настоящее время во многих местах на Алтае, а также в Хакасии найдены орудия труда нашего непосредственного предшественника — неандертальца, или палеоантропа — человека мустьерского времени. Орудия труда обнаружены как на стоянках, расположенных по берегам небольших горных рек и озерного типа водоемов, так и в пещерах. Благодаря этим открытиям ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что 40—50 тысяч лет назад на юге Сибири также расселялись древние популяции.

На Дальнем Востоке пока еще не найдено совершенно бесспорных памятников, подтверждающих расселение здесь нашего предшественника — неандертальца. Хотя в селе Кумары на Амуре и Осиповне в Приморье среди орудий труда есть и среднепалеолитические. Очень вероятно, что в ближайшее время и на юге Дальнего Востока археологам выпадет счастье найти как мустьерские памятники, так и останки самого человека. Несомненно лишь то, что в Приамурье бассейн Селемджи 30—35 тысяч лет назад уже был заселен человеком.

Находки из наиболее древних стоянок на Селемдже значительно обогатили представления археологов о начальном этапе заселения человеком современного физического типа Дальнего Востока. Найденные орудия труда позволяют значительно полнее изучить культуру человека того времени. Эти находки важны и для изучения проблемы первых американцев, решение которой во многом зависит от исследования древних комплексов в Северной Азии. Открытие и исследование в Сибири а на Дальнем Востоке стоянок и поселений древнего человека, относящихся к верхнему, а может быть, и среднему палеолиту, позволяет по-новому подойти к решению вопроса о первоначальном заселении человеком Америки.

Очень вероятно, что в дальнейшем удастся найти новые памятники севернее Селемджи, которые позволят проследить путь древних сибиряков и дальневосточников на север, вплоть до Америки. В это время человек эпизодически проникал далеко на Север и, конечно же, мог попасть благодаря существованию сухопутного моста между Азией и Америкой в Новый Свет. По-видимому, это было случайным явлением, и проникнуть на соседний материк могла небольшая группа людей, которая в течение сравнительно короткого времени могла быстро расселиться по всему континенту, по которому еще не ступала нога человека: памятники старше 20 тысяч лет известны в настоящее время и в Южной Америке.

Культурные горизонты на Селемдже датируются временем 15—20 тысяч лет. Здесь обнаружены небольших размеров клиновидные нуклеусы для снятия с них пластин. Эти ядрища давно привлекали внимание археологов. В Сибири первым на них обратил внимание в 20-х годах иркутский профессор Б. Петри. Почти в это же время подобные изделия были найдены центрально-азиатской комплексной экспедицией Р. Эндрьюса в пустыне Гоби. Но самым поразительным был тот факт, что точно такие же изделия нашел участник экспедиции археолог Н. Нельсон прямо на университетской площадке города Фербенкса на Аляске. Эти находки а послужили фактологическим фундаментом для теории о заселении Нового Света из Азии. В настоящее время комплексы, где встречаются клиновидные нуклеусы вместе с другим инвентарем, очень, близким к азиатскому, известны во многих других районах Аляски, что, бесспорно, свидетельствует о движении человека с

юга на север, вплоть до Америки. Теперь уже ясно, это не первая, а вторая, может быть, третья волна пришельцев в Новый Свет из Северной Азии.

Следовательно, связи между древним населением двух материков не прекращались на Аляске и в более позднее время. В конце плейстоцена — начале голоцена на Аляске получили широкое распространение поселения с микро- и макролезвиями, резцовой техникой и специфическими нуклеусами, с которых скалывали ножевидные пластины. В целом такие поселения можно определить как памятники с пластинчатой техникой обработки камня, характерной для Северной Азии.

В настоящее время такие комплексы известны на севере Китая, в Корее и Японии. В 1982 году мне удалось в Японии просмотреть коллекции с палеолитических стоянок во многих университетах. И приходилось удивляться близости каменного инвентаря Японии и материка. Особое сходство наблюдается со стоянками Селемджи. Именно 15—20 тысяч лет назад Япония соединялась на севере с материком сухопутным мостом через Сахалин, когда не было Татарского пролива.

Селемджу отделяет от Уды, впадающей в Охотское море, небольшое расстояние в 20—30 километров. Очень вероятно, что распространение в Японии комплексов с пластинчатой техникой связано с движением племен на север вплоть до Америки и на восток. И древнее население Селемджи играло здесь решающую роль.

Раскопки на Селемдже продолжаются. Но уже сейчас получен интереснейший материал, вносящий важный вклад в разработку проблем, которые давно интересуют специалистов не только у нас в стране, но и за рубежом. Дальнейшие раскопки могут дать новые, совершенно неожиданные открытия. Не исключено, что Селемджа, как и другие территории, хранит и тайны самого первого человека на Дальнем Востоке, человека нижнего палеолита.

Первые Колумбы — аборигены Сибири

В 1992 году будет отмечаться 500-летие события, имеющего большое значение в мировой истории, — открытия нового континента, получившего впоследствии название Америка. Это открытие справедливо связывается с именем Колумба. Европейские страны, и в первую очередь Испания и Португалия, жаждавшие скорой наживы, посылали одну экспедицию за другой с целью колонизации новых земель.

В XVI веке некоторые участники и свидетели чудовищных зверств и насилий конкисты — Бартоломе де Лео-Касасу, Диего де Ланда, Берналь Диас дель Кастильо и другие — увидели в индейцах Америки людей, имеющих свою самобытную и оригинальную культуру, свое прошлое. И действительно, первые европейцы, придя в Новый Свет, встретили там развитые цивилизации ацтеков, майя, инков, муисков. Где истоки этих развитых цивилизаций? Когда впервые человек заселил Америку? Или, быть может, человеческое общество на этой территории в своем развитии прошло те же этапы, что и в Старом Свете?

Проблема первоначального заселения Американского континента и развития культуры индейцев всегда вызывала острые дискуссии. Происхождение в целом американской расы или отдельных ее народов многие ученые связывали с теми или иными народами Старого Света. Так, в XVIII веке французский ориенталист Де Гэйгене доказывал, что на культуру Центральной Америки повлияли китайские монахи-буддисты, путешествовавшие будто бы в V веке нашей эры из Азии в Америку. Но еще Гумбольдт и Клапрот аргументированно доказали несостоятельность этой теории.

Итальянский лингвист Марк Гаттони Чели выдвинул гипотезу об эмиграции в Америку этрусков в XII веке до нашей эры. Американские ученые из Смитсоновского института (Вашингтон), супруги Меггере и Эванс, на основании раскопок в Вальдивии на северном побережье Эквадора утверждают, что 4—5 тысяч лет назад существовали транстихоокеанские связи и в Америку переселились племена дземонской культуры Японии. Тур Хейердал не только писал о путешествиях в Южную Америку и ее заселении выходцами из Полинезии, но и сам на практике доказал реальность трансатлантических путешествий. Можно привести и другие гипотезы о возможных миграциях древнего населения из Старого Света в Америку.

Неоднократно за последние двести лет раздавались голоса и в пользу теории об автохтомности американского человека. Сторонники этой теории объясняли разнообразие антропологических типов и лингвистическую пестроту результатом изолированности отдельных народов как от культур Старого Света, так и друг от друга.

Эта заманчивая на первый взгляд гипотеза в действительности не имеет абсолютно никакой научной основы. Исследования антропологов, этнографов, лингвистов свидетельствуют о том, что практически у всех племен и народов Нового Света есть одна общая этническая основа и только последующая изоляция привела к формированию антропологических особенностей и многочисленных языков у американских индейцев. А самое главное состоит в том, что в Америке не было древних человекообразных обезьян, от которых мог произойти человек. Хотя неоднократно в печати появлялись сообщения об открытии в глубинах Американского континента высокоразвитых человекообразных обезьян, но при тщательном исследовании оказывалось, что или ошибочно за останки таковых принимались ископаемые кости животных, или это были мистификации ловких людей.

Классические труды Крашенинникова, Стеллера и других русских путешественников XVIII—XIX веков о народах, обитавших на Тихоокеанском побережье Старого и Нового Света, дали обильные материалы, свидетельствующие о близости антропологических, этнографических черт в культуре коренного населения Америки и палеоазиатов Сибири и Дальнего Востока. К концу XIX века эта теория получила серьезную научную аргументацию среди этнологов, занимающихся проблемами Тихоокеанского Севера и древней Берингии.

Одним из крупнейших научных предприятий, организованных для Доказательства этой теории, следует считать Северо-Тихоокеанскую экспедицию, снаряженную американским музеем естественных наук в Нью-Йорке на средства президента музея итальянца Джезупа. Иногда эту экспедицию называют экспедицией Джезупа, хотя он сам не принимал непосредственного участия в ее работе.

Возглавил экспедицию известный американский ученый, профессор Колумбийского университета и директор антропологического отделения Американского музея естественных наук Франц Боаз. Программа исследований была составлена на много лет работы как в Америке, так и в Азии.

Результаты опубликованы в нескольких томах. В процессе полевых работ ученым удалось собрать огромный фактический материал, который свидетельствовал, что американские индейцы имеют много общего в культуре, физическом типе с коренным населением Сибири и Дальнего Востока.

Встал вопрос: когда впервые нога человека ступила на землю Нового Света?

В настоящее время можно считать установленным, что человек пришел в Америку из Старого Света, когда существовал сухопутный мост, древняя Берингия, соединявший два континента, и первыми Колумбами были древние обитатели Сибири и Дальнего Востока, которые задолго до полинезийцев, племен дзEMONСКОЙ культуры, норманнов и других народов заселили Америку. С открытиями в Центральной и Северной Азии и связана разгадка одной из интереснейших научных проблем — прародины тех, кто первым ступил на Американский континент.

В 20-х годах в Монголии работала крупная центральноазиатская экспедиция под руководством Эндрьюса. В пустыне Гоби в местности Баиндзак, или Шабарак усу, были обнаружены своеобразные клиновидные ядрища-нуклеусы, с которых скалывали ножевидные пластины. Эти ядрища получили название нуклеусы-скребки или гобийские нуклеусы. Немного позднее, как мы уже писали, на университетской площадке в городе Фербенксе на Аляске нашли точно такие же изделия, возраст которых около 10 тысяч лет. Археолог Нельсон, участник экспедиции Эндрьюса, первым описавший коллекцию экспедиции, увидел между нуклеусами-скребками из Гоби и Аляски поразительное сходство и высказал мысль, что находки в Фербенксе свидетельствуют о первичном заселении Северной Америки человеком из Азии. Нельсона поддержал крупный французский геолог, археолог и философ Тейяр де Шарден, который даже выдвинул на основании этих находок

гипотезу о существовании единого всемирного слоя субарктических культур.

В Сибири на существование нуклеусов-скребков обратил внимание еще ранее профессор Б. Петри. Нуклеусы-скребки, или гобийские нуклеусы, в дальнейшем находили на многих стоянках каменного века в Сибири, на Дальнем Востоке и в Монголии. На основе этих находок ученые аргументировали теорию о заселении Америки из Северной Азии. Находки свидетельствовали о тесных связях древнего населения Азии и Америки 10—12 тысяч лет назад, в самом конце плейстоцена — начале голоцена (современной геологической эпохи).

Не случайно крупнейший американский антрополог, чех по национальности, Алеш Хрдличка, заинтересовавшийся открытиями Окладникова, Герасимова, Дебеца в Северной Азии и на Ангаре, предпринимает путешествие в Советский Союз. С Хрдличкой в антропологии связана целая эпоха. Ученый широкого диапазона, он занимался изучением наиболее актуальных проблем становления человеческого общества и опубликовал большую серию капитальных работ, посвященных этой теме.

В Сибирь Хрдличка приехал в 1939 году, в июле. В Прибайкалье в это время, как обычно, стояли жаркие дни. Экспедиция Окладникова вела раскопки неолитических могильников в Бурети. Как-то в середине дня неподалеку от раскопа остановилась легковая машина, и из нее вышел пожилой человек в тщательно отутюженном костюме и цилиндре. Алексей Павлович и его немногочисленные сотрудники увлеченно продолжали работать лопатами. И когда сопровождавший Хрдличку работник музея представил Окладникову гостя из Америки, Алексей Павлович, хорошо знавший работы известного ученого, в первые минуты пришел в смущение. Обгорелый на солнце, голый по пояс, перепачканный глиной, он явно не гармонировал с тщательно одетым и подтянутым американским профессором. Позднее, когда мы были в гостях у ученика Хрдлички, профессора Коннектикутского университета Лафлина, Окладников рассказал ему об этой встрече. Наш коллега долго смеялся, а потом заметил, что и американских студентов Хрдличка приводил в изумление, когда во время экспедиции в Тихом океане он выходил на палубу небольшого бота во время шторма в смокинге и цилиндре.

Хрдличка, несмотря на усталость, связанную с возрастом (ему тогда было 80 лет) и переездами, весь день работал на раскопке, расспрашивал Окладникова о древних памятниках Сибири. Его очень заинтересовала одна раскопанная могила, в которой лежали три костяка: мужчины, женщины и ребенка. Тазовая кость женщины была пробита каменным наконечником стрелы. Окладникову и раньше приходилось раскапывать погребения, в которых вместе с женщиной лежала насильственно умерщвленная женщина, но тройное захоронение было расковано впервые. Хрдличка вспомнил, что у индейцев, когда умирала женщина, у которой не было сестры, способной кормить младенца своим молоком, ребенка также клали в могилу матери. Такая трагедия и разыгралась, видимо, здесь, на берегах Ангары, пять тысяч лет назад. Особенно интересовали Хрдличку черепа. По его словам, они больше всего напоминали черепа индейцев племени шошонов. Хрдличка, ознакомившись с находками Окладникова в Бурети и с другими памятниками Ангары, посмотрев коллекции Иркутского музея и музеев в Ленинграде, так же как и в первый свой приезд в Сибирь, в 1912 году, решительно поддержал точку зрения о том, что предки американских индейцев пришли из Сибири и Дальнего Востока.

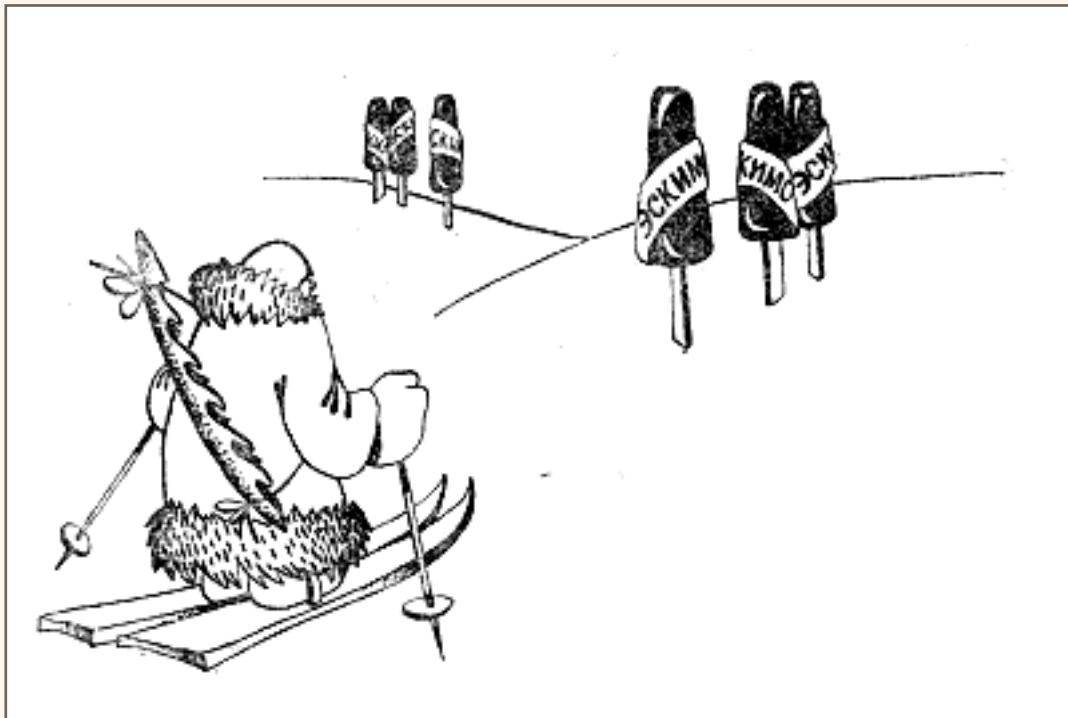
После открытий советских ученых в Азии казалось, что проблема о первоначальном заселении Америки выходцами из Азии уже ни у кого не вызывала сомнения. Но в 40-х годах встал вопрос: когда это произошло? Он возник в связи с тем, что в 1936 году при раскопках пещеры Сандия у горы Альбукерке в штате Нью-Мексика американские археологи обнаружили три культурных горизонта. В самом нижнем слое и, следовательно, древнем нашли двухсторонние ретушированные наконечники копий или дротиков с боковыми выемками в основании, скребки, преимущественно концевые, с высоким лезвием и заостренным основанием, отщепы со следами ретуши. Находки располагались в большинстве случаев у очагов, один из которых был обложен кольцом из галек. Наряду с

каменными орудиями встречались и костяные наконечники. Находки нижнего горизонта выделены в особую культуру — сандиа, которая получила свое наименование по пещере, где сделаны первые находки. Два верхних горизонта в этой пещере также содержали наконечники, но другого типа, которые назвали в дальнейшем «фолсом» и «пуэбло». Спустя некоторое время в различных частях Америки удалось найти значительное число памятников, в которых определяющими явились двухсторонние ретушированные наконечники для метательных орудий. Все эти памятники выделены в особый тип — стадию наконечников, которая, как полагают большинство исследователей, началась 14 тысяч лет назад. Самые же ранние двухсторонние ретушированные наконечники появляются у племен Сибири и Дальнего Востока примерно в это же время или даже позже. Следовательно, азиатские племена могли и не быть предками американских народов.

Значит, заселение Нового Света произошло гораздо раньше, чем предполагалось ранее. Человека не испугало холодное дыхание ледников, и он упорно продвигался на север, пока наконец не стал открывателем нового континента. Племена, заселявшие Америку, имели одинаковые формы орудий и те же приемы в обработке камня, что и верхнепалеолитические охотники за мамонтами Азии. Г. Дебец считал, что в Новый Свет могла попасть небольшая группа людей, которая оказалась в очень благоприятных условиях — это был край поистине непуганых животных и птиц. Популяция быстро увеличивалась численно и вскоре заселила значительное пространство как в Северной, так и в Южной Америке.

Открытие в Америке памятников, относящихся к верхнему палеолиту, естественно, ставило вопрос о поисках более ранних стоянок и поселений в Сибири и на Дальнем Востоке. Первые такие памятники были открыты на Дальнем Востоке — поселения у села Осиновка, пещера Географического общества и другие. Затем последовало открытие других древних стоянок. В Сибири и Якутии были найдены и исследованы стоянки, возраст которых 30—45 тысяч лет. Все это позволяет утверждать: человек заселил южные районы Северной Азии в самом начале верхнего плейстоцена, что, в свою очередь, дает новый подход и к решению вопроса о первоначальном заселении человеком Америки. Встречающиеся в публикациях американских ученых сведения об открытии в Северной Америке памятников старше 30 тысяч лет, хотя и не всегда хорошо документированы, к тому же очень спорны, тем не менее не могут безоговорочно отбрасываться и не учитываться! Открытие в последние годы в Сибири и на Дальнем Востоке ранних комплексов не исключает, а предполагает, что первооткрывателем Нового Света был даже не *Homo sapiens* — человек разумный, а существо более древнее, на стадии палеоантропа, но уже с ярко выраженными сапиентными чертами, проникшее через древнюю Берингию более 35 тысяч лет тому назад. Но эта проблема требует новых и очень серьезных обоснований и аргументаций.

В 1969 году в Новосибирск, в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, неожиданно приехала группа ученых и работников телевидения из США снимать фильм о «первых американцах». Они внимательно рассматривали коллекции из древнейших памятников Сибири и Дальнего Востока, выставленные в музее института. Особый интерес у наших гостей вызвали раскопки поселения древних охотников на мамонтов в Барабинской степи, на окраине села Озерки, и, когда они увидели фотографии павильона над раскопанной частью поселения, директор и сценарист фильма Крейг Фишер спросил: «Сохранился ли павильон и можно ли снять фильм на месте раскопок?» Конечно, можно. Дело было зимой, и холода в том году стояли редкие даже для Сибири. Мороз доходил до 50 градусов, метель часто заметала дороги. Но просьбы американских коллег с каждым днем становились настойчивее, и в конце концов решили выехать в Озерки.

Зима

Во время строительных работ на рёлке, которую местные жители называли Волчьей Гривой, часто попадались кости мамонтов. В начале 60-х годов этими находками заинтересовались палеонтологи. Они произвели раскопки и пришли к выводу, что в этом районе находятся большие скопления костей мамонтов. Они предположили, что это кладбище, которые нередко встречаются на севере Сибири. Археологи задумали провести раскопки в Озерках и выяснить, не связаны ли скопления костей мамонтов с человеком. При раскопках предположение подтвердилось: удалось найти остатки древних жилищ.

Жизнь древних обитателей этого края была всецело связана с охотой на мамонтов. Мясо мамонтов шло в пищу, а шкура и крупные кости — на сооружение жилищ. Мелкие кости использовались для изготовления орудий труда. Человек в то время уже владел высоким искусством обработки костей этого гигантского животного. Известный археолог, профессор О. Бадер неподалеку от города Владимира в Сунгире раскопал погребения, в которых обнаружил выпрямленные бивни мамонта, великолепно обработанные дротики, также изготовленные из костей животного.

Американские коллеги, увидев остатки жилищ, построенных из костей мамонтов, долгое время не могли прийти в себя от восторга. Археологам пришлось долго отвечать на вопросы и рассказывать о древнем поселении: как люди древнекаменного века пришли на это место и вырыли для своих жилищ глубокий котлован, как соорудили вокруг него прочные стены из бивней, черепов и бедренных костей мамонтов, а затем сверху покрыли сооружение шкурами. Одевались люди в прочную и теплую двухслойную одежду — комбинезон из меха шерстью внутрь и шерстью наружу. У них с избытком хватало долгой арктической зимы для того, чтобы не только вырезать из бивня мамонта портреты своих женщин — амулеты плодородия, как это было, например, в Бурети и Мальте на Ангаре, но и рассказывать наивные, философские в своей основе легенды и мифы о хитрых и простодушных, о благородных и коварных зверях. Так зарождалось искусство, а вместе с ним зачатки науки, в том числе математических знаний и даже астрономии, в виде наблюдений за фазами Луны, по которым женщины каменного века вели счет дням беременности, а охотники ждали поры промыслов, готовили запасы пищи на наиболее трудные месяцы года.

Это могло быть так... Охотник, заметивший стадо мамонтов, направляющееся на водопой, знаками предупредил своих сородичей, и вот уже они, вооруженные копьями с каменными наконечниками, дубинами и палицами, бесшумно окружают стадо, а затем с криками и

шумом начинают преследование. Вожак стада, идущий впереди, поднимает хобот и издает глухой трубный звук, призывая к вниманию и спокойствию. Но задние животные напиралют на идущих впереди, начинается паника, обезумевшие, напуганные мамонты мчатся вперед, где их ждет черная предательская трясина. Не удержавшись на краю обрыва, многие из них, особенно молодые, скатываются вниз в ее страшные объятия. Мамонты вязнут в жидкой грязи, захлебываются. Молоденькие животные жалобно трубят, моля о помощи. Старые животные инстинктивно чувствуют опасность, но ничто не в силах остановить их; в этот миг. Пытаясь помочь малышам, они тоже вязнут, и лишь немногим удается выбраться из этого страшного места. Только старые и опытные самцы, повернувшись в сторону охотников, пытаются сдержать их натиск. И горе тому охотнику, который осмелился подойти к разъяренному животному слишком близко. Оставшиеся в живых мамонты постепенно покидают поле битвы. Стадо сильно поредело. Охотники добивают еще живых, но обессилевших и почти безопасных животных, завязнувших в болоте, а затем вытаскивают нескольких молодых мамонтов на сушу.

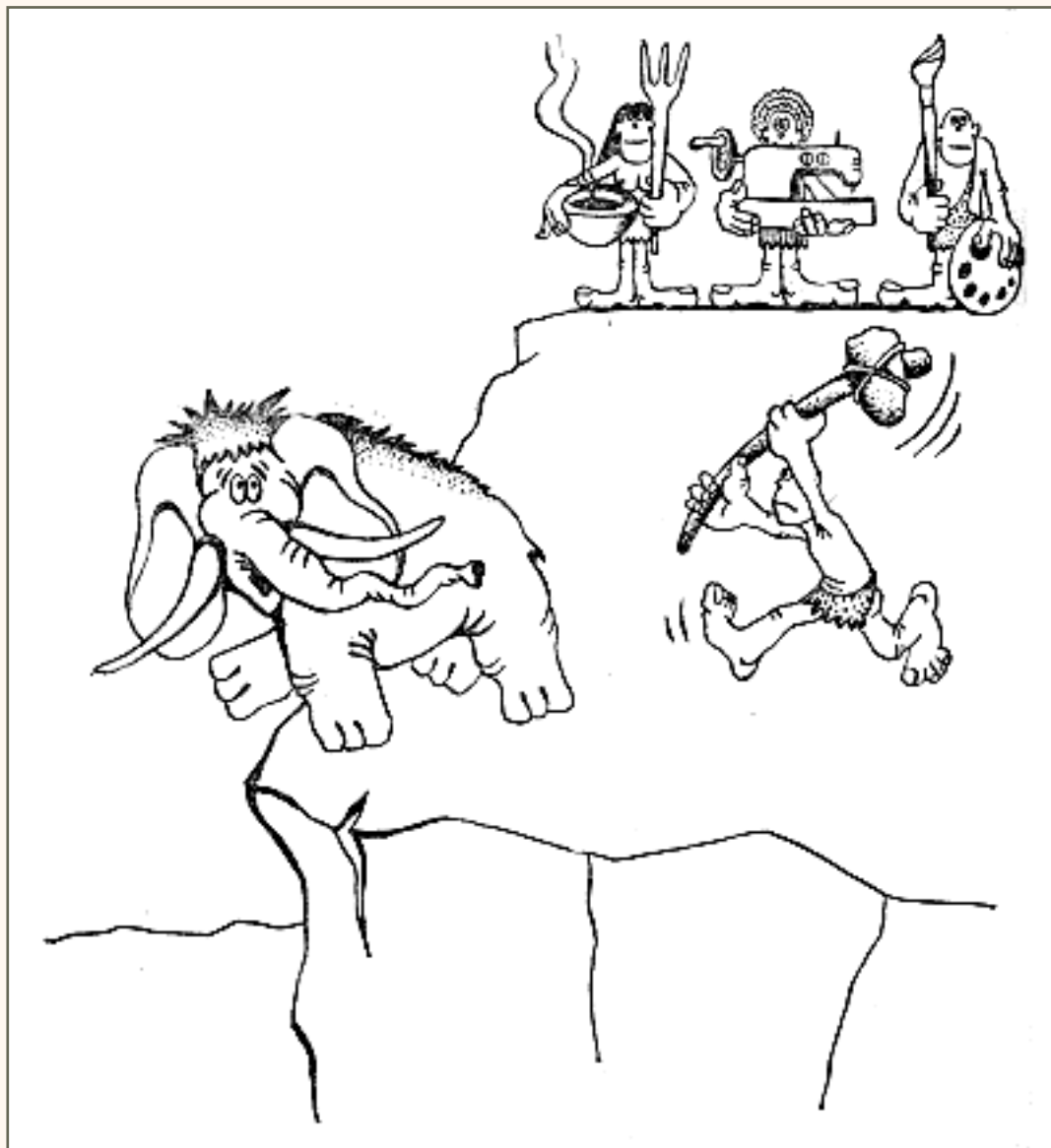
Вечером в поселке слышатся смех, веселые песни, но в некоторых домах печаль: поредело не только стадо, племя недосчиталось нескольких смелых мужчин, растоптанных животными. Радость от изобилия пищи и горечь утрат — все смешалось в этот летний день. Пьяные от запаха крови и обильной пищи, обитатели поселка забываются тяжелым сном, чтобы завтра снова продолжить трапезу...

В павильоне, где шли съемки фильма, было холодно. Но за беседой время проходило незаметно. Магнитофон и кинокамера записывали рассказ ученого, с тем чтобы потом рассказать зрителям о жизни их предков тысячи лет тому назад.

Первая часть фильма снималась нашими американскими коллегами в Озерках. Вторая — на Алеутских островах, где вел раскопки профессор Вильям Лафлин. Фильм о «первых американцах» два раза показывался по телевидению, что само по себе редкость. Его посмотрели миллионы американцев, и он имел большой успех.

В 1973 году в Хабаровске состоялся международный симпозиум «Берингийская суша и ее значение для развития геларктических флор и фаун в кайнозойе». Участие в симпозиуме приняли ученые из ГДР, Чехословакии, Канады, Швейцарии, Америки и Советского Союза. Работала специальная секция по проблемам древних миграции человека из Азии в Америку. Во время дискуссии встал вопрос о проведении совместных советско-американских исследований по обеим сторонам Берингова пролива. Инициаторами этой идеи были Окладников и американский профессор В. Лафлин. Обсуждение продолжилось в Новосибирске, куда большая группа американских ученых выехала после окончания симпозиума для изучения коллекций сибирских археологов.

Президиум АН СССР принял предложение американской стороны, и в Новосибирске начались сборы археологов для участия в такой необычной и интереснейшей экспедиции, которая предоставляла уникальную возможность непосредственно на месте ознакомиться с наиболее известными древними стоянками Аляски и Алеутских островов, поработать с американскими учеными, посмотреть их материалы и обсудить ряд волнующих обе стороны проблем.

Орудия труда

Ранним утром 2 июня 1974 года Ил-62 взял старт в аэропорту Шереметьево. На борту самолета находилась небольшая группа советских археологов: А. Окладников, доктора исторических наук Р. Василевский и В. Ларичев, научный сотрудник С. Конопацкий и ваш автор. За разговорами время летело незаметно, и огни огромного города показались неожиданно.

С некоторым волнением спускались мы с трапа самолета. Но оно тут же исчезло, как только мы увидели улыбающиеся лица наших давних знакомых Вильяма Лафлина, Хью Даунса, известного телекомментатора, принимавшего участие в съемке фильма в Озерках, сотрудника Коннектикутского университета, профессора Джин Айгнер и других. В тот же вечер мы подробно обсудили план предстоящих работ.

Наш путь на Аляску лежал через все Соединенные Штаты и Канаду. В аэропорту Анкориджа — крупнейшего экономического и финансового центра Аляски — нас ждала дружеская встреча с представителями местного университета и Алеутской промышленной корпорации. Эта корпорация создана сравнительно недавно. Главная ее задача — подъем экономики на Алеутских островах. Лилия Мак Гарвей — ответственный секретарь корпорации, старый друг профессора Лафлина — в приветственном слове сказала, что нас с нетерпением ждут на Аляске и Алеутских островах. И действительно, дружеское расположение мы чувствовали на протяжении всей нашей работы в Америке.

В Анкоридже мы познакомились с университетом, часто встречались с профессорами и учеными, занимающимися проблемами заселения Америки. В библиотеке университета была устроена специальная выставка, посвященная истории изучения и освоения русскими Аляски и Алеутских островов. Приятно отметить, что в каталогах и на выставке были представлены многие работы советских ученых.

Из Анкориджа на небольшом, уютном самолете Алеутской авиакомпании мы вылетели на Уналашку — второй по величине остров Алеутской гряды. Самолет приземлился в Датч-Харборе, бывшей военно-морской базе США, еще хранившей следы второй мировой войны. Через небольшой залив на боте переправились в самый крупный на Алеутских островах поселок Уналашку, откуда самолетом прибыли в конечный пункт нашего пути — село Никольское на острове Умнак. На соседнем маленьком островке Анангула расположился лагерь экспедиции Лафлина. Никольское — небольшой поселок, основанный нашими соотечественниками в самом начале XIX века. В поселке проживает около 70 человек. Хорошо сохранилась церковь, построенная в 1826 году. Алеуты гостеприимно встретили нас, и вскоре со многими из них мы подружились. Большинство мужчин не имеют на острове постоянной работы и вынуждены на многие месяцы покидать семьи и подрабатывать случайными заработками в более крупных поселениях или уезжать в поисках работы на материк.

Через несколько дней, как только установилась погода, мы начали подготовку к переезду на остров Анангула, который отделяет от острова Умнак Сивидский пролив шириной около семи миль. Анангула в переводе с алеутского языка означает «кит, плывущий на север». И действительно, когда ветер разогнал тучи, на горизонте мы увидели остров, удивительно напоминающий по конфигурации плывущего кита. Ширина острова немногим более 300 метров, длина около 2,5 километра.

Американские коллеги подготовили к нашему приезду раскоп: сняли почти полутораметровый слой земли, и нам осталось разобрать культурный горизонт. Поселение на Анангуле открыто в 1938 году Лафлином и Маем — тогда молодыми сотрудниками Смитсоновской экспедиции. Первые публикации находок не вызвали интереса среди специалистов, и только позднее, в 50-х годах, вокруг находок Лафлина, который неугомонно продолжал работы на Анангуле, развернулись горячие дискуссии. Первые даты по радиоуглероду поразили археологов — более 8000 лет — это наиболее ранние находки на всей Алеутской островной гряде.

Переправлялись на Анангулу на небольших резиновых лодках с двадцатипятисильным мотором. Море еще не совсем успокоилось после шторма, и в проливе ходили высокие волны. Наши лодки бросало из стороны в сторону, а налетавшие сильные порывы ветра срывали белые гребни и окатывали нас ледяной водой. Но с каждой минутой долгожданный берег Анангулы был все ближе и ближе, и наконец мы входим в тихую анангульскую бухту, где нас радостно встречают участники американской экспедиции.

Состав экспедиции небольшой: кроме Лафлина, его жены Рут, искусствоведа и художника, дочери Лесли, учащейся колледжа, здесь работали два аспиранта — Грег Фречетто и Бруно Дронлиг и студенты — Мэри Довели и Дэвид Рорбаст. Из Никольского на Анангулу с нами плыла алеутка Аксинья Крюкова, обаятельная и добрая женщина, хороший знаток алеутских легенд и преданий. Во время нашего пребывания на Анангуле она проявила удивительную заботу и каждый день кормила нас настоящим русским хлебом, булочками, по-алеутски «чакуды». Прошли годы, но в нашей памяти хранится ее добра улыбка и запах свежее испеченных булочек с ароматным кофе, ждавшие нас каждое утро в кают-компании экспедиции.

Для советских археологов раскопки на Анангуле были давней мечтой. В плейстоцене, 20—11 тысяч лет назад, Алеутские острова являлись частью суши древней Берингии, и

типологические находки Лафлина имели много общего с орудиями труда, которые советские археологи раскапывали на древних поселениях в Сибири и на Дальнем Востоке.

Поэтому вполне понятно наше нетерпение и стремление работать в любую погоду. Часто шли дожди. На раскопе было много воды, а иногда приходилось натягивать парашют, подаренный Лафлину военными летчиками. В первые же дни выяснилось, что у нас и наших коллег разные методики раскопок. Вскрывая культурный слой, американские археологи после нанесения находок на общий план сразу же убирают их для дальнейшей обработки. Мы предложили другую методику, когда все находки остаются на своих местах до тех пор, пока полностью не будет вскрыт весь культурный горизонт. Это позволило выявить большие скопления — производственные площадки, мастерские, а в самом низу — остатки древних жилищ.

Орудия труда и вооружение древних охотников, которые впервые пришли на Анангулу около 8 тысяч лет назад, изготавливались из массивных ножевидных пластин правильной формы. Некоторые пластины достигали 20 сантиметров. Из пластин анангульские мастера по обработке камня выделывали ножи, остроконечники, резцы, скребки и многие другие необходимые для жизни изделия из камня. По форме они близки к подобного рода изделиям из поселений Верховенская Гора у Иркутска, Устиновка в Приморье, Ушковской стоянки на Камчатке и ряда других памятников Сибири и Дальнего Востока. Для отопления и освещения своих жилищ анангульцы пользовались большими каменными лампами.

Древние племена, оставившие поселение на Анангуле, видимо, проникли по береговой полосе Берингоморского моста 22—10 тысяч лет назад. В Сибири в это время началось сартанское оледенение, а в Америке — финальный этап висконсинского гляциала. Понижение уровня Мирового океана достигло 120 метров. Алеутские острова, включая остров Умнак, составляли полуостров Американского континента. В современную геологическую эпоху голоцена, 11—10 тысяч лет назад, происходит повышение уровня океана, сухопутный мост, соединявший Азию и Америку, исчезает, и образуется Берингов пролив. Древние анангульцы обосновались в древней Берингии на площадке, возвышающейся на 17—20 метров над уровнем моря. Находки на стоянке Анангулы свидетельствуют о том, что древнейший пласт приморских культурных традиций азиатского облика появился впервые еще в период существования древней Берингии и продолжал развиваться на протяжении еще многих тысяч лет. На этой стоянке удалось найти сотни и тысячи разнообразных изделий древних мастеров. Но особенно важно, что во многих чертах они повторяли азиатские прототипы. Если раньше при работе с публикациями можно было по-разному классифицировать орудия труда древнего человека, то, работая непосредственно с коллекциями, мы воочию видели несомненные параллели между культурами Америки и Сибири.

Наши раскопки были продолжены на поселении Вилледж Сайт, находящемся на противоположном конце острова. С этими раскопками связана разгадка одной из интереснейших проблем происхождения алеутов, давно волновавшей ученых. Для раскопок выбрали очень живописное место на самом краю утеса. Внизу с глухим стоном бились холодные волны. Мыс порос густыми зарослями аконита, из сока которого алеуты делали яд для охоты на китов и других крупных животных. На этом месте располагался поселок предков алеутов, от которого остались глубокие заплывшие западины жилищ. Одно из них ранее раскапывалось американскими археологами, и радиоуглеродный анализ дал дату основания поселка 2115 ± 120 лет назад. Материал поселения во многом повторял средние культурные горизонты Чалуки, и мы приступили к раскопкам с единственной целью — ознакомиться с конструкцией жилища Древних алеутов.

На третий день мы дошли до пола жилища и начали тщательно зачищать его. Под полом залегал слой пепла, возраст которого 3 тысячи лет, а еще ниже стерильная прослойка без находок. Решили на всякий случай пройти глубже. И что же? Неожиданно наткнулись на еще один культурный горизонт, залегавший на пепловой прослойке, его возраст 7 тысяч

лет.

Внимательно сантиметр за сантиметром разбираем остатки очага. Встречаются типичные для Чалуки орудия труда. Но что это? В самом углу очажного пятна попадает пластина точно такая, как и на Анангуле на основной стоянке. А в другом конце раскопа А. Окладников обнаружил очень архаичный черешковый наконечник, напоминающий наконечник Ушковской стоянки на Камчатке, раскопанный Н. Диковым. Это уже сенсация! Работы продолжаем особенно внимательно. За первой пластиной и наконечником последовало множество других. При раскопках нашли типичные для стоянки на Анангуле орудия труда. Недостающее звено наконец установлено. По мнению Лафлина, между каменным инвентарем Анангулы, которая датирована временем 7—9 тысяч лет, и нижними слоями Чалуки существовала преемственность в технике обработки орудий труда и в типах каменных изделий. Но многие ученые считали Чалуку бесспорно древнеалеутской, а Анангулу не относили к алеутской культуре, справедливо отмечая большой, в две с лишним тысячи лет, хронологический разрыв между этими памятниками. При раскопках в Вилледж Сайт нижний культурный горизонт не только хронологически (он датируется временем 5600—6000 лет назад), но и по набору орудий труда и технике их обработки является промежуточным, связующим Анангулу и Чалуку. Так было установлено это важнейшее недостающее звено.

Наши работы на Алеутских островах подошли к концу. Мы готовимся к отъезду: обрабатываем новые находки, делаем последние записи в полевых дневниках. Грустно расставаться с гостеприимным лагерем на Анангуле и нашими новыми друзьями-алеутами, американскими коллегами. Во время раскопок и вечерами в кают-компаниях часто возникали дискуссии, касающиеся многих проблем древней истории племен Северной Азии и Америки. Это были незабываемые дни дружной творческой работы, обмена мнениями, совместных споров и размышлений.

С Алеутских островов мы прилетели в Фербенкс, где нас ждали наши старые друзья — археологи и геологи местного университета, старейшего на Аляске. Он основан в 1922 году. Встретили нас радушно. Два дня мы работали над коллекциями наиболее известных и интереснейших комплексов, открытых на Аляске: Денби, Лейли Лайк, Галахер Флинт и других. В материалах стоянок и поселений древнего человека нашли многие параллели с материковыми памятниками Северной Азии, Монголии. Побывали мы и на знаменитой университетской площадке, где раскапывалось в 30-е годы поселение Кампус, материалы которого позволили археологу Нельсону найти истоки древних культур Аляски в Монголии, проследить связь в культуре древнего населения Монголии и Америки. За эти дни мы ознакомились со многими памятниками, которые раньше знали только по литературе. В результате лишний раз убедились в общности культур древних обитателей Северной Азии и Америки.

После знакомства с коллекциями прекрасно оборудованной антропологической лаборатории университета вылетели на раскопки стоянки Драй Крик. Эту стоянку раскапывал наш старый знакомый профессор Роджер Пауэрс. В 1968 году он приезжал в Новосибирск для работы над своей докторской диссертацией, посвященной древним культурам Сибири. В течение недели изучал материалы сибирских стоянок и поселений в нашем институте, а сейчас мы получили возможность ознакомиться с его последними раскопками, стратиграфией памятника, коллекциями, методикой раскопок американских археологов.

Из Фербенкса мы вылетели в Коннектикут, где несколько дней работали в лаборатории профессора Лафлина, а затем в Нью-Йорк и Москву. Закончилась наша двухмесячная советско-американская экспедиция. Профессор Лафлин позднее писал в одном из крупнейших научных журналов: «Советская делегация оставила в Америке много друзей и восторженных коллег. Многочисленные собранные образцы и данные, заметки, фотографии, фильмы подтверждают насыщенное и продуктивное лето исследований. Это было удачное и удивительное время — приятное, несмотря на тяжелую работу в непогоду.

Все члены этой исследовательской экспедиции с удовольствием работали друг с другом и будут рады работать вместе в будущем».

В 1975 году в Новосибирске проходил международный симпозиум по связям древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий, в том числе и Америки. На симпозиуме был сделан доклад, подводивший некоторые итоги первой совместной экспедиции. Ученые из многих стран мира с большим интересом ознакомились с результатами совместных работ советских и американских археологов. На секциях и пленарных заседаниях проходили оживленные дискуссии, на которых приводились убедительные факты о заселении Америки через Берингию выходцами из Сибири и Дальнего Востока.

Летом 1975 года состоялась вторая советско-американская экспедиция. Американские коллеги работали в Восточной Сибири — на Байкале и острове Ольхоне. Они вместе с нами активно участвовали в раскопках палеолитических и неолитических стоянок, поселений и могильников. Параллели между памятниками Америки и Сибири прослеживались не только в ранних комплексах, но и в более поздних, неолитических. Обряд захоронения, украшения, каменный инвентарь из погребений, раскопанных на острове Ольхоне, чрезвычайно заинтересовал американских археологов.

Два месяца совместных раскопок в Сибири также оказались очень плодотворными и полезными. Они дали стройный фактический материал для дальнейших размышлений и исследований.

В 1981 году автор возглавил группу советских археологов и этнографов в Америку. Мы вновь побывали на Аляске и Алеутских островах, а также посетили острова Прибылова. Вновь встретились со своими старыми знакомыми — алеутами. Мы налетали по Америке больше 30 тысяч километров. В Анкоридже состоялся очень интересный симпозиум по проблемам первоначального заселения Америки человеком.

Работы по изучению древних культур Северной Азии и Америки продолжаются. Берингов пролив не разъединяет ученых двух стран, а объединяет их для решения одной из увлекательнейших научных проблем — проблемы о первоначальном заселении Америки человеком. И каждый год приносит все новые открытия, которые заполняют имеющиеся «белые пятна» в наших знаниях о древних миграциях охотников палеолитической эпохи и об освоении человеком новых районов земного шара, в том числе и Америки.

Номады сибирской тайги

Сумерки наползали на город с долины небольшой реки Илимки. Из узких ее берегов с крутыми обрывами, я поросшими лиственницами, они вместе с редким еще туманом вначале застлали безлесную марь перед городом, а затем поплыли на городские стены, рубленные из вековых деревьев. Только двуглавый орел над Спасской проезжей башней еще золотился в последних лучах солнца.

Александр Радищев стоял у небольшого оконца своей тесной комнаты. Из окна открывался вид почти на весь город Илимск, а за ним проглядывала тайга, тронутая уже первыми ночными заморозками. «Город» - от этой мысли Радищев горько улыбнулся. Конечно, трудно Илимск назвать городом. За свою более чем вековую историю он не столько расстраивался, сколько вращался в землю. В 1631 году на Илимке заложили острог «Ленский волок». В 1672-м острог был переименован в Илимск с воеводским управлением, а позднее, во времена Радищева, назначен обычным городом Иркутской губернии. Началось хирение и замирание в нем торговой и общественной жизни.

Постояв у оконца какое-то время, Радищев прошел к столу, сколоченному из нетесаных плах, и зажег свечу. На столе лежали густо исписанные листы бумаги большого формата. Он сел за стол. Мысли привычно входили в нужное русло. Уже на пути в ссылку в далекую Сибирь Радищев начал вспоминать все, что он читал и помнил об этом крае. И с горечью признал, как мало он знает о Сибири. В этом не было его вины. Огромный край для многих в России оставался далеким и загадочным. Отрывочные сведения, которые появлялись в печати, не могли утолить любопытство тех, кто им интересовался.

Остановившись на почтовых станциях на ночлег или для смены лошадей, Радищев расспрашивал встречных людей о жите-бытье, записывал разные истории и легенды, которые хранила народная память о Ермаке, Кучуме, казацкой вольнице, о легендарном народе, жившем в глубинах Сибири и копавшем золото прямо из земли. Много интересного удалось записать Радищеву во время следования в далекую ссылку.

В Илимске он еще больше укрепился в мысли и желании заняться, изучением прошлого Сибири, прекрасно понимая, что за отсутствием местных письменных памятников, которые предшествовали бы появлению русских за Уралом, все это забытое старое должны осветить какие-то иные источники, в первую очередь, очевидно, вещественные, археологические. К ним-то и обратился Радищев, стремясь раскрыть «непроницательнейшую завесу», за которой скрываются «происшествия, касающиеся отдаленного прошлого различных сибирских племен». Радищев ясно представлял, однако, что ожидавшие его на неизведанном пути трудности заключаются прежде всего в младенческом состоянии

археологии Сибири.

Радищев вспоминал, с каким трудом, ему пришлось доставать и без того скудную литературу, повествовавшую о Сибири. Но не только написанное заинтересовало его. Во время своих экскурсий в окрестности Илимска он сам находил странные вещи из камня, очень похожие на топоры, наконечники стрел, а некоторые, больших размеров, и на копья. Позднее он получил из Петербурга отчет одного из выдающихся натуралистов XVIII века участника Камчатской экспедиции Российской Академии наук Ивана Гмелина о его путешествии в Сибирь. В этом отчете Гмелин описывает свою поездку в 1740 году к разбитым молнией березам вблизи села Рождественского на реке Усолье. «Двадцать пятого июня вечером, — пишет Гмелин, — я поехал верхом с моим спутником, художником Иоганном Люрсениусом, вдоль здешних пашен четыре версты на восток для того, чтобы осмотреть одну очень толстую березу, которая благодаря ударам молний, происшедшим, по-видимому, двадцатого числа, получила особенно необыкновенную форму.

В это время поблизости пахали крестьяне, которые рассказывали, что гроза собралась с юга. Они утверждали, что все пять деревьев подряд были поражены одним и тем же ударом, и думают, что удар там, где он кончается, всегда обнаруживает большую силу, чем у дерева, которое я сначала описал. Они надеются также по прошествии трех дней найти громовую стрелу или молнию, которая в течение такого времени постепенно своей собственной силой или силой земли, которая не может терпеть в себе подобное чуждое вещество, должна подняться наверх таким же образом, как, они считают, и свежие, которые не слишком глубоко зарыты, по прошествии нескольких лет, число которых они все же не решаются определить, постепенно сами собой должны подняться кверху. Это мнение о громовых стрелах или молнии, насколько мне известно, обычно у простого народа как во всей Сибири, так и в России, и мне то там, то сям показывали несколько так называемых «громовых стрел», каковые, конечно, суть не что иное, как различные жесткие, имеющие форму стрел камни, которыми, вероятно, прежние жители Сибири пользовались в их войнах при тогдашнем отсутствии железа, по причине чего я и сохранил их и сдал г. профессору Миллеру, который имел сокровищницу всех сибирских древностей. Сибирские жители почитают подобные камни и сохраняют их, потому что они считают их за верное средство против колотей в боку, в таком случае они кладут их в сосуд, наливают туда водки и оставляют их стоять так на некоторое время. Кто выпьет ее, у того колотье в боку проходит, если только при этом он твердо в это верит».

Радищев, хотя его местные жители убеждали в отношении найденных им камней, что это «громовые стрелы», пришел к выводу, что сделаны они были тогда, когда человек еще не знал меди и железа, то есть в глубокой древности.

Радищев медленно еще раз перечитал свой труд, написанный здесь, в Илимске, и названный «Сокровенное повествование о приобретении Сибири», делая небольшие пометки. Сейчас, когда труд закончен, он понимал, как скудны и малочисленны факты, рассказывающие о жизни народов Сибири в прошлом. С большим огорчением он вывел строки: «...относительно истории человека или народов, памятники ее (Сибири. — А. Д.) суть бедны, нищи».

В этом он был прав. Но нужно иметь в виду, что в то время первобытная археология в России только зарождалась. И с точки зрения истории науки именно Радищеву принадлежит приоритет в том, что он не только обратил внимание на каменные орудия труда, но и привлек их в качестве первоисточников для написания своего исторического сочинения.

Радищев попытался дать общую характеристику известных в то время археологических памятников Сибири и связать их с определенными группами сибирских племен и народов. В этой общей характеристике Радищев напишет: «То, что письменные сохранили предания в летописях Татарских, касаются до самых последних народов, в Сибирь пришедших. Остатки

зданий в близости крепостей Усть-Каменогорской и Семипалатинской древностью прежних не превосходят: те и другие суть младшие времени славного Чингиса. Могильные холмы и камни при вершине Енисея и других ближайших рек хотя и древнее быть кажутся нашествия татар в Сибирь, но древнее ли они монгольских племен, то неизвестно. Они доказывают, что остатки суть народов, коим делание меди и серебра было известно. К той же эпохе относить должно и древние рудники, найденные в горах Алтайских и Аргунских...

Древнее сих, — заключает он свой обзор, — еще те острые и твердые камни, которые близ рек находят, служившие вместо топоров и ножей».

Простой и лаконичный рассказ Радищева, как и все его «Сокращенное повествование», предельно сжат и краток, тем не менее в нем много глубоких мыслей и важных теоретических выводов. Радищев разделил известные в то время археологические памятники Сибири на три основные группы, соответствующие трем важнейшим культурно-историческим периодам.

К первой группе им отнесены новейшие памятники, синхронные татарским письменным источникам и значительно более молодые, чем время Чингисхана. Ко второй и третьей группам причислены уже гораздо более древние могильные холмы и камни в верховьях Енисея, а также древние рисунки Алтая и Забайкалья.

Ценность наблюдений Радищева определяется уже тем, что среди всех сибирских археологических памятников наибольшей популярностью в то время пользовались монументальные степные курганы, из которых любители легкой наживы — «бугровщики» — добывали драгоценные предметы искусства и высокой художественной фантазии. Даже небольшое уцелевшее составило знаменитую сибирскую золотую коллекцию Петра I, поразившую уже в то время воображение современников Радищева своим богатством и совершенством техники литья и обработки золота и других драгоценных металлов. Не заметить эти изделия было, конечно, невозможно. Но возвыситься до понимания действительной научной ценности грубых и невыразительных находок, какими многим казались каменные топоры и ножи, дано не каждому. Радищев это сделал. Он первый так прямо и определенно высказал убеждение, что на территории Сибири сначала был каменный век, за которым последовало время широкого применения медных и бронзовых орудий, а затем наступила эпоха позднейших народов, в том числе и Чингисхана, и их потомков.

Рассматривая отдаленное прошлое сибирских племен, Радищев со свойственной ему широтой исторического кругозора и смелостью мысли впервые показал его не как беспорядочное нагромождение случайных событий, а в виде стройного исторического процесса. Древняя история Сибири, о которой молчали письменные источники, впервые предстала как последовательная смена ряда прогрессивных этапов культурно-исторического развития.

Написанное в ссылке «Сокращенное повествование...» не вышло в свет при жизни Радищева. Возвращенный Павлом I из сибирской ссылки, автор «Путешествия из Петербурга в Москву», где он нарисовал день, когда «возникнет рать повсюду бранна», чтобы «в крови мучителя венчанна смыть свой стыд», обманутый демагогическими жестами Александра I, покончил с собой 11 сентября 1802 года. Рукопись, посвященная Сибири, увидела свет только в 1810 году.

...Прошло много лет, прежде чем неолит Сибири по-настоящему заинтересовал ученых. Первым сибирским археологом-специалистом в современном смысле этого слова был Н. Витковский, оставивший наиболее глубокий след в изучении неолитических памятников Прибайкалья. Белорус по рождению, Витковский за участие в польском восстании был сослан в Сибирь. На каторге он сблизился с ссыльными учеными и почувствовал влечение к

наукам. Но путь этот для него оказался трудным и долгим. После каторжных работ пришлось отбывать ссылку на поселения. Много лет он работал батраком у кулаков в Олонках и Мальте, пока не удалось уехать в Иркутск. Но и в Иркутске он работал водовозом, чернорабочим, репетитором за кусок хлеба без постоянного жилья, ведя полунищенское существование.

Судьбой его заинтересовался И. Черский, который помог ему устроиться на работу в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. С 1880 года Витковский занимается поисками и раскопками неолитических стоянок и поселений. Наибольшую известность получили раскопки китойского могильника в устье Китоа при впадении в Ангару. При раскопках этого могильника Витковский исследовал 24 целиком сохранившихся, ненарушенных погребения, что позволило ему наметить общие контуры жизни сибирских аборигенов.

Значение работ Витковского определялось уже тем, что китойский могильник оказался не только в Сибири, но и вообще в России первым бесспорным могильником неолитического времени. Вместе с костяками им обнаружены прекрасно обработанные тончайшей ретушью каменные ножи, наконечники стрел, топоры из нефрита, грубой лепки сосуды, украшенные затейливым орнаментом.

Труды Н. Витковского продолжил в Иркутске другой неутомимый исследователь — М. Овчинников. Политический ссыльный, народоволец, он был выслан в 1887 году в Олекминск, где начал работы по изучению археологических памятников в этом районе. Позднее, переехав в 1891 году в Иркутск, Овчинников в сотрудничестве с Витковским занялся поисками памятников каменного века в районе Иркутска, на байкальском побережье, в низовьях Селенги и по Ангаре, от Иркутска до ее устья, где исследовал неолитические и более позднего времени могильники и поселения.

Особо важное значение для изучения древней истории племен в бассейне Ангары имели исследования Б. Петри и членов его кружка краеведения. В результате экскурсий и разведок там он обнаружил десятки памятников каменного века. В то время как на Ангаре проходили успешные исследования, долина другой великой сибирской реки — Лены оставалась совершенно не изученной археологами. Первый, кому удалось поднять огромный пласт древней истории в этом районе, был начинающий археолог, член кружка Алексей Окладников...

Над крутым скалистым обрывом от густой степной травы струился пряный запах полыни, богородской травы и еще каких-то неведомых трав, выросших на границе непролазной дремучей тайги и узких участков лесостепи. Внизу лениво поворачивала всеми своими коленами с востока на запад и с юга на север маленькая река с удивительным названием Баин-зурхен — «Богатое сердце». Так ласково и почтительно называли ее в незапамятной древности первые монголы — предки бурят, проникшие в глубь ленской тайги из своей прародины — Керулена и Онона.

Свежий ветер, безоблачное голубое небо, синие вершины гор, заповедный темный лес с древними соснами и спрятанными в них останками шаманов — все здесь было наполнено предчувствием чего-то неизведанного и волнующего.

На высоком скалистом мысу Хабсагае стоял парень в зеленой солдатской рубашке и смазанных дегтем кожаных ичигах, на которых поблескивали литые медные кольца-пряжки (такой от века была туземная обувь ленских крестьян-старожилов, «чолдонов»). Он рассматривал выступавшие из-под плотного дернового покрова ребра камней, грани дикого известняка, из которого сложена скала. Известняк был кругом, мощные пласты громоздились целыми горами и уходили вверх по Лене, к далекому Байкалу, от которого сюда приходила прохлада. Но почему эти серые шершавые плиты выступали не только по

краю обрыва, где давно был смыт покров из желтой лессовидной глины, но и дальше, там, где кончается скальный массив холма, в толстом слое плодородной почвы? Почему эти камни местами были, как будто намеренно, уложены целыми скоплениями — так природа не могла работать. Неужели человек?! Беспокойный дух таежных охотников, неумная страсть следопыта привели его на этот красивый холм. Всем сердцем, всеми чувствами Алексей Окладников был теперь привязан к Хабсагаю. Шел час за часом, солнце сначала поднялось над горизонтом, затем достигло зенита. И вот оно уже готово снова коснуться горизонта. От соседней лесной опушки потянуло вечерней свежестью и всеми ароматами тайги, а он, позабыв об обеде и ужине, шагал по холму, не отрывая глаз от земли. Кругом был привычный с детства ландшафт.

Родился Окладников в 1908 году в семье сельского учителя, жившей в небольшой деревушке Тыпте, надежно упрятанной среди тайги в верховьях реки Лены. Долгими зимними вечерами он мог часами слушать рассказы своей бабушки. В железном святце трепетал огонек лучины, освещая огромную русскую печь. По углам шевелились косматые тени. Слушая старинные сказки, народные предания, легенды, он уносился в своих мыслях вслед за Иваном-дурачком добывать Свинку Золоту Щетинку, Утку Золотые Перышки и Оленя Золотые Рога.

Школьные годы Окладникова прошли вначале в селе Бирюльском Качугского района, а затем в селе Анге. В школе Окладников пристрастился к чтению. Любимыми у него стали книги по истории, и постепенно интерес к прошлому народов полностью завладел им, тем более что село Бирюльское известно в истории Сибири как место крестьянского восстания 1696 года, а в селе Анге хорошо помнили замечательного историка России и Сибири А. Щапова (в доме, где он родился, было одно из зданий школы) и знаменитого историка и этнографа Иннокентия Вениаминова — епископа алеутского и камчатского, одного из образованнейших людей своего времени. Будущий ученый даже не предполагал, что через пятьдесят с лишним лет ему придется самому посетить Аляску и Алеутские острова и услышать от алеутов много теплых слов о его знаменитом земляке, который научил их многим ремеслам, создал грамматику алеутского языка и опубликовал глубокое исследование-энциклопедию жизни, хозяйства, быта жителей Алеутских островов. Научный труд И. Вениаминова не потерял своего значения до настоящего времени. В ангинской школе, директором которой был Иннокентий Шитов — отличный педагог и хороший историк, работал краеведческий кружок. Окладников стал активным участником кружка, а затем и его председателем.

В 1925 году по рекомендации окружного отдела народного образования он поступил в Иркутский педагогический техникум, а окончив его, — в педагогический институт. В 1926 году у Окладникова выходит первая научная статья о неолитических стоянках на верхней Лене — обобщение его наблюдений и сборов в школьные годы. В том же году по поручению Петри он выезжает в первую самостоятельную научную экспедицию в низовье реки Селенги — на территорию Кабанского района. Экспедиция оказалась на редкость удачной — в окрестностях Кабанска, около деревень Бильчир и Ньюки, а также в окрестностях Фофанова он нашел целый ряд никому не известных археологических памятников, проливающих новый свет на почти совершенно не изученные вопросы истории и быта племен позднего неолита и ранней эпохи бронзового века, живших в этом районе 3—4 тысячи лет назад. Результаты исследования он изложил в двух журнальных статьях. Но Окладникова постоянно влекло на Лену, в родные места, которые он часто с тоской вспоминал длинными ночами в Иркутске.

И вот через два долгих года он вновь возвращается на верхнюю Лену, совершенно не исследованную археологами. Окладников был уверен в успехе. В то же время иногда появлялась мысль: а вдруг надежды останутся несбыточной мечтой, но он ее тут же отгонял. Интуиция и счастье привели его на Хабсагай. Чего ждать от этого холма? Он внутренне чувствовал, что каменные кладки сделаны рукой человека, но на верхней Лене еще никто не раскапывал таких могильников, и поэтому он ходил и ходил по холму, медля

приступить к работе.

Наконец он решительно взял свою неразлучную спутницу, саперную лопатку, принесенную кем-то из соседей с далеких полей мировой войны, и начал расчищать самое правильное по очертаниям, почти овальное, вытянутое длинной осью вниз по реке скопление камней, лишь слегка выступавших из-под дерна. Когда расчистил и разобрал часть кладки, с радостью понял — она действительно сложена руками человека.

Уже на закате, когда с гор подкрадывались сумерки, из-под самой нижней плиты показалась... человеческая кость, светло-желтая, хрупкая и почти рассыпавшаяся от времени, пролежав в земле сотни, может быть, тысячи лет. Недаром из нее исчезло все органическое вещество. Вдруг в лессовидном суглинке блеснуло что-то голубоватое и прозрачное, похожее на кусок тающего льда, и из-под лопаты выкатился отшлифованный до блеска каменный диск. Да ведь это «священный камень Востока» — белый нефрит, о котором с таким поэтическим жаром писал в своей книге академик Александр Ферсман.

Белый саянский нефрит в форме колец и дисков находил в свое время на берегах Ангары, в Глазкове, второй такой же увлеченный искатель древностей, известный иркутский краевед-археолог Михаил Овчинников. Замечательная коллекция нефритовых украшений, собранная Овчинниковым, стала достопримечательностью иркутского музея. На нее с завистью смотрели и геологи — ценители камней, и проезжие археологи. Да и трудно не любить этот прекрасный камень, в котором отражается и голубое чистое небо, и прозрачная гладь воды, и зелень свежей травы.

...На столе перед Петри лежали кости человека и нефритовый диск, привезенные Окладниковым с Хабсагайского холма и реки Лены. Однако тех, кто склонился над столом, волновал не столько сам нефритовый диск, сколько то, что он обнаружен в могиле древнего человека, в одной из могил нового, ранее неизвестного ученым древнего кладбища неолитических племен Прибайкалья.

До сих пор подобные могилы обнаруживались случайно — при строительных работах, в канавах, прорытых для фундамента, в выемках для железной дороги. Так же собирал нефритовые изделия редкой красоты и Овчинников. Сколько раз приходил он слишком поздно; кости погребенных оказывались выброшенными и переломанными, драгоценные черепа — документы этнической истории древней Сибири — свалены в насыпь и погребены навечно. А за случайно уцелевшие вещи требовали неслыханные суммы, которые и не снились Овчинникову, скромному письмоводителю архивной комиссии. На неолитические погребения не везло и самому профессору Петри, хотя он жил в Иркутске и мог каждое утро, направляясь на лекции; видеть на противоположной стороне Ангары так хорошо знакомое всем иркутянам Глазковское предместье, то самое, в котором при прокладке железнодорожного полотна и собрал свою изумительную коллекцию Овчинников.

Лена! Вот тот район, где находятся еще неведомые богатства неолитической культуры, новые могильники каменного века, может быть, еще более важные для доистории Сибири, чем прославленный глазковский и китойский могильники на Ангаре. Такой вывод сделал Окладников после раскопок на Хабсагайском холме.

Важным оказался и другой вывод: в каменных кладках, открытых на Хабсагайском холме, наука получила драгоценную путеводную нить, надежный ориентир, который поведет последующие поколения археологов к подземным сокровищам. Много раз, наверное, археологи ходили над захороненными в земле костяками с их богатым погребальным снаряжением, но не догадывались об этом. Ведь не могут же они видеть «сквозь землю»? И сейчас еще не изобретены такие приборы, которые могли бы показать спрятанные на глубине даже десяти-пятнадцати сантиметров нефритовые топоры и черепа неолитических охотников и рыболовов.

Каменные кладки, о существовании которых не подозревали ни Витковский, когда он копал грунтовый китайский могильник, ни Овчинников и Петри, были теперь прослежены по обоим берегам Лены, начиная от Качуга и до устья реки Илги, а затем и на Ангаре.

Лена оказалась вопреки ожиданиям Б. Петри не беднее Ангары, а может быть, и богаче. Куда бы ни приходили археологи, они снова и снова находили эти скопления камней, а под ними — неолитические костяки и захоронения людей каменного и неолитического времени. Нужно только зорко следить жадным неуемным глазом охотника-следопыта за каждым камнем на высоких речных берегах, и особенно там, где в Ангару или Лену впадала какая-нибудь маленькая речка, часто даже ничтожный по размерам ключик.

Костяк за костяком, комплекс за комплексом — так складывалась стройная и неожиданная по богатству фактов историческая картина жизни древних охотников и рыболовов сибирской тайги: открылось, распахнулось окно в неведомый, исчезнувший мир далекого прошлого.

Своеобразные тенденции в развитии духовной и материальной культуры, прослеженные на ранних этапах, древней истории — в палеолите, не исчезли в более позднее время, а проявились, причем особенно ярко, в неолитическое время на Ангаре. Пять-шесть тысяч лет назад в Восточной Сибири происходило формирование оригинального комплекса охотников и рыболовов, отличного от мира оседлых рыболовов и земледельцев Дальнего Востока.

Наиболее полно исторический процесс развития культуры неолитического населения прослеживается сейчас в Прибайкалье. Историю неолитической культуры здесь, на верхней Лене, в долине Ангары от Иркутска до Братска, а также вокруг Байкала археологи делят на ряд этапов.

Первый этап, переходный от палеолита к неолиту, представлен многослойными поселениями в устье реки Белой, в пади Ленковка, на Верхоленской горе и погребениями в пади Частые и в пади Хиньской на Ангаре. Вероятно, к этому переходному этапу относятся и некоторые слабо изученные еще поселения на острове Ольхоне и на соседнем берегу Байкала, материалы которых впервые были частично изданы в 30-х годах Г. Дебецем.

Поселение в пади Ленковка по своему характеру и составу изделий из камня почти ничем не отличается от позднепалеолитических поселений. Однако обитатели Ленковки, в хозяйстве которых важнейшее место занимала охота на северного оленя и лошадь, поселились уже на площадке современной первой надпойменной террасы Ангары, в то время только что освободившейся от воды. А в фаунистических остатках со стоянки имеются кости косули, типичного лесного животного. В инвентаре Ленковки особо видное место принадлежит гарпунам. Это связано с началом рыболовства. Селившийся раньше на открытых местах высоких террас человек теперь все чаще начинает спускаться в поймы рек. Он изменил вековой охотничьей традиции, и это свидетельство того, что рыболовство становится важной отраслью хозяйства.

Поселение в устье реки Белой замечательно тем, что здесь в силу особых геологических условий длительное обитание древних рыболовов-охотников в эпоху перехода от палеолита к неолиту отражено в 14 культурных горизонтах, раскрывающих перед нами в динамике историю жизни поселения на большом отрезке времени вплоть до появления неолитической культуры. Уже с самого начала это было обширное, долгообитаемое, окруженное массивами дремучей тайги поселение рыболовов-охотников, живущих целиком в эпоху геологической современности. У них сформировалась своеобразная культура, характеризующаяся более высоким по сравнению с предшествующим этапом развитием материальной культуры.

В Усть-Белой впервые люди поселились в то время, когда современная первая надпойменная терраса реки Белой еще только сформировалась как пойма и представляла собой обширную песчаную отмель. Поселение разбили у самой воды на участке высокого берега, не заливаемого паводками, но повседневная деятельность людей в значительной степени протекала по береговой отмели. Здесь жгли костры, изготавливали и чинили охотничью и рыболовную снасть, после удачной охоты или лова устраивали обильную трапезу.

Периодические паводки заносили костры на отмели песком и илом, но вода отступала, и на берегу широкого плеса вновь вспыхивали яркие огни. Люди не покидали Усть-Белую, а, наоборот, по мере того как расширялось не заливаемое водой пространство, двигались вслед за отступающей рекой до тех пор, пока вся терраса не освободилась окончательно от воды и поселение не охватило ее площадь полностью. Легкие переносные чумы ставились уже на территории бывшей отмели, и здесь же выкапывались хозяйственные ямы для хранения съестных запасов. В настоящее время здесь вскрыто свыше 40 кострищ и тысячи предметов — остатков материальной культуры.

Перед археологами в Усть-Белой открылась не временная стоянка бродячих охотников, а место длительного обитания, прерываемого, может быть лишь периодически, кратковременными откочевками в глубинные районы тайги для охоты на зверя.

Каменный и костяной инвентарь обитателей Усть-Белой многочислен и разнообразен. Он значительно разнообразнее, чем инвентарь других, одновременных Усть-Бельскому поселений Сибири. В инвентаре по-прежнему продолжают устойчиво существовать галечные орудия, в том числе и чопперы, и скребловидные инструменты, хотя с течением времени они здесь становятся не столь многочисленными, как прежде и как в одновременных Усть-Бельской стоянке голоценовых поселках Алтая и Енисея.

В тот же период высокого развития достигла техника отделения правильных призматических пластинок от нуклеусов. По своему количеству пластинки преобладают над остальными видами изделий, причем размеры их разнообразны, порой совершенно миниатюрны. Призматические пластины, как наиболее важная группа кремневого инвентаря, обслуживали все основные стороны производства, но в первую очередь шли на оснащение вкладышевых орудий. Из них выделялись и наконечники стрел. Техника изготовления этих наконечников такая же в принципе, как и мезолитических наконечников Франции и других стран: это пластины правильной формы, у которых слегка обрабатывались ретушью только лезвия, а то и всего-навсего один кончик и насад. Такие же наконечники оказались и в погребениях на Ангаре, в пади Частые и в пади Хиньской.

В довершение картины развития техники изготовления каменных орудий следует упомянуть еще об одном важном завоевании, сделанном таежными охотниками-рыболовами, — появлении шлифованных орудий. Их известно несколько. В хиньских погребениях найдены шлифованные острия из сланца, затем подобное орудие обнаружено в основном мезолитическом горизонте Усть-Белой. Но самый важный и интересный факт — шлифованное тесло из нефрита, несколько нефритовых обломков со следами шлифовки и пиления и два шлифованных изделия из шиферного сланца, найденные в одной из хозяйственных ям в устье Белой среди типично мезолитических вещей в стратиграфически четких условиях залегания.

Появление шлифованных орудий, в том числе нефритовых, в мезолите Прибайкалья не является неожиданным. Прибайкальские охотники, рано столкнувшись с массивами дремучей тайги, искали наиболее эффективные материалы для изготовления рубящих орудий. Эти поиски и привели их к использованию нефрита — одного из наиболее твердых пород камня.

Большое значение имела в то время обработка кости и оленьего рога. В устье Белой обнаружены превосходные образцы предметов охотничьего вооружения: костяные наконечники дротиков, ножи и другие сложные орудия с пазами для кремневых лезвий. Они обладают четко выраженной формой, хорошо уплощены и снабжены ровными глубокими пропилами. Более всего эти предметы напоминают аналогичные из позднепалеолитических стоянок Забайкалья.

Охотничий инвентарь мог вполне обеспечить продуктивную охоту на различных таежных животных. Что так на самом деле и было, подтверждает обычное для стоянок того времени обилие костяных останков косули, благородного оленя, лося и кабана. Для охоты, помимо самого орудия, человек, несомненно, использовал еще и целый ряд ловчих приспособлений и прирученную собаку. О том, что собака уже была в распоряжении охотника, свидетельствуют ее кости в захоронении на ряде стоянок. Весь комплекс средств охоты указывает на ее ведущее место в экономике населения Прибайкалья.

Не менее важную роль наряду с охотой приобрело и рыболовство, которое, само являясь порождением охоты, дало человеку пусть далеко не основной, но зато доступный и постоянный продукт питания. Первым специальным орудием рыболовства явились гарпуны; как уже отмечалось, они найдены в Ленковке, а также на Верхоленской горе. Со временем, помимо гарпунов, появляются первые остроги и первая крючковая снасть. Они были найдены в Усть-Белой. Появление острога в мезолите удивительно, так как обычно ее считают очень поздним изобретением. Древние рыболовы изготавливали это эффективное орудие из двух или трех длинных и острых, плавно изогнутых костяных зубьев, прочно укрепленных в древке. В других одновременных памятниках Сибири пока не обнаружено таких орудий, и усть-бельская острога остается свидетельством большой изобретательности прибайкальских племен.

Костяные рыболовные крючки вырезались из трубчатых костей благородного оленя и лося. Они имеют форму современного металлического крючка, только без жальца на острие, но последнее точно так же слегка отогнуто от оси крючка. Насад их снабжен зарубками или валикообразным выступом для крепления. При этом правильная, четкая и даже изящная форма предмета, выполненная с большим искусством, говорит о высоком мастерстве усть-бельских рыболовов и их богатом навыке в изготовлении вещей подобного рода. Кроме Усть-Белой, нигде в Сибири крючков периода мезолита не обнаружено. Самые близкие по типу аналоги имеются лишь в мезолитических комплексах Северной Европы, где рыболовство также играло большую роль. В неолите рыболовные крючки из кости распространены значительно шире. В частности, с усть-бельскими крючками можно сопоставить экземпляры из раннего неолита Японии и, конечно, серовские крючки Прибайкалья.

Ловля рыбы такими крючками с берега исключалась, они могли применяться или в перемете, или на коротком удилище: ими пользовались, вероятно, у проруби и с лодок. Правда, были ли тогда лодки, достоверно не установлено. Но в каменном инвентаре усть-бельских охотников-рыболовов оказались специализированные теслообразные инструменты из галек и крупных кусков кремня. И это позволяет думать, что лодки уже появились.

Замечательная особенность усть-бельских находок — наличие разнообразных украшений. Ожерелья из зубов животных широко известны как в палеолите, так и в неолите. Но здесь найдены украшения и иного рода: в первую очередь это подвески из агальматолита, которые имитируют зубы марала, а кроме того, плоские шлифованные бусы из перламутра. В нижних слоях Усть-Белой найдены целые экземпляры, обломки и заготовки из створок раковины-перловницы от 3 до 10 миллиметров в диаметре. Характерно, что из агальматолита делали бусы, имитирующие плоские перламутры. В культурных комплексах более ранних памятников подобных вещей нет.

Все типы украшений, известные в палеолите, отражают систему представлений человека, обусловленную спецификой охотничьего хозяйства. Постепенно представления первобытного охотника об окружающем мире значительно расширяются. Его ум обогащается новыми понятиями, связанными с практикой рыболовства. Об этом и говорят украшения из перламутра — дары реки. О том, что именно так все и было, свидетельствуют неолитические аналогии. Во времена неолита рыболовство распространилось очень широко и прочно вошло в жизнь общества. Теперь перламутровые бусы стали обычным явлением. Чаще всего их находили в погребениях серовского времени, а затем и у глазковцев.

Последний штрих этой картины, относящейся к области духовной жизни людей, которые жили в устье Белой и других ангарских поселениях во время перехода от палеолита к неолиту, дают два замечательных погребения, найденные в пади Хиньской и в пади Частые, неподалеку от устья Белой. Погребение в пади Частые оказалось разрушенным, но в нем сохранился специфический инвентарь: плоские длинные острия из шифера, пластинчатые наконечники стрел мезолитического облика, в том числе один с боковой выемкой у насада. Над могилой была сооружена каменная кладка, такая же, как на неолитических погребениях. Второе погребение, в пади Хиньской, сохранилось нетронутым. Оно так же, как и могила в Частых, сопровождалось каменной кладкой. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север, с легким уклоном к востоку. При нем найдены такие же, как в Частых, острие из шифера, костяной наконечник, три мезолитических пластинчатых наконечника, в том числе снова один с боковой выемкой у насада. Способ захоронения — класть покойника на спине, в вытянутом положении, головой на север или северо-восток, наличие вещей при них, наконец, такая важная черта погребального ритуала, как каменная кладка над погребением, — все это сближает оба погребения с неолитическими захоронениями. В это время, следовательно, уже складывается тот круг представлений древних охотничьих племен Прибайкалья о душе в загробной жизни, те погребальные обычаи, которые нашли яркое выражение в неолитических могильниках на Ангаре и Лене, а также в Забайкалье и Западной Сибири.

В последующее, исаковское время складывается вполне зрелый культурный комплекс прибайкальского и сибирского неолита. Появляются резко локальные формы шлифованных тесел, треугольных и трапециевидных в поперечнике. Сосуды параболовидные в вертикальном разрезе, покрытые снаружи отпечатками сетки плетенки. Двухсторонне ретушированные наконечники стрел с асимметричными жальцами и основанием в виде хвоста ласточки. Такие элементы, как крупные полулунные скребла, большие вкладышевые наконечники и ножи, а также охотничье вооружение, изготовленное из мамонтовой кости, явно любимого материала, свидетельствуют о сильных палеолитических традициях.

Дальнейшим развитием той же в основе культуры отмечен следующий, серовский этап. Формы сосудов становятся более разнообразными, обогащается орнамент. Вместо простого горизонтального пояса из ямок под венчиком сосуды украшаются поясами из параллельных линий, выполненными гребенчато-пунктирным штампом или зигзагообразным пояском.

Китойский этап отличается распространением погребений без каменных кладок, с обильной засыпкой костяков охрой, символизирующей жизненное начало, «кровь мертвых». Руководящей типологической формой китойских захоронений являются оригинальные стерженьки для рыболовных крючков с полулунными выступами на обоих концах, В качестве инвентаря широко используются нефритовые тесла, линзовидные в сечении, треугольные ножи-острия из нефрита, плоские ножи из плиток аргиллита, поверхность которых уплощена широкими диагональными фасетками отжимной ретуши, а также песчаниковые «выпрямители» древков стрел — ложила, каменные круглые плитки-палетки и другие характерные вещи. Среди украшений привлекают внимание каменные кольца, изготовленные из белого мрамора.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В

китайских захоронениях найдены изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно служившие шаманскими амулетами. Есть изображения лосиных головок, вероятно представлявшие собой навершия шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей. Появляются и антропоморфные скульптуры, предшественницы скульптур человека, характерных для главковского времени. Одно из лучших произведений китайских скульпторов — высеченная из белого мрамора голова бородатого мужчины с тщательно и умело моделированным лицом: у него небольшой узкий лоб, длинный прямой нос с хорошо выраженной переносицей, глубокие впадины глаз и короткая треугольная борода. Общий облик этого лица больше европеоидный, чем монголоидный, что дает основание вспомнить о европеоидной примеси в черепах неолитического населения Прибайкалья, отмеченной Г. Дебецем.

Но самые многочисленные памятники искусства, оставленные древними племенами ангарской и ленской тайги, — петроглифы (наскальные изображения), крупный вклад в изучение которых внес А. Окладников.

Первая встреча с первобытным искусством народов Сибири потрясла Окладникова: «Охваченные глубоким волнением, как зачарованные, переживали мы на Шишкинских скалах волнующие часы встречи с первыми художниками человечества. Перед нами из глубины времен пробивался маленький, но уже чистый и звонкий ручеек искусства, которому предстояло в будущем стать могучей полноводной рекой. Оставалось только идти все дальше и дальше, по изгибам этого ручья, навстречу последующим тысячелетиям от искусства палеолита к неолиту, от неолита к бронзовому, а затем и к железному веку».

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, на знаменитых Каменных островах, открытых еще Витковским. Исследование этой замечательной галереи каменного века продолжил Окладников в 1935 году, когда только намечались контуры будущих великих электростанций на этой реке-труженице.

Спускаясь по Ангаре на небольшой рыбацкой лодке, вблизи деревушки Егоровой, остатки которой уже давно залиты Братским морем, археологи увидели величественные контуры первого Каменного острова. Угрюмые, круто обрывающиеся к воде скалы, сложенные плотным песчаником, отполированным водой и ветром до блеска, вызывали у первобытных людей суеверное чувство страха. Из поколения в поколение передавались о них предания и легенды. За первым Каменным островом вставал второй, еще более неприступный и величественный, а за ним — третий. Так три Каменных острова стояли словно стражи, охраняя вход в большую Ангару. А под скалами, окружая их зеленым венцом, шумели вековые сосны и ели. Стояли... потому, что сейчас над ними бескрайняя гладь Братского моря, и сокровища Каменных островов сохранились только в иллюстрациях и описаниях, опубликованных в книгах археологов. Правда, часть наиболее уникальных рисунков выпилена заботливыми руками сотрудников Братской комплексной археологической экспедиции и доставлена в Иркутский художественный музей.

На всех трех Каменных островах открыты десятки, сотни прекрасных рисунков. Одни выбиты точной и упорной рукой мастера, другие прорисованы краской то темной, густого тона, то светлой, нежной. Рядом с изображениями животных видны как бы эскизные наброски — части изображений, по какой-то причине так и оставшиеся незаконченными. Возможно, древнему художнику достаточно было нанести часть рисунка, чтобы мысленно представить всю композицию. Многие рисунки можно разглядеть только при определенном освещении. Особенно рельефно они выступали на восходе, когда первые лучи солнца прорывались из-за горизонта и освещали, словно прожектор, композиции, выполненные древними художниками несколько тысяч лет назад, а также на закате, когда под косыми лучами из глубины скал как бы выплывали четко очерченные изображения животных. Еще несколько мгновений, и вместе с закатившимся солнцем исчезали и некоторые рисунки, и потом приходилось прилагать немало усилий, чтобы вновь проследить ту или иную композицию.

Удивительно богат внутренний мир древних художников. Вот перед вами задумчиво стоит красавец лось. Тяжелая голова его низко опущена. Усталость животного подчеркивают отвислая нижняя губа и массивное туловище. Несколько шагов вперед вдоль скалы — и новая композиция. Вверх по склону бесшумно мчится группа лосей, целое стадо. Бег их мощный и стремительный. Сколько экспрессии заложено в этом непреодолимом движении вперед! А рядом совсем уникальное изображение головки самки лоса. Любовно очерченный контур. Длинные уши напряжены, они словно живые, создается впечатление, что она сейчас неторопливо переберет ими, чутко прислушиваясь к лесным шорохам. Широко раздуты ноздри, четко очерчена губа. Но самое удивительное — глаза. Они внимательно и настороженно смотрят на мир сквозь тысячелетия. И недаром этот рисунок назван «Лесной мадонной». Неподалеку видны странные волнообразные полосы. Они извиваются, переплетаясь в какие-то замысловатые клубки. Мгновение — и на конце каждой такой линии проявляются змеиные головки. Конечно, это змеи. Гибкие жгуты их как бы сплетаются друг с другом и снова расплетаются. Археологи, когда припекало жаркое прибайкальское солнце, могли видеть, как десятки змей выползали из расщелин на горячие камни и свивались точно такими же клубками. Рабочие в страхе старались подальше обойти эти сплетения. Очевидно, так же трепетало перед ядовитыми гадами, боялось и чтило их первобытное население Каменных островов. Змея была для них священна и неприкосновенна.

На скалах Каменных островов много рисунков своеобразно стилизованных антропоморфных фигур, изображений рыб, загадочных фантастических знаков. На многие десятки метров тянется эта удивительная картинная галерея каменного века. Нередко одни рисунки накладываются на другие. Конечно же, наскальные изображения Каменных островов созданы не одним каким-то талантливым художником и даже не одним племенем и народом. Десятки поколений древних людей сменялись у этих скал и оставляли своим потомкам все новые рисунки.

Но древние изображения на скалах не просто картинная галерея. Они служили различного рода магическим и колдовским обрядам. Среди десятков рисунков лосей человек изображен всего один раз, схематично и в особой позе. Это мужчина. Он стоит на согнутых ногах, как бы танцуя, руки его подняты вверх. В древних безмолвных рисунках словно застыли молитвы охотников тайги, их просьба о помощи, обращенная к неведомым грозным силам природы. Писаницы же являлись своего рода священной книгой тысячелетий. Прочтению этой книги во многом способствуют легенды и сказки лесных племен.

У эвенков вплоть до недавнего времени существовал особый обряд, «шингкэлавун», который должен был принести охотникам счастье, удачу. Он совершался всем родом сообща в течение многих дней у священных мест — скал, камней, деревьев, носивших древнее имя — бугады. Ряженные в олени шкуры, с рогами на голове, охотники тайги исполняли у этих мест колдовские танцы, которые должны были приманить, зачаровать лесных зверей.

На многих скалах Лены, Ангары и в других местах Сибири среди наскальных изображений встречаются композиции, которые отражают такие магические мистерии каменного века: изображения лосей во время гона, сцены, символизирующие размножение. На писанице в устье реки Синей, притока Лены, есть композиция, символизирующая сцену охоты на лося людей, вооруженных луками.

В писаницах нашли отражение не только обряды, связанные с охотой дикого зверя, но и космогонические представления древних людей. Это подтверждается изображениями солнечного лоса, змей и другими рисунками, которые хорошо расшифровываются с помощью легенд и преданий коренных народов Сибири. Племена каменного века тоже пытались понять тайны окружающей природы, заглянуть в будущее.

Многие наскальные рисунки точно датированы на основании находок скульптурных изображений рыб, лосиных головок, других резных поделок, обнаруженных на поселениях неолитического времени. Искусство, которое зародилось в Сибири в ледниковое время, не менялось со временем, а продолжало развиваться и совершенствоваться в различных жанрах, отображая основные черты эстетического мира исчезнувших племен. Лаконичной силе и остроте рисунка древнего художника могут подчас позавидовать мастера-специалисты нашего времени. Его произведения полны эпической мощи. Они монументальны в настоящем смысле этого слова.

Награда

В Сибири известно множество таких рисунков, распространенных в самых различных ее местах: по утесистым крутым берегам таежных рек, начиная от предгорий Урала и до Амура, в бескрайних степях Забайкалья, Тувы и Минусинской котловины, на Алтае, а также на скалах вдоль «Внутреннего моря» глубинной Азии — Байкала.

Каждая такая большая группа, а иногда и отдельное местонахождение сибирских писаниц имеют свой собственный, неповторимый облик, неразрывно связанный с историческим прошлым, с культурой и конкретными событиями в жизни того древнего населения, которым они оставлены, поэтому они могут рассказать обо всем этом гораздо полнее, глубже, чем какой-либо другой археологический документальный источник — свидетель прошлого.

Наскальные изображения представляют собой в высшей степени интересный, хотя столь же трудный для понимания материал. Не будет преувеличением сказать, что это окно в исчезнувший мир, через которое наблюдательный и вдумчивый исследователь может увидеть древнюю культуру человечества в самых сокровенных ее проявлениях, заглянуть как бы в самую душу древнего человека, понять его мировоззрение, его искусство — эстетические представления и этические нормы, его взгляды на себя самого и на окружающий мир.

Одним словом, петроглифы — это яркая страница древней истории народов Сибири в каменном веке — номадов тайги — охотников и рыболовов, художников и философов.

Мастера и художники каменного века

Медленно догорал закат. Солнце уже давно опустилось за горизонт, и ночные сумерки незаметно окутывали землю.

Внизу над речкой Дунайкой поднимался туман. Он рос как снежный ком, и скоро на двенадцатиметровой террасе стало ощущаться его холодное прикосновение. Из лагеря не доносилось веселых голосов, смеха, песен. Все занимались сборами к завтрашнему отъезду. Надо было идти к костру, давать последние распоряжения перед дорогой, но какая-то неведомая сила удерживала меня на террасе. Трудно расставаться с поселением, где несколько тысяч лет назад дымились костры древних жителей этого края и где мы провели столько тревожных и радостных дней. Непривычно видеть опустевшие раскопы, в которые медленно вползала ночная мгла. Еще недавно на этом месте загорелые парни нивелировали поверхность, расставляли колышки и тянули шпагат. Сельчане долго не могли понять, чем заняты эти молодые здоровенные хлопцы, а председатель местного колхоза сокрушался, что мы могли принести больше пользы у него на сенокосе. Но шли дни, недели. Из недр земли появились скрытые на большой глубине котлованы древних жилищ. Много раз над раскопом слышалось: «Эврика!» — свидетельство новых интересных находок. Художники делали десятки планов, чтобы потом, при тщательной камеральной обработке, восстановить конструкцию жилищ, быт жителей поселения.

И вот работы закончены, завтра мы двинемся на новое место. На первых наших отвалах уже успела вырасти трава, но я хорошо помню теплый июньский вечер, когда мы впервые приехали сюда, в село Новопетровка Амурской области, и увидели только что вскрытый карьер вдоль новой дороги. В стенках его мой друг и коллега Б. Сапунов неожиданно обнаружил конец острой каменной пластины, а рядом с ней — лезвие другого инструмента, сделанного из того же материала — светло-желтого вулканического туфа. Вулканический туф, как мы давно уже убедились, был излюбленным и лучшим материалом мастеров каменного века на среднем Амуре. Он вполне заменял им кремний, который на берегах Амура всегда был дефицитным и редкостным минералом.

Началась «охота за плечиками», то есть за уступами стенок древнего жилого углубления. Нужно было нащупать край древнего жилища и осторожно зачистить остатки стенок дома, покинутого его обитателями несколько тысяч лет назад. «Плечики» и в самом деле находились на своем месте — там, где им положено быть, по краям жилого углубления, вырытого в твердом желтом суглинке каменными мотыгами первобытных строителей. Обнаружился под лопатами археологов и пол жилища древних амурцев. Но теперь лопатами копать было нельзя, здесь годились только ножи, совочки и кисточки.

Мы увидели пол, остатки костра, горевшего когда-то посередине жилища. А еще удивительнее была новая находка. В центре торчал крупный валун, на первый взгляд самый обыкновенный, но на его поверхности виднелись какие-то странные углубления и ямки, местами они сплошь покрывали его — совсем как мельничный жернов. Рядом в изобилии рассыпаны осколки вулканического туфа и готовые поделки: скребочки и проколки, удивительные по тонкости отделки, настоящие каменные шилья.

Здесь, на этом самом месте, сидел искусный и терпеливый мастер, который в совершенстве понимал свой материал — хрупкий и твердый камень, знал его душу и мог предвидеть его капризы, — ведь одно неудачное движение сводило на нет весь труд мастера. В жилище удалось найти немало обломков и заготовок, свидетельствовавших и о том, что не всегда единоборство с камнем заканчивалось победой человека.

Такие жилища-полуземлянки не раз встречались археологам на Амуре. Попадались и мастерские, где камень обрабатывался людьми неолитической эпохи.

Но здесь необычным было другое. При всем нашем старании мы не нашли ни типичных неолитических наконечников стрел, покрытых мелкими сколами (ретушью) с обеих сторон, ни крупных орудий для обработки дерева — топоров, долот и тесел. Похоже, что обитатели этого жилища и не собирались их выделывать. Они выделывали только нуклеусы, с которых снимались превосходные пластины наподобие первой, найденной нами. Десятки, сотни ножевидных пластин лежали на полу жилища. Многие из них, прочные и тонкие, имели настолько острые лезвия, что не требовали никакой дополнительной обработки; у других же лезвие отделано тонкой ретушью. Они, несомненно, служили вкладными лезвиями для ножей, кинжалов и копий с костяной или деревянной основой. Из тонких пластин выделывались также проколки, разнообразные острия и прочие инструменты. Пришлось так и назвать эту новую для нас археологическую культуру новопетровской культурой пластин!

Жизнь древних людей в районе Новопетровки раскрылась с неожиданной разносторонностью. За первым жилищем найдено второе, а за ним и другие — целый поселок из десяти жилищ.

Поселок у Новопетровки располагается на древней, сильно размытой террасе, круто спускающейся к долине реки Дунайки. Терраса сложена из светло-желтых супесей, под которыми залегают желто-коричневые суглинки, переходящие в мощные напластования коричневых глин.

Люди каменного века не случайно выбрали именно эту высокую террасу в двух-трех километрах от Амура: ей не грозила разрушительная сила амурских паводков, сильные и частые ветры обдували мыс и уносили с него полчища гнуса и комаров — этого грозного бича амурских прерий. Верхние отложения террасы — довольно рыхлая супесь — позволяли легко выкапывать простейшими каменными и костяными орудиями котлованы для жилищ, дождевая или снеговая вода быстро поглощалась песчаной почвой или стекала вниз, в долину речки Дунайки.

Поселок имел своеобразную и характерную планировку. Жилища располагались на самом краю речной террасы. Поэтому некоторые из них начали уже оплывать вниз под обрыв. Большая часть жилищ ориентирована с запада на восток.

От жилищ сохранились только впущенные в материковый слой песка неглубокие котлованы. Наземные части жилых построек, естественно не сохранились, и о конструкции домов можно судить только по расположению ям от столбиков и очагов. Первый ряд ям от столбиков встречался по краю котлована. Второй прослеживался вокруг очага.

Жилища первожителей Амура, судя по всему, напоминали полуземлянку. Несмотря на то, что котлован сравнительно неглубокий, зимой во время метелей он играл немалую роль. Столбики первого ряда, по-видимому, поддерживали земляные стенки котлована и одновременно являлись опорами для внешней обвязки, к которой крепились нижние концы балок перекрытия. Верхние концы крепились ко второй внутренней обвязке, опиравшейся на столбы, расположенные вокруг очага. Снаружи стены и крышу покрывали, вероятно для большей плотности, травой, возможно, даже и берестой, и шкурами животных, и все это тщательно засыпали землей. Ни в одном из жилищ не обнаружено входа. По-видимому, хозяева пользовались для этого дымовым отверстием.

У народов, населявших берега Амура и весь северо-восток, дымовое отверстие долгое время служило одновременно и входом в жилище. Так, например, на языке нивхов, живущих на нижнем Амуре и Сахалине, понятие «войти в дом» передается словом «спуститься», а «выйти» — словом «подняться». У них, по словам Л. Штернберга, во время медвежьего праздника существовал обряд внесения и вынесения медвежьего мяса и костей через дымовое отверстие: «Когда оживают из тьмы тысячелетий отдаленные отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью соблюдается ритуал, не изменившийся в течение десятков веков, снова зарождается и воспоминание о дымовом отверстии, заменившем дверь. Именно через это отверстие по специально вставленному шесту спускались в юрту со шкурой и мясом убитого медведя. И тем же путем выносили из юрты все ритуальные принадлежности, а также кости медведя для похорон в медвеьем срубе».

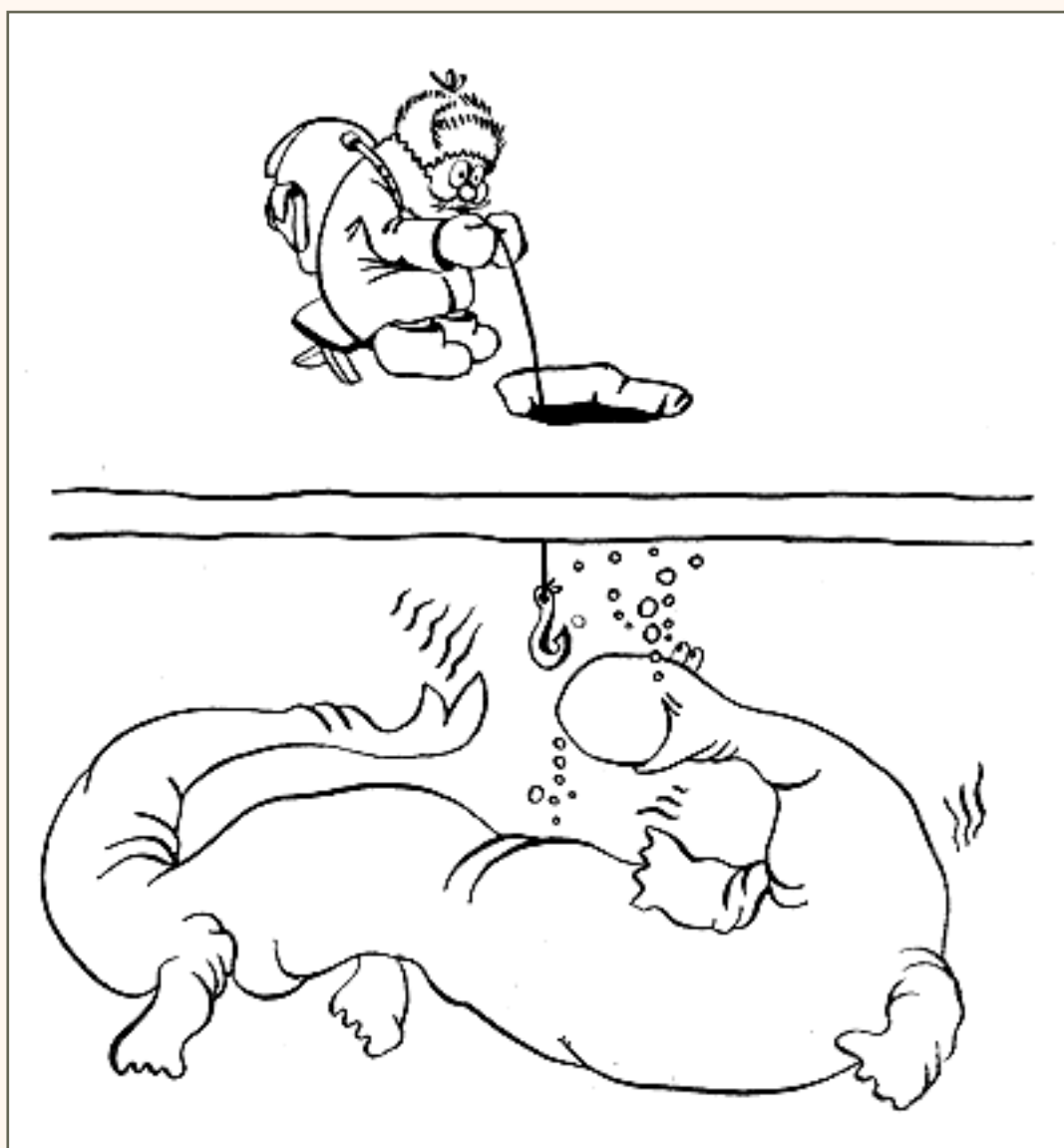
В целом жилища, раскопанные в Новопетровском поселении, близки по конструкции и внутреннему устройству к жилищам народов, населяющих низовья Амура. Древним видом жилища у нивхов была полуземлянка — «то-рав». По описанию доктора исторических наук, нивха по национальности, Ч. Таксами, «то-рав» снаружи имела сферическую форму наподобие небольшого земляного бугра. Зимой, занесенная снегом, она представлялась «снежным холмом с верхушкой, почерневшей от проходящего сквозь него дыма».

Центром жизни такой полуземлянки являлся очаг. Именно в этом месте мы и смогли собрать комплекс находок, ярко характеризующих быт древних приамурских племен. В одном жилище на полу оказалась груда плоских галек с выбоинами по краям. Возможно, рыбак сушил свою сеть, и она так и «осталась» у очага. В другом жилище у очага раскопали тщательно запрятанные в землю лучшие ядрища-нуклеусы — настоящий клад для древнего мастера. Такие же «клады» — запасы сырья — хранились и в других жилищах. Удалось обнаружить почти целый глиняный сосуд: новопетровцы знали уже гончарство. Керамику нашли лишь в двух жилищах. Видно, она только входила в быт древних племен Амура.

Сложный вопрос, когда и откуда впервые здесь появилась керамика. После раскопок Новопетровского поселения прошло уже более двадцати лет. В книге, посвященной результатам раскопок поселений этой культуры, я датировал ее пятым тысячелетием до нашей эры. Многим эта дата казалась тогда слишком древней. Спустя несколько лет в Японии вышла монография о раскопках поселения, получившего название «Итикава-юбэцу на Хоккайдо». На основании радиоуглеродного метода возраст его определили в 12 тысяч лет. Японские авторы не случайно включили в свою публикацию рисунки многих изделий из камня и планы Новопетровского поселения. Конструкция жилищ, находки в них не только в общих чертах, но и в деталях были близки между собой. Когда я несколько лет назад работал над коллекциями Итикава-юбэцу, то удивлялся неоднократно большому сходству находок из этих поселений, удаленных друг от друга почти на 2 тысячи километров. Керамика оказалась другой. Сосуды, украшенные таким же орнаментом, как и в новопетровской культуре, найдены в Японии при раскопках пещеры Фукуи, где они датированы временем 12 тысяч лет и древнее. В настоящее время в Японии известно около двух десятков памятников, где найдена керамика, древнее 10 тысяч лет. Не исключено, что и жители Амура в столь же раннее время научились изготавливать глиняную посуду. Одно несомненно — новопетровская культура более древняя, чем когда-то датировал ее я.

Экономической основой оседлого образа жизни племен, обитавших в бассейне Амура, служило, так же как в Приморье, рыболовство, о чем свидетельствуют грузила, встречающиеся на поселениях в большом количестве. Причем как количество, так и размеры найденных здесь грузил позволяют говорить о наличии у новопетровцев сетей — одного из основных орудий рыболовства того времени. В Прибайкалье рыболовная сеть тоже появляется в неолите. Сети изготовлялись, по-видимому, из крапивы. И. Лопатин писал, что нанайцы «веревки и нитки для рыболовства изготовляли сами. Не только где-нибудь в отдаленных от русских селений стойбищах, но даже в непосредственной близости города, до того это производство стоит у них на значительной высоте и качество веревок вполне отвечает требованиям.

Материалом для изготовления веревок служит не лен и конопля, которых гольды (нанайцы. — А. Д.) совершенно не знают, а дикая крапива. Осенью гольдячки ножом срезают уже засохшую крапиву и складывают в кучки сушить. Зимой же или осенью на досуге гольдячки или старики выбирают из сухих стебельков крапивы волокна. Для этого стебелек с вершинки надламывают и раздирают вдоль на две части, а потом ловким движением пальцев ухватывают и выдирают волокна... Уже изготовленные нити и тонкие веревки гольды варят для мягкости в воде, а только что связанные рыболовные сети мочат в свежей крови убитых зверей. Кровь впитывается в нитки и делает их хотя не очень гибкими, но зато прочными и предохраняет их от гниения».

Рыбалка

По-видимому, и обитатели Новопетровского поселения пользовались подобным способом изготовления нитей и плетения из них сетей. На среднем и нижнем Амуре крапива, пожалуй, единственный пригодный для этих целей материал, так как ни дикого льна, ни конопли здесь не произрастает. Интересно, что исследователей XVIII—XIX веков поражало следующее обстоятельство: у многих народов Сибири и Дальнего Востока сети, изготовленные из крапивы, своим качеством почти не уступали фабричным и долгое время конкурировали с привозными.

О размерах сетей новопетровцев можно судить по грузилам. Во время раскопок наряду с обыкновенными гальками с выемкой, предназначавшимися для небольших сетей, попало несколько массивных грузил весом до 3—4 килограммов. В верхней части они имели сквозные отверстия для крепления и, возможно, употреблялись для больших сетей — неводов.

Из крапивы новопетровцы могли вязать и ловушки типа вентера. Летом и весной, особенно во время спада воды, нанайцы ставят такие ловушки в руслах небольших ручьев. Рыба, скатывающаяся в Амур, попадает в них в большом количестве.

Несмотря на то что на поселении не обнаружено крючков, они, по-видимому, также применялись для ловли рыбы в весеннее и летнее время. Зимнее рыболовство носило, по всей вероятности, эпизодический характер.

Кроме рыбной ловли, обитатели Новопетровского поселения занимались, несомненно, охотой и собирательством, но в значительно меньшей степени, чем соседние племена Якутии и Прибайкалья.

В 1961 году небольшая баржа, на которой археологи спускались по реке Зее, пристала в устье реки Громатухи. Долина речки глубоко врезалась в коренной берег. Слева возвышался скалистый мыс пирамидальной формы, круто обрывающийся к Зее. Справа поднимались обнажения высокой сопки, к которой примыкала небольшая, отчетливо выраженная площадка, по-видимому, остаток второй террасы.

Каково же было удивление археологов, когда у ее подножия они нашли каменные наконечники стрел, копий, ножи. Пришлось подняться на террасу и применить давно испытанный в таких случаях способ: заложить несколько шурфов. В первых же шурфах стали попадаться находки в слое хорошо гумусированной земли, образовавшейся от длительного обитания на одном месте древних людей. Когда-то здесь было их поселение. Место для него люди выбрали весьма удачное. Устье речки богато и сейчас рыбой. Несомненно, поблизости водились и звери, на которых охотились обитатели поселка. Правый мыс на протяжении почти всего дня и, что особенно важно, в утренние часы залит солнечным светом. С него открывается хороший обзор окрестностей. Археологи зачистили обрез. Сразу же под дерном в светло-коричневой супеси залегал культурный слой. Но ниже этого слоя лежало еще два, отличавшихся от первого по цвету, и в каждом из них встречались каменные орудия. Поселение оказалось трехслойным.

При раскопках, продолженных затем в 1965 и 1966 годах, удалось выяснить, что все три слоя буквально насыщены находками, в которых наблюдается единство форм и техники обработки изделий из камня и приемов в орнаментации сосудов.

Во всех трех слоях найдена керамика. Наиболее распространен орнамент, нанесенный колотушкой, обмотанной травой или грубой тканью, а также орнамент из различных ромбических, прямоугольных и округлых вдавлений, расположенных рядами, опоясывающими сосуды. Встречаются гребенчато-пунктирный орнамент, нанесенный подвижным зубчатым колесиком, а также на-лепной рассеченный валик и различного рода

комбинации из прочерченных линий.

Во втором и третьем слоях обнаружены очаги и небольшие хозяйственные ямы. Изделия из камня в этих слоях концентрировались в основном вокруг очажных пятен. Если сравнить формы каменных орудий и технику их изготовления на этом поселении и в Новопетровском, то можно заметить резкий контраст. Это разные культуры, представляющие разные этнические группы древнего населения. А вот между громатухинскими находками и более ранними, осиповскими (в низовьях Амура), относящимися к мезолиту, есть много общего. Одинаковы наконечники копий и дротиков и мелкие орудия; наконечники стрел, проколки, скребки для обработки шкур животных, резцы, тесловидно-скребловидные инструменты. Единственно новое, что появилось у громатухинцев, в отличие от осиповских племен — керамика. По-видимому, эти две культуры разделяет промежуток времени, в течение которого люди научились выделывать глиняную посуду и украшать ее разнообразным орнаментом. Громатухинцы были потомками племен, некогда живших на высоких холмах по берегам нижнего Амура.

От поселений новопетровской культуры громатухинское отличается не только формами орудий, но и образом жизни. Если при раскопках неолитических поселений у села Новопетровки обнаружены полуподземные дома, в которых большие семьи жили продолжительное время, то здесь найдены лишь очаги, сложенные из крупных речных галек, что говорит о кратковременности пребывания людей, обитавших, по-видимому, в легких переносных жилищах типа чума. Они вели кочевой или полукочевой образ жизни, останавливаясь на некоторое время только в местах, богатых зверем или дичью. Точно так же кочевали с места на место в течение тысячелетий неолитические охотники прибайкальской тайги.

Это объясняется иной, чем у новопетровцев, экономической основой хозяйства. Если новопетровцы занимались в основном рыболовством, то громатухинцы — охотой. Видимо, рыболовство по каким-то причинам утратило для них свое значение. На поселении не обнаружено грузил, так обильно представленных в неолитическом поселении у Новопетровки.

Зато у громатухинцев появляются новые формы каменных орудий, которых нет в новопетровской культуре. Это прежде всего крупные лавролистные и полулунные ножи-кинжалы и наконечники копий, характерные для неолита Восточной Сибири. Рабочее лезвие этих орудий оббито широкими сколами и дополнительно обработано мелкой ретушью. Большие размеры ножей и наконечников копий свидетельствуют о том, что основным объектом охоты становится крупный зверь: лось, медведь, изюбр. На промысле использовались самострелы, ловушки, петли.

Орочи, например, еще недавно настораживали самострел на медведя следующим образом. По обе стороны звериной тропы устанавливали загородку. Посредине тропы вбивали колышек, к которому привязывали нить, свободный конец ее в виде петли накидывали на спусковой крючок; сбоку от тропы вбивали два кола, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, в одну линию. Сверху в их развилки клали станину самострела, а на нее — стрелу с наконечником. Для сгибания луковища применяли упорную палку. На мелких животных самострелы настораживались почти таким же образом, но в древко стрелы вставлялся меньший наконечник, и слабее сгибалось луковище. Наряду с самострелами могли применяться и ловушки в виде глубоких ям с вбитым на дне острым колом. На мелких животных ставились ловушки давящего типа.

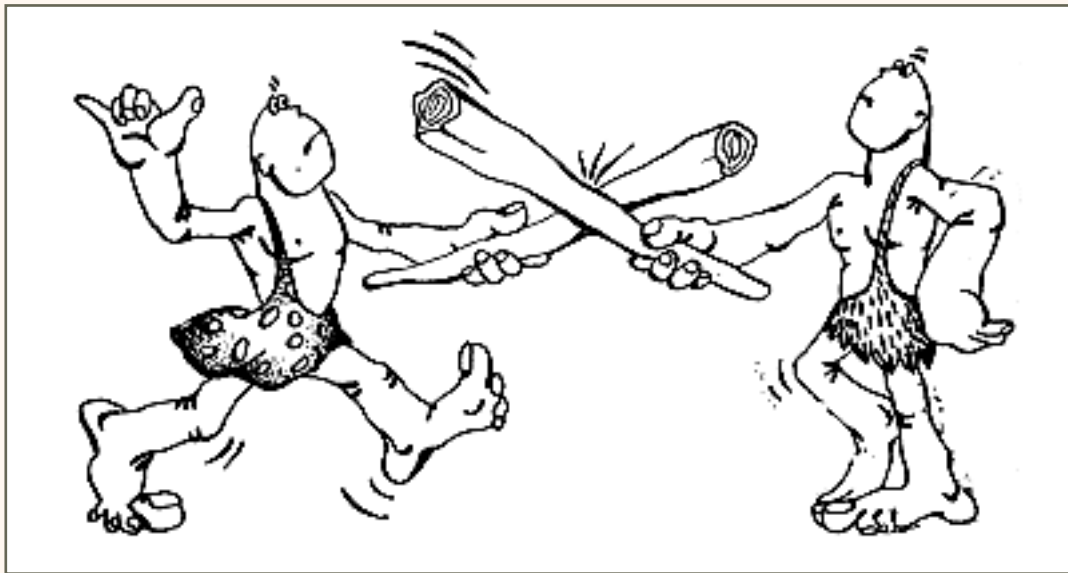

Бабочки

Обитатели Громатухинского поселения охотились и на дичь. Бассейн Амура в XIX веке был краем непуганых птиц, поэтому главное было хорошо замаскироваться. Особых приспособлений охота на них не требовала. Использовались луки, дротики, силки. Громатухинские племена имели, судя по наконечникам, луки такого же типа, что и неолитические племена Забайкалья и Прибайкалья, то есть усиленные. Костяная обкладка лука на поселениях громатухинской культуры не сохранилась по той причине, что супеси, перекрывающие заполнение жилища, достаточно хорошо пропускают влагу и воздух.

Водоплавающую птицу неолитические племена ловили при помощи силков. В этнографии этот способ отражен довольно подробно. Тунгусы, живущие у дельты Лены, протягивают силки поперек оврагов, часто посещаемых дикими гусями, и дети и женщины загоняют в них птиц. Еще недавно в Сибири силки ставили даже под водой, чтобы ловить за шею лебедей, выкапывавших корни водяных растений.

Некоторые народы применяли силки и для ловли ценных хищных зверей. И. Лопатин писал, что нанайцы ловили соболя на петли из волосяных веревок. «Для того чтобы зверек не перегрыз петлю и вскоре после попадания не вырвался из нее, гольды привязывают такую петлю к верхушке силою нагнутого дерева. Для этой цели нагибают растущее вблизи тропинки дерево и закрепляют его приблизительно так же, как тетиву на курок лука-самострела. Когда соболь попадет в петлю головою, то он сильно дернет, и от этого наклонное дерево сорвется с зацепки и с силою выпрямится; от этого пойманный соболь окажется подвешенным на выпрямившемся дереве и, конечно, в несколько мгновений будет удушен до смерти». Силки, таким образом, являются универсальным орудием для охоты как на птиц, так и на мелких животных.

Дуэль

Промысел крупного зверя требовал от неолитического охотника большой сноровки, отличного знания тайги, хитрости. Эти качества, несомненно, прививались охотникам с раннего возраста. Например, В. Ларькиным описан обряд посвящения в охотники у орочей. Корни этого обряда наверняка уходят в эпоху каменного века. Как только юноше исполнялось 14 лет, отец давал сыну

лук и семь стрел. Подросток отправлялся в тайгу и не возвращался до тех пор, пока не убивал кабаргу или не подстреливал подсвинку. Успешно выполнив первое задание, сын возвращался домой и получал от отца уже девять стрел и копье. На этот раз «кандидат» в охотники обязан был убить сохатого или медведя, и в случае удачи юноша должен был принести домой голову убитого зверя. Через три дня после возвращения сына с охоты отец устраивал торжество, на которое приглашал всех родственников, а также всех соседей по стойбищу. На следующий день начинались спортивные игры: стрельба из лука, метание копья, остроги по движущимся целям, фехтование на палках, борьба. Во всех этих состязаниях обязательно должен был участвовать молодой охотник. По окончании праздника присутствовавшие гости дарили юному охотнику ножи, наконечники стрел, остроги, копья, лыжи и лыжные палки, а отец — лук и полный колчан со стрелами. После этого юноша становился полноправным членом охотничьего коллектива.

Летом и осенью женщины и дети Громатухинского поселения занимались, по-видимому, собирательством. В лесу в это время года много грибов, ягод, орехов.

В Приамурье известно уже около двадцати поселений громатухинской культуры, и с каждым годом их число увеличивается.

Будучи как-то проездом в Чите, я зашел к своему другу Игорю Ивановичу Кириллову, профессору Читинского пединститута. Он много лет исследует неолитические памятники в Забайкалье и сделал много интересных открытий. Его небольшая квартира была завалена пакетами с коллекциями. Просматривая находки, мы развернули сверток с тесловидно-скребловидными инструментами и лавролистными наконечниками копий.

— А не с Громатухинского ли поселения этот материал? — спросил я его.

— Да, с Громатухинского, — спокойно ответил Игорь Иванович. — Но только эта Громатуха — наша, забайкальская.

Это было в самом деле какое-то удивительное совпадение. Мало того, что древние племена Приамурья дошли до Забайкалья, но одно из них жило тоже на речке Громатухе. За последние годы ряд поселений этой культуры найден и раскопан на реке Ононе и в других местах Забайкалья.

В двадцатых-тридцатых годах в Маньчжурии русским исследователям А. Лукашину, В. Поносову, М. Яковлеву и другим удалось открыть ряд памятников, тоже близких к громатухинским. Племена среднего Приамурья 5—6 тысяч лет назад оказали, следовательно, большое влияние на формирование неолитических культур верхнего Амура, Забайкалья и Маньчжурии. Возможно, в то время происходило складывание большой этнической общности охотников и рыболовов, ядром которой были приамурские племена.

Одновременно с новопетровской и громатухинской культурами начинали развиваться нижнеамурские племена, далекие предки нанайцев и ульчей. Эти древние народы, жившие в низовьях Амура 5—6 тысяч лет назад, как установили археологи, оставили глубокий след во всей дальнейшей истории и культуре народов Амура.

Более ста лет назад, в 1854—1856 годах, академик Л. Шренк собрал коллекцию различных предметов изобразительного искусства малых народов Амура. Это искусство глубоко поразило ученого: у маленьких народов, затерянных на крайнем востоке, оказалось удивительно высокое чувство прекрасного, выразившееся в орнаменте на одежде, обуви, изделиях из бересты, дерева, кости.

Л. Шренк обратил внимание на «изображения человеческого лица» в стилизованной манере. Они скорее всего напоминали маски, и от них веяло какой-то грозной силой. Нередко они выполнялись как бы одной непрерывно раскручивающейся спиралью, которую, кстати, довольно часто можно было увидеть у нанайцев и других жителей Амура на халатах из рыбьей кожи, обуви, бересте.

Тогда же он подметил одну особенность, «что вкус к орнаментике и развитие ее в амурском крае... возрастает по мере удаления от китайцев...».

Позднее, в 1899—1902 годах, на Амуре работал крупный американский ученый Б. Лауфер в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции. Б. Лауфера также привлекло богатое по содержанию и оригинальное по исполнению искусство амурских народов. Но в отличие от Л. Шренка истоки этого искусства он видел в Китае.

Два крупных ученых пользовались, по существу, одними и теми же источниками, но пришли к совершенно противоположным выводам. Кто же прав?..

«Это было давно, давно. В начале Света жили три человека. И было три лебедя-ныряльщика. Однажды послали люди трех лебедей-ныряльщиков на дно реки достать для Земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли, смотрят: Земля ковром цветет, в реке Амур рыба плавает, тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчу. Потом деву по имени Мамилджи. Народ размножился и заселял всю землю по Амуру».

Старый нанаяец, наш проводник по амурской тайге, глубоко затянулся дымом из своей коротенькой трубочки и надолго замолчал. Языки пламени вырывали из темноты лица сидящих у костра людей. Обступившие кругом деревья в бликах пламени казались фантастическими существами, которые внимательно слушали легенду. Было слышно, как внизу волны Амура набегали на берег и, поиграв среди громадных валунов, так же тихо откатывались назад. Много раз мы слышали эту древнюю легенду и не торопили нашего рассказчика. Его лицо мудреца, изрезанное глубокими морщинами, было погружено в

раздумье. Нет, он вспоминал не легенду, потому что много раз рассказывал ее своим детям и внукам. Он думал о своем маленьком народе, о его прошлом и настоящем.

Постучав трубочкой о бревно и выбив остатки табака, рассказчик продолжил:

«Кадо сказал: «Есть три солнца на небе. Жить слишком горячо. Я хочу застрелить два солнца!» И он пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье убил. Одно среднее осталось.

Вода кипела — горой стала. Гора кипела — речкой стала. А пока камни не остыли, Мамилджи нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твердыми...»

Так вечным памятником о великих делах первого охотника и женщины Мамилджи остались древние рисунки, застывшие на гранитных валунах и скалах у нанайского села Сакачи-Алян. В этой нанайской легенде сделана попытка объяснить происхождение «писаных» камней, как их называют в народе, или петроглифов.

К нанайскому поселку Сакачи-Алян наша лодка пристала на закате дня. С воды виднелись домики на курьих лапках — свайные шалаши, освещенные последними косыми лучами солнца. Около одного из них сидели на корточках старик и старуха и курили свои длинные трубки. От этой мирной сцены веяло эпическим покоем и мудростью тысячелетий. Вдали виднелись высокие деревянные трубы, непонятным образом выроставшие не из крыши, а прямо из земли, на расстоянии нескольких метров от дома, а рядом с ними высились двускатные крыши нанайских жилищ.

В глубокой задумчивости мы долго стояли около построек, удивляясь простоте сооружения, в которой заложена большая мудрость жителей седого Амура. И только потом, когда посчастливится раскопать жилища раннего железного века, и будут обнаружены эти широкие лежанки, обогреваемые снизу дымоходом, станет ясно, в какие глубины истории уходит культура нанайцев. Этот древнейший в мире кан, сооруженный две с половиной тысячи лет назад дальневосточными народами, позднее будет обогревать жилища амурских племен — чжурчжэней, создавших в начале XIII века могущественное государство на Дальнем Востоке, а затем перейдет к их прямым потомкам — нанайцам. С Дальнего Востока кан распространится и в соседние страны — Корею, Маньчжурию и далее в Китай.

Наши размышления прервали нанайские старик со старухой. Они подошли поприветствовать незнакомцев и пригласить их в дом выпить чаю. И уже глубокой ночью после очередной чашки круто заваренного кипятка мы впервые услышали нанайскую легенду о рисунках Сакачи-Аляна. А ранним утром, когда первые лучи солнца позолотили верхушки сосен, старый нанаец на узкой лодке-оморочке, сшитой из коры деревьев, привез нас к тому месту, которое многие сотни лет считалось священным.

Здесь, на берегу могучего Амура-батюшки, громоздились глыбы черного базальта. Много миллионов лет назад они были извергнуты из-под земли и с тех пор лежат на берегу, ласкаемые водами Амура при тихой погоде. А во время шторма, когда серый от пены и брызг Амур страшен и всемогущ в своем буйстве, они грудью отражают натиск волн, и ничто не в состоянии сдвинуть с места эти черные громады — символ вечности и покоя.

Века, а скорее всего тысячелетия сгладили острые грани этих базальтовых глыб, как сотен других, отшлифовали их поверхность, но не смогли стереть глубокие полосы, выбитые рукой неведомого художника древних племен. С одного из базальтовых валунов глядело на нас лицо чудища. С илистого дна реки, из мутной воды как будто всплывало само подводное страшилище, властитель Амура «Черный Дракон». Его узкие, по-монгольски

раскосые глаза смотрели на пришельцев с немой угрозой. Образ чудища, выбитый на сакачи-альянском камне, будто рожден самой матерью землей, создан ее стихийной творческой силой, той самой, что гонит из своих глубин весенние буйные соки и дает начало всему живому на свете.

Мы долго ходили среди базальтовых глыб, рассматривая все новые и новые рисунки: изображение масок-личин, змей, животных, птиц. Выбитые на прочном и твердом базальте, они удивляли смелостью и точностью линий, необычностью сюжетов.

Мы были потрясены масштабностью и художественной ценностью загадочных рисунков Сакачи-Аляна. Особенно выразительны антропоморфные маски-личины. Широкая верхняя часть, огромные круглые глаза, раскрытая пасть с двумя рядами больших острых зубов и непропорционально узкий округлый подбородок — все это создает устрашающую картину, поражающую своей демонической притягательностью. Некоторые маски окружены сверху ореолом расходящихся лучей.

На одном камне изображены две антропоморфные маски-личины одна под другой. С какой силой древний мастер смог передать их способность завораживать! Невозможно взгляд от них отвести, и даже кажется, что они отделяются от камня и движутся на тебя. Ты невольно отступаешь назад, и ощущение проходит, но глубоко посаженные глаза продолжают пристально на тебя смотреть.

Память подсказывает: маски на одежде, обуви нанайцев и ульчей нижнего Амура удивительно похожи на эти изображения. Рядом с устрашающими личинами на скалах выбиты фигуры лосей, оленей и других животных и птиц. С необыкновенной, прямо воздушной легкостью подчеркнуты первобытным мастером гордый развал рогов, стремительность бега и спокойствие отдыха.

На самой скале выбита фигура змеи в виде широкого зигзага, заполненного внутри тончайшей редкой сеткой. Нанайцы объяснили, что этот рисунок, изображающий гигантскую змею и дракона — мудур. Мудур нанайских преданий — могущественное существо, то благодетельное, то страшное, непременный персонаж шаманских мистерий. Неудивительно поэтому, что этот божественный змей Сакачи-Аляна соседствует с масками-личинами грозных шаманских духов. Мифический змей высечен в таком месте, куда можно добраться только по воде, на легкой нанайской лодке.

Среди изображений зверей особенно поражает своей экспрессией и тонкостью исполнения образ космического лося. На большом камне, который наполовину затоплен водами Амура, а во время высокой воды совсем скрывается под водой, выбит лось. Вытянутое туловище, ноги, а длинная шея и маленькая голова с роскошными рогами — все устремлено вперед, готово к стремительному прыжку. На туловище выбито несколько концентрических кругов, знаков, связанных с солнцем. Это не просто лось, а лось небесный. Тот лось, который живет в легендах и преданиях многих народов, занимавшихся охотой на лося и северного оленя. С ним связывали свое благополучие, обилие стад и хорошую охоту.

Конечно, сейчас трудно установить, какое имело значение каждое из этих изображений, несомненно одно — все фигуры сделаны очень талантливой и трудолюбивой рукой мастера.

Но когда? Легенды рассказывают, что это было очень давно, в незапамятные времена, когда на небе находились три солнца и на земле жили три мифических существа.

Многие изображения птиц и животных, масок-личин часто встречаются в изобразительном искусстве народов нижнего Амура, что отмечалось в свое время и Л. Шренком и Б. Лауфером. Значит, истоки этого искусства не в Китае, а здесь же, только в далекой

древности. Может быть, даже в каменном веке? Рядом с петроглифами археологи находят каменные долота, с помощью которых выбивали эти рисунки, фрагменты сосудов неолитической эпохи и другие предметы людей, живших 5—6 тысяч лет назад.

Окладников со своими сотрудниками несколько лет назад вел раскопки большого неолитического поселения в селе Кондон, раскинувшемся на быстрой речке Девятке. Кругом, куда ни кинь взгляд, на многие сотни километров бескрайняя тайга, мари и топи. С севера село окружено горами, которые зимой — прекрасная преграда для холодных ветров. Над селом, по левому берегу Девятки, стоит высокая скала, круто обрывающаяся к реке. В старинной нанайской легенде рассказывается, что один охотник из рода Самар долго гнал раненого оленя. Он зашел так далеко, что не знал, как найти дорогу обратно. Кругом шумела тайга, и солнце еле-еле проглядывало сквозь густые кроны деревьев. Вдруг он вышел на эту скалу, и перед ним раскрылась чудесная, залитая солнцем долина. На полюбившееся ему место он привел своих родственников. Так возник здесь этот поселок. И действительно, в селе все Самары. Народ приветливый и дружный. Они постоянно оказывали археологам во время раскопок неоценимую помощь.

Древний поселок каменного века располагается в центре нынешнего нанайского поселка на берегу холодного и чистого ручья. Раскопки в селе Кондон велись в течение ряда лет. Было вскрыто несколько жилищ, рассказавших ученым много интересного и волнующего жизни, быте и культуре племен того периода.

При раскопках как в заполнении котлована, так и на полу, в особенности на дне ям и около стен, встречались многочисленные каменные изделия и обломки сосудов. Костей животных и костяных изделий не найдено, за исключением мелких пережженных фрагментов. Кость в древних поселениях Амура из-за влажности и рыхлости песчаного грунта вообще сохраняется очень плохо. Зато здесь, как и в других неолитических поселениях, обнаружено много керамики, в том числе совершенно целые или раздавленные землей, но сохранившие свою первоначальную форму глиняные сосуды. Одни из них лежали на боку, другие стояли вертикально, третьи были перевернуты вверх дном. В одном из жилищ нашли три сосуда, вставленных друг в друга.

В распределении каменных изделий наблюдается определенная закономерность. Кремневые отщепы в местах, где производилась выделка каменных орудий, в своего рода «мастерских», лежат целыми скоплениями. У стен одного из кондонских жилищ уцелела кучка пластинчатых наконечников стрел из кремня, плотно сложенных вместе с обращенными в одном направлении остриями. Стрелы лежали, должно быть, связкой или в колчане. Древки их сгнили, а наконечники сохранили свое первоначальное положение.

Изделия из камня поражают удивительно тщательной отделкой. Ножи и наконечники копий с большой, поистине ювелирной точностью выструганы тончайшей ретушью. Большие массивные топоры, употреблявшиеся для рубки деревьев, строительства лодок и других хозяйственных целей, зашлифованы и отполированы до блеска. Наконечники стрел, проколки, скребочки и другой мелкий каменный инвентарь обрабатывали особенно тщательно на специальных подставках из камня в виде крупных галек или массивных плит песчаника. В середине у них имеется небольшая овальная или круглая в плане лунка. По всей поверхности этой лунки, а у некоторых наковален и по остальной поверхности, видны мелкие выбоины. Некоторые наковальни имеют лунки с двух сторон. На этих наковальнях и обрабатывались каменные орудия отбойниками и отжимниками.

Неолитические мастера Амура обрабатывали орудия с изумительной ловкостью и изяществом. Это достигалось благодаря великолепному знанию свойств камня, а также тысячелетнему опыту, который вырабатывался в человеческом коллективе и передавался от поколения к поколению. Некоторые орудия труда, наиболее совершенные по отделке, применялись, по-видимому, для ритуальных целей. Так, на поселении в Кондоне и на

некоторых других поселениях, относящихся к этой нижнеамурской культуре, найдены великолепные по обработке и отделке топоры. Некоторые наконечники стрел обработаны с таким ювелирным совершенством, что в поперечном сечении они не более одного-двух миллиметров при длине в пять-шесть сантиметров. Такие наконечники при неосторожном обращении ломались и для охоты, конечно, употребляться не могли, там использовались изделия массивные и более надежные.

Из нефрита древние амурские мастера делали различные украшения. Из него изготовлены и блесны нежного беловатого цвета со светло-зелеными прожилками. Форма у них в виде желобчатой пластины: одна сторона вогнутая, другая выпуклая. Один конец блесны имеет овальную форму и слегка приострен. К противоположному концу блесна слегка утолщена. На одном конце биконическое сверленное отверстие для лесы.

Нигде в мире на неолитических стоянках, возраст которых более пяти тысяч лет, не найдено блесен. Оказывается, это орудие, доставляющее удовольствие рыбакам, изобретено в каменном веке на Амуре. И неудивительно, если учесть, что основным занятием и источником существования нижнеамурских племен в неолите было рыболовство. Развитие рыболовства в полной мере компенсировало здесь отсутствие земледелия, особенно вблизи моря и вдоль крупных рек. Такие же древние поселения, как в Кондоне, обнаружены и раскапывались археологами и в других местах на нижнем Амуре.

В жизни встречается не так много дней, события которых мы ясно и отчетливо запоминаем на всю жизнь. Пятое сентября 1964 года было для меня одним из них.

Моросил легкий дождь. Земля уже успела раскиснуть, и мы медленно пробирались вдоль берега Амура, скользя на крутых уступах. Накануне Окладников, Слава Жалковский — художник, неизменный спутник многих археологических экспедиций, и я приехали в село Вознесенское. Было еще светло, и Алексей Павлович предложил пройти посмотреть берега Амура, поискать что-нибудь интересное.

Прошло часа два-три, мы успели вымокнуть и уже хотели поворачивать обратно, но Алексей Павлович предложил осмотреть еще высокий берег на излучине Амура неподалеку от нанайского села Хунгари. Он шел по верхнему краю берега, а мы со Славой — внизу, осматривая галечник. Амур в этом месте во время наводнений размывал берег, нам сразу стали попадаться каменные орудия. Мы находили то большой, хорошо зашлифованный топор то прекрасно отретушированный нож или наконечник стрелы из прозрачного халцедона. Вскоре забыли о дожде, началась увлекательная «охота».

Вдруг мой взгляд упал на большой кусок керамики. Я поднял его, вытер налипшую грязь и не поверил своим глазам. Черепок был покрыт яркой малиновой краской, четко проступал какой-то непонятный орнамент. Не знаю, то ли вид у меня был не совсем обычный, то ли я закричал громче, чем следовало, но мои спутники мгновенно очутились около меня, и мы вместе стали рассматривать удивительную находку. Скоро мы нашли еще несколько точно таких же черепков, покрытых краской и орнаментом.

На следующий день мы вооружились лопатами и ножами и стали осторожно слой за слоем расчищать это место. Крашенные черепки попадались не очень часто, зато много находили каменных орудий.

Прошло несколько дней. Утром мы отправлялись на берег Амура, а вечером: возвращались в школу, где остановились, и все колдовали над черепками, пытаюсь их склеить. И вот совсем неожиданно из фрагментов, которые подходили друг к другу, собралась маскаличина. Сердцевидный мягкий овал лица, глубокий вырез рта и чуть выпуклые губы. Непропорционально большие глаза. Очень осторожно выдавлен нос, так, что трудно

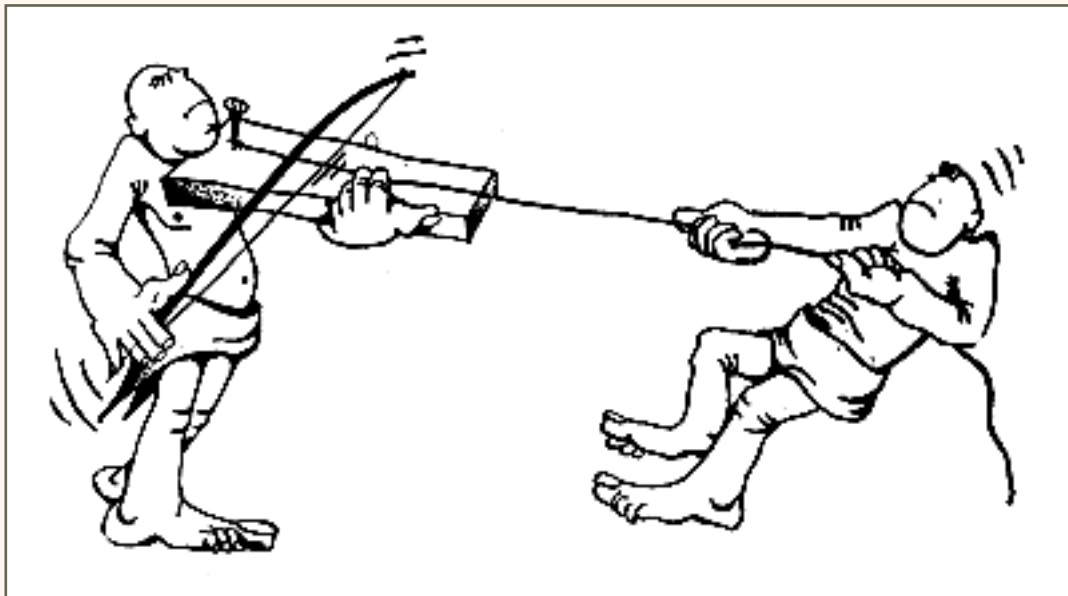
сказать, где он начинается. Вся поверхность лица, за исключением глаз покрыта мелким сетчатым орнаментом. Рядом с лицом какие-то изображения в виде лап с когтями. Рисунок нанесен в верхней части большого слабопрофилированного сосуда. Позднее удалось найти еще одно изображение меньших размеров. В нем глаза показаны в виде глубоко прочерченных кругов.

Интересно сравнить эти две маски. Первая довольно сильно напоминает сакачи-альянские маски-личины. От нее веет каким-то холодом и угрозой. Вторая больше похожа на человеческое лицо с широко раскрытыми глазами. В ней есть мягкость и очарование. Очень жаль, что Амур успел до археологов унести и похоронить часть этого удивительного сосуда. Несмотря на самые тщательные поиски, нам удалось собрать лишь немного фрагментов, из которых трудно вылепить единое целое. Но вполне возможно, что первая маска-личина, находящаяся в верхней части сосуда у венчика, — какое-то верховное божество. Несколько ниже с двух сторон (нами найдена еще половина личины, аналогичной второму изображению) нарисованы два его помощника, служителя. А вокруг этих изображений орнамент из кружков, спиралей, волнистых линий. Несомненно, этот сосуд сделан талантливой рукой большого мастера, который сумел не только вылепить изображения, но и передать их внутреннее содержание.

При раскопках обнаружены и обычные для нижнего Амура сосуды, украшенные спиральным орнаментом и амурской плетенкой. Люди жили здесь в то же время, что и в неолитическом поселении у села Кондон. В Вознесенском найдены такие же, как в Кондоне, каменные топоры, копья. Наконечники стрел. Обнаружено много древней посуды. Большинство сосудов украшено затейливым резным орнаментом. Но чаще всего сосуды украшались спиралью. Причем она, опоясывая сосуд, не прерывалась: одна спираль вписывалась в другую. Многие сосуды древние мастера-художники перед прочерчиванием спирали покрывали мелкими оттисками штампа в виде гребенки. Удивительно, что такая же спираль есть и среди наскальных изображений у села Сакачи-Алян. Прием спирали здесь неоднократно применялся древними мастерами. Некоторые личины представляли собой как бы непрерывно развертывающуюся полосу, которая, начиная обычно с правого глаза, окружает его и концентрическими окружностями сплошь заполняет всю личину.

Художники, оставившие рисунки на глыбах у Сакачи-Аляна, маски-личины у Вознесенского и поселка в Кондоне, жили в одно время и были родственны. Они относятся к одной нижнеамурской культуре. У них были одни традиции, одна техника обработки камня, высокое и оригинальное искусство. Такой мы сделали вывод.

Как бы в дополнение в 1963 году при раскопках на поселении в Кондоне рядом с целой группой сосудов, украшенных спиральным орнаментом, была найдена скульптура молодой женщины. По совершенству техники исполнения и выразительности она является одним из ярчайших образцов искусства каменного века. Нежная красота, юность, спокойствие и строгость соединила искусная рука древнего мастера в небольшом портрете. В Европе, Средней Азии того времени почти все женские скульптуры передавали в основном отличительные признаки женского пола. Их связывали с культом плодородия. Совсем в другой манере выполнена эта скульптура. Основное внимание древний мастер уделил лицу. Оно юно и одухотворенно. Но главное — это скорее всего индивидуальный портрет. Все черты лица вылеплены тщательно и любовно. Трудно даже предположить, что древние мастера могли одновременно создавать и наводящую ужас маску божества, и образ совсем земной, обаятельной женщины.

Скрипач

Не только думы о завтрашнем дне, о пище и крове беспокоили народы Амура пять тысяч лет назад. Воспринимая прекрасное, они могли выразить это чувство и оставить нам яркие рисунки на камнях, своеобразный орнамент на сосудах и, наконец, воплощение идеала красоты в образе женской фигурки.

Сейчас можно сказать с точностью до нескольких десятков лет, когда на Амуре жили эти удивительные мастера-художники. Поселение в Кондоне датируется углеродным анализом 4520 ± 20 лет тому назад... Значит, к этому времени относятся и изображения в Сакачи-Аляне, и маски-личины из Вознесенского.

Облик лица скульптуры из неолитического поселения в Кондоне очень напоминает лица нанайских девушек, работавших на раскопе. Но не только внешнее сходство сближает племена, жившие на Амуре пять тысяч лет тому назад, и современных нанайцев и ульчей. В одежде, резных украшениях на дереве и бересте — всюду можно увидеть спирали, нижеамурскую плетенку, орнамент, похожие на сакачи-альянские и Вознесенские.

Истоки искусства и культуры малых народов Амура уходят в глубокую древность — каменный век. Именно там зародилась богатая и своеобразная орнаментика, которая привлекла внимание в XIX веке Л. Шренка и Б. Лауфера и дошла до наших дней. Именно там шло вызревание самобытных традиций в искусстве, преданиях и верованиях. Уже в неолите произошло формирование своеобразного этнического мира бассейна нижнего Амура.

Выявить историческую специфику развития древних культур Амура, проследить исторический путь носителей этих культур — задача увлекательная и захватывающая. Она особенно интересна тем, что более глубокое изучение самобытности древних культур Приамурья поможет преодолеть некоторые традиционные заблуждения, в первую очередь стремление преувеличить культурное влияние древнеземледельческой цивилизации, существовавшей в Китае со времен неолита.

Давняя самобытность культуры амурских народов установлена работами археологов. Раскрылся новый художественный мир, настолько своеобразный, полный такой могучей творческой силы, что отныне уже нельзя сомневаться в его самостоятельности, в его собственных исторических корнях. А заодно в том, что он занимал около 5 тысячи лет тому назад в мировой истории искусства каменного века свое собственное место наряду со всеми другими, более сильными и крупными в то время культурно-историческими очагами. И кто

знает, как далеко и как глубоко на север и на юг распространялось влияние амурской культуры.

Кузнецы и гончары Дальнего Востока

В неолитическое время на юге Дальнего Востока формируются яркие и своеобразные культуры. Наблюдается поистине расцвет как материальной, так и духовной жизни. Оседлый образ, появление земледелия на Среднем Амуре, изобретение блесны рыбаками Нижнего Амура, искусство, одно из ярчайших в древнем мире, — все это ставило культуру амурских племен в один ряд с передовыми цивилизациями Востока и Запада и предопределило ее дальнейшее развитие.

Металлургия меди возникла на планете в пятом-четвертом тысячелетии до нашей эры. Наиболее ранние очаги металлургии возникают в долинах Нила, Тигра и Евфрата, затем в Северной Индии, Средней Азии, Европе. К середине второго тысячелетия бронзовый век распространился на значительной территории Африки, Европы и Азии. Участвовали в процессе освоения нового материала и племена Сибири.

Появление изделий из металла в Сибири во второй половине третьего тысячелетия до нашей эры связывается с племенами афанасьевской культуры, которые, видимо, представляют собой крайнюю восточную ветвь европеоидных племен обширного степного и лесостепного пояса Евразии. В быту у афанасьевцев еще широко употребляются различного рода каменные орудия. Металл используется в основном для украшений, починки деревянных сосудов, изготовления игл, шильев, небольших ножичков. Использовались афанасьевцами не только медь, но и золото, и метеоритное железо. Металл обрабатывался преимущественно ковкой. Афанасьевцы были и охотниками и рыбаками, занимались также земледелием и скотоводством. Разводили овец, коров и лошадей. При раскопках афанасьевской хозяйственной ямы в Денисовой пещере в Горном Алтае обнаружено большое количество зерна.

В начале второго тысячелетия до нашей эры на юге Сибири распространяется окуневская культура. На смену европеоидному населению приходит монголоидное. Основное занятие окуневцев — скотоводство. Они, видимо, были и первыми металлургами Сибири. В памятниках окуневского времени встречается значительное число изделий из меди и бронзы, в том числе и литые.

Настоящий расцвет бронзолитейного производства в Сибири происходит во второй половине второго тысячелетия до нашей эры и связан с андроновской и карасукской культурами. В это время все основные орудия труда и вооружения изготавливаются из металла.

Племена Приморья и Приамурья также, должно быть, во второй половине второго

тысячелетия до нашей эры познакомились с металлом. К этому времени в Приамурье относятся поселения на реке Анго, в пади Степаниха и у села Кондон.

Первое поселение открыто в устье реки Анго при впадении ее в Зею. Оно расположено на небольшой площадке, прижатой к высокому крутому мысу. В культурном слое вокруг очагов обнаружены отщепы и ножевидные пластины, некоторые из них отретушированы. В одном слое с каменными изделиями найдена бронзовая бляшка в виде двух кружков, соединенных нешироким перехватом.

В двадцати километрах от города Благовещенска, в пади Степаниха, на высоком берегу Амура в 1961 году рядом с поселением раннего железного века раскопана небольшая площадка с очагом, являющимся остатками временного жилища типа чума. Там же встречена остродонная керамика, точно такая же, какая употреблялась племенами Прибайкалья во втором тысячелетии до нашей эры, тогда как для Дальнего Востока в целом начиная с неолита характерна только плоскодонная керамика.

Круглодонная керамика обнаружена и на Нижнем Амуре при раскопках многослойного поселения Сорголь у нанайского села Кондон. Она украшена орнаментом в виде кружочков и косых насечек. В одном из жилищ найден небольшой бронзовый нож. Длина его 14,5 сантиметра, ширина 1,8 сантиметра. В этом жилище найдены также несколько прямоугольных в сечении топоров и тесел.

При раскопках большого неолитического поселения в селе Кондон у здания почты в междужилищном заполнении обнаружены бронзовый рыболовный крючок, обломки ножа и прямоугольного в поперечном сечении топора и пест.

Почти все памятники этого времени располагаются или на крутых, труднодоступных мысах, или в глуши, в удалении от больших рек, которые в древности были наилучшими «дорогами». Один из таких поселков в пади Харинской в Приморье находится на вершине холма с крутыми склонами и к тому же защищен еще и глубоким рвом. Но, несмотря на эти предосторожности, поселок был уничтожен, судя по всему, врагами. Жилища в пади Харинской округлы в плане, стены поддерживались многочисленными столбами. В центре размещался очаг в виде ямы прямоугольных очертаний. Один очаг устроен в виде ящика из плит. При раскопках в жилищах найдено большое количество сосудов. Некоторые из них вкопаны в пол, там, видимо, хранилось зерно.

Здесь же нашли каменные шлифованные топоры или тесла, круглые и прямоугольные в поперечнике (оббитые и ретушированные изделия почти не встречались), а также наконечник копья с черенком и продольной жилкой, имитирующий металлический прототип. Особый интерес представляют шиферный наконечник копья и каменная пуговица-бляшка — имитация бронзовых, известных в иньских и карасукских памятниках Китая и Сибири. Жилища «харинцев» продолжают в своей планировке и строительных приемах старые традиции. Это говорит о том, что данная культура выросла на местной основе. Предками племен, оставивших поселения в пади Харинской, являются не какие-нибудь пришельцы, а аборигены, жившие на территории южной части Дальнего Востока в конце каменного века. В дальнейшем, когда на соседних территориях в Сибири и в Забайкалье научились выплавлять бронзу, техника выплавки стала известна и племенам Приамурья и Приморья.

Находки в Приморье позволяют утверждать, что знакомство племен Дальнего Востока с бронзой произошло рано. Наиболее многочисленные находки бронзовых изделий плавильных форм открыты в последние годы приморскими археологами Ж. Андреевой и Д. Бродянским. В Приамурье находки бронзовых изделий пока эпизодические. Здесь в течение почти всего второго тысячелетия до нашей эры продолжали выделывать орудия труда и вооружение из камня, по-видимому, потому, что на этой территории не было месторождений меди. Немаловажную роль в соревновании камня и металла сыграли и сильнодействующие

яды, которыми охотники смазывали каменные наконечники копий и стрел и тем самым увеличивали их эффективность.

Появление изделий из бронзы в бассейне Амура нужно связывать или с приходом на эту территорию племен из Сибири, или, что скорее всего, с торговлей и обменом, хотя можно предположить, что в некоторых районах существовало свое литейное производство.

Несмотря на отсутствие металла, материальная культура приамурских племен пребывала на высоком уровне. Земледелие на этом этапе становится одной из основных отраслей хозяйства. В конце второго тысячелетия до нашей эры в Приморье и Приамурье, возможно, появляется и плуг. Земледелие сыграло большую роль в дальнейшем прогрессивном развитии материальной культуры дальневосточных племен. Высокий уровень хозяйства и культуры племен Приамурья и Приморья способствовал тому, что на этой территории уже в конце второго — начале первого тысячелетия до нашей эры появилось железо, которое быстро вытеснило все другие материалы для изготовления орудий труда и вооружения.

Последним пунктом нашего маршрута в 1961 году был остров Урильский. Уже заканчивался сентябрь, начались запоздалые осенние дожди. Каждый вечер мы намечали марш-бросок, но на следующий день находили что-нибудь новое и интересное и поэтому продвигались вперед очень медленно.

Лишь в начале октября мы добрались до села Новопокровка и речки Урил, в устье которой и находился остров — конечный пункт намеченного на этот год маршрута. Почти 60 лет назад здесь впервые побывал местный краевед Алексей Яковлевич Гуров и собрал великолепную коллекцию каменных орудий.

Прежде всего нас поразили контраст между северным и южным берегами острова. Северный берег угнетал мрачностью, сыростью и какой-то первозданной дикостью. На южном же берегу нам открылись прекрасный песчаный пляж, залитый солнцем, высокий яр, с которого свешивались толстые липы и березы, обвитые лианами лимонника. Рядом росли виноград и маньчжурский орех. Холодный ветер с севера задерживался сплошной стеной леса и не достигал южного берега. Здесь был своеобразный микроклимат.

Первые же минуты пребывания на острове доставили нам и радость и огорчение. Всюду на прибрежной отмели лежали десятки превосходно обработанных каменных наконечников стрел и копий, ножей. Во время наводнений Амур размывал берега, а вместе с ними и древние жилища. Но значительная часть поселения была уничтожена во время разливов. Сколько интересного, может быть, уже невосполнимого смыто водами Амура!

На острове люди селились несколько раз. Первыми пришли сюда племена каменного века. Потом остров заселялся, возможно неоднократно, людьми, знавшими уже железо.

В большом жилище, раскопанном нами, мы нашли много изделий из камня: прямоугольные в поперечном сечении топоры, тщательно зашлифованные наконечники стрел ромбической формы и с выемкой в основании, скребки и проколки. Сравнительно небольшой процент орудий труда выделяли из шифера. Широко применялась кость, из которой вырезались проколки, шилья, иглы, латы. Орудий труда из железа обнаружено немного: два небольших кельта, нож и наконечник стрелы, а также бронзовая подвеска. Из орудий хозяйственного назначения найдены грузила для сетей, куранты, песты и зернотерки.

Перед нами встали две проблемы. Какие племена жили на этой территории в раннем железном веке и когда у них появилось железо?

В целом многие элементы урильской культуры имеют общие черты с янковской культурой,

известной по раскопкам ряда поселений в Приморье: формы, техника изготовления и орнаментация больших сферических и шаровидных сосудов. Аналогичны в этих культурах прямоугольные в сечении топоры и изделия из кости и шифера. Большой интерес представляют совершенно одинаковые своеобразные железные тесловидные инструменты, найденные на острове и на поселении Песчаном.

Следовательно, в раннем железном веке в Приморье и Приамурье жили родственные племена. Но к какому времени относятся их поселения? Ответить на этот вопрос помогли другие памятники железного века. Оказалось, что очень часто жилища янковской культуры прорезаны более поздними постройками других племен, которые расселились в Приморье в самом начале первого тысячелетия до нашей эры. Значит, племена янковской культуры обитали в Приморье и Приамурье еще раньше, в X—VIII веках до нашей эры.

На первый взгляд ничего необычного в этой дате нет. Но дело в том, что этим племенам уже было известно железо, которое, как считают многие ученые, появилось в середине второго тысячелетия до нашей эры у хеттов, от них распространилось в Египет, Малую Азию, Европу и далее по всему свету.

В соседних с Приамурьем и Приморьем странах железо утверждается довольно поздно. В Корее железный век наступает в середине первого тысячелетия до нашей эры, в Китае - в VIII-VII веках до нашей эры. Следовательно, племена Приамурья и Приморья одними из первых в Восточной Азии освоили новый материал.

Это можно объяснить тем, что у них был высокий уровень материальной культуры и к тому же они знали технику выплавки бронзы, но из-за недостатка меди выплавляли ее в очень ограниченном количестве. Сведения о новом металле — железе — могли быстро проникнуть к ним через кочевые народы Малой и Центральной Азии и далее через Забайкалье. Железных руд в Приамурье очень много, поэтому древнее население этих мест быстро освоило выплавку железа, и оно успешно внедрилось в их хозяйство.

Железо сыграло революционную роль в дальнейшем развитии экономики приамурских племен. Применение орудий труда из железа позволяло расчищать большие участки от леса и кустарника, лучше обрабатывать землю, а железными серпами быстрее и без больших потерь убирать зерновые. На соседних с Приамурьем и Приморьем территориях в это время по-прежнему употреблялись бронзовые орудия труда, и техника выплавки бронзы здесь достигла большого совершенства. Только позднее, в IX—VIII веках, железо постепенно начинает вытеснять бронзу, вначале в Китае и Корее, а потом и в Японии.

Археологов часто спрашивают: как вы находите древние памятники? На этот вопрос ответить непросто. Безусловно, есть свои закономерности в том, где селится человек. Обычно это место на берегу реки или озера. Во-первых, здесь питьевая вода, во-вторых, пища, в-третьих, реки — самый удобный путь сообщения. По высоким берегам человек стремился селиться еще и потому, что они не затапливаются во время наводнений. И все же древние памятники мы нередко открываем с помощью местных жителей. Многие из них находят посуду, каменные и железные наконечники стрел и другие предметы, связанные с жизнью древнего человека. Но лишь немногие сообщают о своих находках ученым, в большинстве случаев просто не придают этому значения. И, только встречаясь с археологами во время раскопок, желающие посмотреть, что «откопали», вдруг вспоминают, что «там-то видели что-то похожее». Археологи всегда стараются проверить подобные сообщения.

Так случилось с открытием одного из интереснейших памятников Дальнего Востока — поселения раннего железного века у села Кукелева в Еврейской автономной области в 10 километрах от Амура.

В 1962 году мы вели в этом селе раскопки поселения раннего железного века, такого же, как и на острове Уральском. В один из дней к нам на раскоп пришла женщина и рассказала, что подобные ямы-западины она видела в местности под названием Польце. В тот же день мы решили это проверить.

Польцем местные жители называли небольшую релку, поросшую дубняком и березой. Она тянется на протяжении многих километров вдоль стариц и озер. В одном месте релки нам сразу же бросились в глаза большие чашевидные западины глубиной до двух метров, которые, судя по конфигурации и глубине, могли быть только остатками древних жилищ. Стоило нам войти в одну из них, густо поросшую кустарником и травой, полчища комаров и мошки облепили нас с головы до ног. Одежда, руки, лица за минуту стали серыми от гнуса. Окружающие мари и болота были для них сущим раем. Такая негостеприимная встреча несколько охладила наш пыл и желание немедленно приступить к шурфовке. Вначале пришлось развести дымокур, а потом в одном из жилищ решили сделать шурф, чтобы выяснить, к какому времени оно относится. Вдвоем с Б. Сапуновым (ныне доцентом Благовещенского института) мы приступили к работе. Сверху нещадно палило солнце. Дым застилал все кругом, ел глаза, но комары стали еще злее и, словно растревоженный улей, тучей вились вокруг своих жертв. Наконец мы сняли дерн и только углубились на 30 — 40 сантиметров, как из земли показался венчик большого сосуда. Пришлось осторожно зачищать вокруг него слой. Немного глубже мы наткнулись еще на один сосуд, который лежал на боку. Оба сосуда оказались целыми. Не обращая внимания на гнус, мы быстро расширили шурф и начали осторожно снимать слой за слоем. Через час, когда показалось наконец дно первого сосуда, мы остановились на мгновение, завороженные открывшейся картиной: вокруг сосуда в раскопе виднелись горелые балки, а на них и под ними на боку, вверх дном, в самых различных положениях лежали почти вплотную друг к другу и совершенно целые и раздавленные сосуды. Всем нам в ту минуту виденное казалось счастливым сном.

На поселении Польце мы вели раскопки в течение нескольких лет. Год за годом перед нашими глазами открывались необычные страницы трагической истории одного амурского племени.

Возможно, это было так... Шаловливый ветерок к вечеру присмирел и вел тихую беседу с жухлыми травами, перебирал жесткие высохшие листья молодых дубов и берез. На западе, над самыми горами, висел кровавый диск солнца, готовый вот-вот опуститься за горизонт. Косые лучи его бросали длинные тени. Вслед уходящему солнцу протяжно и тоскливо выли собаки. Босоногие ребятишки с криком носились между домами, загоня коз в деревянный загон. В центре поселка, у Большого дома, собрались старики и пожилые мужчины. Шло обсуждение предстоящего праздника урожая. Все ждали выхода главного шамана, который должен назвать день праздника. Год этот обещал быть хорошим. После уборки урожая все хранилища и большие сосуды наполнены зерном. Его должно хватить на всю зиму. Совсем недавно начался перелет птиц, а охотники уже успели запасти много мяса. Вокруг поселка в березняковых колках летом часто видели большие стада диких коз, изюбра и кабана. Если зимой не придут волки и не угонят животных на север, охота тоже обещает быть удачной.

Стемнело быстро. Один из сидящих принес большой камень с выдолбленной посередине лункой. Насыпал в нее мелких сухих древесных стружек, вставил в лунку тонкую длинную палочку, сделал петлю на тетиве лука и начал быстро вращать палочку. Вскоре показался дымок, а потом робкая струйка пламени. Приготовленный заранее хворост ярко вспыхнул, освещая лица, раскрашенные красной краской. Вдруг разговоры стихли. Звеня погремушками и бубенцами, из дома вышел главный шаман. Его сопровождали старейшины и два ближайших помощника. На голове шамана большая шапка с рогами оленя. Одет в кожаную куртку и такие же штаны. На груди и поясе тускло поблескивали нефритовые кольца. В руках он держал бубен с нарисованными на нем красной краской зверями и птицами. Он приблизился к костру, постоял, словно прислушиваясь, и начал размеренный танец, ударяя в такт бубном. Ритм все убыстрялся и убыстрялся, пока шаман не закурился

в бешеном вихре. Все, затаив дыхание, смотрели на шамана, душа которого в это время была далеко, далеко, в гостях у Великого духа Неба и Земли. Наконец он в изнеможении повалился у костра и затих. Прошло немного времени, и он заговорил?

«Великий дух Неба и Земли дал хороший урожай. Он обещал зимой хорошую охоту. Праздник урожая будет в полнолуние, когда на небе покажет лицо брат Великого духа». Шаман помолчал, потом заговорил снова: «На Великой реке появились чужеземцы. Они многочисленны и уже уничтожили несколько родственных нам племен. Мы живем далеко от Великой реки, и чужеземцы пройдут мимо нас. Но наши дома не должны оставаться без воинов. Все мужчины должны быть готовыми к войне, и до праздника урожая на несколько дней отменяется охота».

Лица сидящих у костра мужчин посуровели. Давно уже в этих местах не было войны, и вот теперь откуда-то пришли чужие люди, которые разоряли поселки и убивали всех мужчин и женщин. Шаман ушел. Мужчины еще долго сидели у костра, тихо переговариваясь между собой. С окружающих низин потянул туман, словно молоком окутал деревья и дома, наполовину вросшие в землю. Старые воины рассказывали об охоте и войнах, в которых им пришлось участвовать. Но наконец все стали расходиться. У костра осталось два воина, вооруженных короткими мечами и луками. На груди у старого воина тускло поблескивал панцирь из железных пластин. На молодом воине панцирь был из костяных лат. Эти двое должны охранять сон всего племени.

На рассвете старый воин услышал какие-то шорохи и шум в ближайшем леске. Он прислушался и различил тихие голоса. Вскочив, он крикнул, но тут же был сражен стрелой, попавшей ему в горло. Из лесу выбежали толпы воинов и с диким криком бросились к поселку. Вспыхнул огонь, и запылала крыша крайнего дома, от нее огонь попал на соседнюю, и через мгновение горело уже больше половины поселка. Из домов выбегали полураздетые женщины, которые тащили за собой плачущих детей. Мужчины, вооружившись луками, копьями и топорами, пытались сдержать натиск врага. Но нападающих было слишком много. Старейшина крикнул, чтобы люди пробивались к лесу, только там, среди зарослей и деревьев, единственное спасение. Один за другим падали воины. Под летящими тучами стрел гибли дети, женщины. Лишь немногие смогли пробиться к лесу. Но нападающим досталась небольшая добыча: горящие дома рушились один за другим.

На следующий день над дымящимися развалинами уже кружились стаи воронов. По ночам над пепелищем долго еще слышался вой одиноких собак. Люди ушли из этих мест. Ушли навсегда. И никто, казалось, уже не потревожит печальных пепелищ, не расскажет потомкам о трагической гибели поселка. Так, наверное, и было бы, не будь науки археологии. На место, где когда-то кипела человеческие страсти, приходят люди с лопатой и шаг за шагом восстанавливают историю жизни племен и народов, историю давно минувших времен.

Нередко, когда к нам на раскопки приходили очередные экскурсанты, раздавался смех и шутки по поводу «гробокопателей». Но проходило пять, десять минут, час, и перед «шутниками» открывались остатки стен жилищ и нар, на которых когда-то стояли большие сосуды, полные зерна и запасов пищи, рядом маленькие пиалы, миски, кружки, из которых люди ели и пили несколько тысяч лет назад. Лежали детские сосудики величиной с наперсток, которыми играли маленькие хозяйки. В центре виднелись остатки очага, вокруг которого в долгие зимние вечера сидели старики и дети; взрослые рассказывали об охоте, войнах и, конечно, легенды и сказания. У людей были свои радости, заботы, горести. Но пришли враги и прервали мирный труд людей. Всюду мы видели следы все пожирающего огня. И этот огонь, уничтоживший поселок, сохранил много интереснейших фактов, принес археологам много удивительных открытий. Благодаря ему археологи смогли наблюдать поразительные картины из жизни обитателей поселка. Это была своеобразная Помпея Дальнего Востока, в каждом из жилищ встречалось до двухсот и более сосудов, причем

большая их часть хорошо сохранилась. Многие из них заполнены зерном. Сосуды самых различных форм украшены затейливым орнаментом. При раскопках найдены сотни орудий труда и украшения: кольца из нефрита, бусы, серьги, подвески. Бегство оказалось настолько поспешным, что люди оставили все самое необходимое, даже железные и бронзовые изделия, невероятно дорого ценившиеся в то время.

Раскапывая поселение, археологи всюду видели смерть и разрушение. В одном жилище у очага лежал опрокинутый горшок с кашей, в другом — кости человека, не успевшего выбраться из горящего дома или сраженного стрелой у родного очага. В третьем найдено скопление, состоящее из двадцати четырех больших сосудов, которые рухнули вместе с полкой и лежали одной грудой.

За пять лет учеными была вскрыта большая часть поселка, найдено около тысячи сосудов, много изделий из железа, кости, камня. Дома в поселке располагались без какого-либо определенного порядка, то вплотную друг к другу, то на расстоянии трех-четырёх метров. Благодаря наличию обгоревших конструкций можно восстановить такое жилище. Полуподземный дом, глубина котлована более метра. У стен котлована ставились столбы толщиной 10—20 сантиметров на расстоянии пятидесяти сантиметров друг от друга. К столбам горизонтально крепились толстые жерди или плахи шириной 25 сантиметров и толщиной до 10 сантиметров, составлявшие основу стен. В центре на расстоянии двух метров от очага ставились центральные столбы, служившие опорами для кровли. Крыша имела форму усеченной пирамиды. В верхней ее части находилось отверстие — вход, служивший одновременно для вывода дыма, подобно жилищам неолитических племен Амура. Кстати, у народов Амура такие дома были еще совсем недавно.

Летом основная часть времени обитателей поселка проходила вне жилищ. Возможно, в наиболее дождливое время, когда в полуподземном доме было очень сыро, люди жили в небольших шалашах. При раскопках пространства между жилищами мы находили остатки кострищ и целые сосуды.

Раскопки этого поселка позволили нам взглянуть в новый, неведомый мир жизни и быта племен Приамурья в период раннего железного века.

На Дальнем Востоке за последние годы раскопано много поселений, относящихся к раннему железному веку. Но, как правило, изделия из железа встречались довольно редко. Это объясняется тем, что железо очень ценилось, его берегли и даже обломки не выбрасывали, а собирали и переплавляли.

Железные предметы, найденные нами, связаны в основном с хозяйственными нуждами. Например, большие кельты в виде клина, полые внутри. Они служили наконечниками копалок для рыхления земли, а самые крупные из них могли быть наконечниками деревянной сохи. Рыболовные крючки сравнительно небольшие и крючки длиной до 15 сантиметров, выкованные из толстых заготовок и служившие, по-видимому, для вытаскивания из сети крупных рыб. Найдено и несколько каменных палиц, точно таких же, какие известны у нанайцев и ульчей для добывания тайменей и осетров. Иголочки и шилья по виду ничем не отличались от современных. Только сильная коррозия говорила об их древнем возрасте.

Из железа выделывали и предметы, связанные с охотой и вооружением: найдены наконечники стрел нескольких типов, ножи, панцирные пластинки, кинжалы. В пятом жилище обнаружен длинный прямой меч. Он напоминает меч скифов — акинак. Примечательно, что в соседних странах — Китае и Корее — железо до середины первого тысячелетия до нашей эры шло только на изготовление земледельческих орудий и различных хозяйственных предметов, а вооружение и украшения изготавливались из бронзы.

Очень много найдено латных пластинок, прямоугольных, тонких, с отверстиями по краям для нашивки спереди на рубашку из плотной ткани или из шкур животного. В одном из жилищ они лежали друг на друге «внахлест». Возможно, это остаток панциря какого-то воина. Для наиболее богатых соплеменников и для опытных воинов панцири делались из железных пластин, для остальных — из кости.

Обнаружено около десятка больших железных пластин, из которых вырубались заготовки наконечников стрел, ножей, крючков. Для обработки железа применялись специальные зубила, которых на поселении встречено около десятка. Железо на этом этапе становится практически главным материалом для изготовления орудий труда и вооружения.

Камень применялся уже гораздо реже. Из него делали наконечники стрел, скребочки, ножи. Причем техника обработки камня в связи с широким применением металла значительно понизилась. Ретушь грубая, прерывистая. Нет того изящества и красоты, как в неолите. При раскопках одного из жилищ найдено скопление более чем двадцати каменных и железных наконечников, лежащих друг около друга. Стрелы, по-видимому, были в колчане. Деревянные древки сгнили, и остались только наконечники, сохранившие свое первоначальное положение.

В жилищах археологи находили много зерна. Здесь жили земледельцы и воины амурских прерий. Они оставили глубокий след в истории народов Восточной Азии. Польцевские племена, как называют их специалисты, были современниками скифов и гуннов. Видимо, начало переселения последних на запад и послужило толчком к продвижению польцевцев в Корею, а затем и в Японию. Далеким потомкам этих племен, как показали раскопки приморских археологов Э. Шавкунова и Ж. Андреевой, принимали участие и в формировании Бохайского государства.

Кто же уничтожил поселок в Кукелеве? Пока ответить трудно. Возможно, на эту территорию пришли чужеземцы из-за Хингана, с верховьев Амура или из Забайкалья. Возможно, на поселок напало соседнее племя.

Когда это было? Радиоуглеродный анализ установил несколько дат. Более двух с половиной тысяч лет прошло с тех пор как в поселке у Кукелева костры потухли навсегда. По Амуру и в Приморье в то время жили племена, которые строили одни и те же по конструкции дома, украшали сосуды одинаковым орнаментом.

Археологи раскопали еще один большой поселок на высоком берегу Амура в районе Хабаровска. Обитателей его постигла та же участь, что и древних польцевцев. В жилищах грудками лежали десятки сосудов, изделия из кости и железа. Среди поделок из глины, найденных на поселении, оказалось три необычных, имеющих особое значение для истории древних культурно-этнических отношений на Амуре.

Первый такой предмет — модель щитка для большого пальца» употреблявшегося при стрельбе из лука всеми тунгусскими племенами Сибири и Дальнего Востока. Второй — миниатюрная глиняная модель лодочки-берестянки. У нее симметрично суживающиеся и слегка загнутые вверх узкие концы и немного выпуклое днище. Такие лодки-берестянки были важным изобретением тунгусских племен, сыгравших большую роль в освоении мелких речек обширной таежной зоны. Третий предмет — модель детской колыбели, которая в точности повторяет по своей форме колыбели тунгусских племен.

Все эти изделия свидетельствуют о глубоких исторических корнях аборигенного населения Амура. И очень важно, что некоторые элементы древней материальной культуры сохранились в неизменном виде почти до наших дней, что свидетельствует о давней

традиции и преемственности в культуре на протяжении нескольких тысяч лет.

Дороги древних ведут в современность

Когда пришлось много лет назад лететь на самолете по трассе будущей Байкало-Амурской магистрали, под крылом медленно проплывали озера и реки, тайга сменялась заболоченными поймами и лишь редко-редко внизу виднелись селения. Сейчас этот край активно осваивается. Надо обладать большим воображением, чтобы представить себе, какой будет сибирская и дальневосточная земля в начале третьего тысячелетия. Но, главное, можно сказать уверенно: здесь все будет сделано для того, чтобы максимально использовать природные богатства края, поставить их на службу человеку. С новой силой будут звучать пророческие слова Ломоносова о том, что «могущество Российское прирастать будет Сибирью и Северным океаном...».

Стройка века... Магистраль века... Дорога мира, дорога в будущее... Так называли и будут называть Байкало-Амурскую магистраль у нас в стране и за рубежом. Все это не просто красивые слова, в каждом из них заключен глубокий смысл.

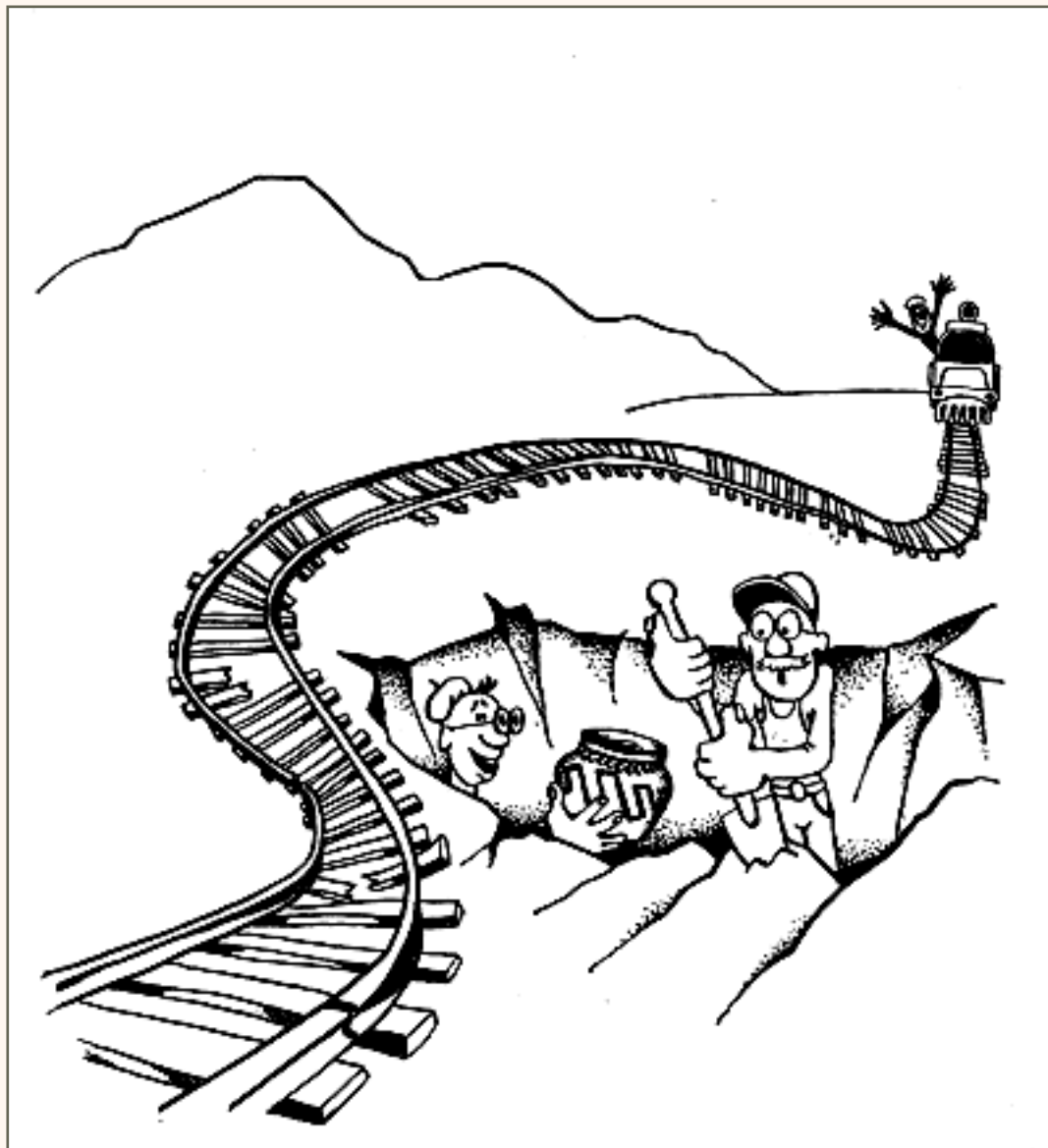
Строительство магистрали вызвало к жизни множество проблем экономического и социального порядка, в том числе и проблем, связанных с изучением истории народов, населявших обширные территории, где пройдет магистраль. В нашей стране существует обязательное правило, что рядом, а иногда впереди строителей, всюду, где разворачиваются новые гигантские стройки, трудятся археологи, спасая для будущих поколений драгоценные памятники прошлого.

В Сибири и на Дальнем Востоке уже накоплен большой опыт по изучению памятников культуры и проведению охранных работ. Этнографы, историки и археологи вели исследования в зоне строительства Братской, Иркутской, Усть-Илимской, Красноярской, Саяно-Шушенской ГЭС, сохраняя исторические и культурные ценности. Большие охранные археологические исследования в Сибири ведутся и во всех районах промышленного и ирригационного строительства.

Еще в период первого этапа строительства БАМа (в 30-е годы) была организована Амурская экспедиция, целью которой ставилось «выявление, учет и организация охраны памятников истории материальной культуры, искусства (туземного населения в особенности), истории революционного движения, находящихся на трассе участка Байкало-Амурской магистрали».

Археологам первой экспедиции удалось пройти головной участок трассы — от станции Тахтомыгда до проектируемой станции Тында. Экспедиция продолжалась почти полтора месяца. Она обнаружила каменные выкладки у проектируемой станции Бам, погребения

близ пункта Бита, остатки стойбища у ручья Мутыгин. К сожалению, эта экспедиция до войны была первой и последней.

Дороги древних

С новым строительством Байкало-Амурской магистрали вновь появилась необходимость детального изучения памятников прошлого на территории, по которой пройдет магистраль и будут строиться крупные промышленные объекты.

21 июня 1975 года из Улан-Удэ я вылетел в Нижнеангарск, откуда должна была начать работу наша небольшая экспедиция по исследованию археологических памятников на Западном и Центральном участках БАМа. Самолет летел над тайгой. Насколько хватал глаз, внизу расстилалось бескрайнее зеленое море. Показался Байкал, и все пассажиры приникли к иллюминаторам. Сколько легенд, преданий, песен сложено в течение веков об этом удивительном творении природы. Когда стоишь на высоком мысу и перед тобой открывается удивительная картина, можно любоваться часами. Голубое небо, сосны, прилепившиеся к крутым склонам. Грозен Байкал, когда внезапно вырвется из долины Баргузина холодный пронизывающий ветер, и горе тому, кто окажется в лодке, вдали от берега. Особенно поразителен Байкал, когда смотришь на него с самолета. Высокие берега, поросшие лесом, изумрудным ожерельем окаймляют голубоватую рябь воды. А дальше от берега поднимаются островерхие горы. На гольцах темными пятнами лежит зимний снег.

В Нижнеангарске меня встретил кандидат исторических наук А. Мазин. С ним мы прошли

много таежных рек и троп в Сибири и на Дальнем Востоке. Хорошо помню, как в 1963 году он, студент Благовещенского пединститута, впервые попал в нашу археологическую экспедицию. Заядлый турист, спортсмен, первое время он не мог в дождь разжечь костер, а однажды во время дежурства на кухне у него подгорела уха, что не каждому удается. За эти годы Мазин стал хорошим специалистом и настоящим таежником. Огромная борода, необъятная ширина плеч, выдубленное на ветру и солнце доброе лицо сразу привлекало и располагало к нему людей. Надежный товарищ, который умеет делать все в экспедиции, он был незаменимым спутником. Анатолий Мазин только что вернулся из очень трудной экспедиции по Олекме.

Река эта сложная. В верхнем течении изобилует порогами и перекатами. На речке Большой Немырь лодка перевернулась на пороге, и несколько суток ему и его сотрудникам пришлось без продуктов, с остатками экспедиционного имущества выбираться из нехоженой тайги. Многие им пришлось испытать.

С первых дней в Нижнеангарске мы попали в рабочую атмосферу строительства БАМа. Нам предстояло переправить резиновую лодку с небольшим, трехсильным мотором и экспедиционным снаряжением к Северо-Муйскому хребту, чтобы оттуда спуститься по Верхней Ангаре — одной из крупных рек, впадающих в Байкал. Проще всего это сделать вертолетом. Но их не хватало. Шла горячая пора у строителей, изыскателей, геологов. Десятки начальников партий и групп с раннего утра осаждали организации, в распоряжении которых были вертолеты, но ответ везде был один: нет свободного борта и когда он появится, неизвестно. Мы понимали всю сложность обстановки. Лето короткое, и в сжатые сроки десяткам организаций необходимо к району работ отправить людей и оборудование. С утра, убедившись в бесплодности своих ожиданий, мы с Мазиным отправились на моторной лодке, которую на время нам дали в райкоме комсомола, обследовать берега Байкала и речки, впадающие в его северную часть.

Ранее, в 1963—1965 годах, в этом районе работали археологи во главе с моим старым другом, доцентом Иркутского университета В. Свиныным. Они открыли и обследовали целый ряд древних стоянок и поселений, относящихся к разным хронологическим эпохам.

Северное побережье Байкала от Баргузинской бухты до поселка Нижнеангарска представляет измененную и сильно заболоченную местность с большим количеством озер, стариц и проток рек Кичеры и Верхней Ангары. Как бы продолжением низменности является узкая и длинная песчаная коса-остров Ярки, протянувшийся прямой линией от местности Чичевки до среднего Дагарского устья реки Верхней Ангары. Заболоченность этой береговой линии Байкала представляла большие трудности для расселения здесь древнего человека.

Более интересным оказалось северо-западное побережье Байкала. Сравнительно отлогие склоны гор, поднимающиеся к Байкалу, глубокие пади и долины речек создавали большие удобства для древних поселенцев, и наиболее интересные следы культуры исчезнувших эпох хорошо сохранились именно в этом районе.

Первые поселения древних людей удалось обнаружить почти в центре поселка Нижнеангарска. Через поселок здесь протекает небольшой ручей Сырой Молокан, впадающий в Байкал. Неподалеку от устья ручья поднимается вершина, которую местные жители называют Лысой сопкой, соединяющаяся седловиной с горным хребтом. При осмотре вершины сопки и ее склонов мы нашли большое количество подъемного материала — обломки сильно окатанной керамики, кварцитовые отщепы, каменные орудия: скребки на отщепах — для выделки кож диких животных и обработки деревянных и костяных изделий, ретушированные пластины, стерженьки рыболовных крючков и их заготовки. Больше всего находок встретилось на вершине сопки, представляющей сравнительно ровную площадку около 100 квадратных метров.

На этой площадке заложили раскоп. Удалось выяснить, что этот древний памятник двухслойный. Первый культурный горизонт залегал на глубине 20 сантиметров от современной дневной поверхности в слое красно-бурой супеси. Здесь обнаружили фрагменты хорошо орнаментированной глиняной посуды. Орнамент выполнялся различными штампами в виде многолепесткового цветка или вафельной сетки, треугольным штампом, а также острой лопаточкой по еще не обожженному сосуду. Орнамент, выполненный штампами, чередовался с наклепными рассеченными великами. Кроме керамики, в первом культурном слое встречены мелкодробленые кости животных, сильно пережженные, кварцитовые отщепы и орудия из кварца, кремня, халцедона, глинистых сланцев и нефрита.

Одежда

Ниже этого слоя залегала желто-бурая супесь с большим содержанием грубообломочного материала, которая лежала непосредственно на коре выветривания мраморовидных известняков. В этом культурном горизонте встречались сосуды, украшенные оттисками сетки-плетенки на внешней поверхности. Сосуды, видимо, относились к самому началу становления гончарства у местных племен. Древние гончары вырывали в земле углубление овальной формы, укладывали в него сеть, которую затем обмазывали глиной. Когда глина подсыхала, то ее вместе с сетью вытаскивали из углубления. Заготовку глиняного сосуда отделяли от сети, придавали ей более симметричную форму и обжигали. Этот начальный этап появления глиняных сосудов характерен многим племенам Прибайкалья и Забайкалья. Вместе с глиняными сосудами в культурном слое обнаружили каменные наконечники стрел

и копий, скребки и другие орудия труда.

По всей видимости, первые люди пришли на этот холм в неолитическую эпоху — шесть тысяч лет назад. Они были в основном охотниками на диких животных: лосей, медведей, изюбрей, коз, а также рыболовами, для которых Байкал служил надежным источником пищи.

Позднее, через полторы тысячи лет, здесь обосновались также охотники и рыболовы, об этом свидетельствуют орудия охоты и крючки для рыбной ловли. И в первом и во втором культурных слоях не найдено остатков постоянных жилищ. Люди жили в легких переносных типа чума жилищах, каркасом которым служили жерди, покрывавшиеся шкурами диких животных.

Неподалеку от Лысой сопки, в 300 метрах от устья ручья Сырой Молокан, на распаханых огородах местных жителей также удалось найти фрагменты глиняных сосудов с очень тонкими стенками и ножевидные отретушированные пластины. Эти находки сильно отличались от тех, что сделаны на Лысой сопке.

Большая группа древних стоянок и поселений обнаружена нами южнее Нижнеангарска на западном побережье Байкала. Несколько поселений открыты в бухте Большая Чана. Бухта хорошо отгорожена высокими хребтами от холодных ветров. Пятиметровая терраса здесь покрыта густой травой и вся усыпана цветами. Застоявшийся запах свежей зелени и цветов кружил нам головы, и казалось, что мы находимся не на Северном Байкале, а где-нибудь на юге. Подступающие к долине сопки, поросшие лиственницей и соснами, резко контрастировали с зеленым ковром, украшенным синими, белыми и красными цветами. Давно привлекало внимание человека это место своими природными условиями. Все поселения относились в основном к каменному веку. При раскопках обнаружены керамика, каменные орудия, изделия из кости, судя по которым здесь также жили рыболовы и охотники.

От бухты Большая Чана, далее на юг, берег Байкала весь изрезан небольшими заливами. Особый интерес представляет обширная пойма от мыса Курла до Северобайкальска. Она тянется на 15—20 километров, и во многих ее местах найдены древние поселения.

Наряду с неолитическими стоянками и поселениями раннего железного века нам удалось найти два памятника со сложной стратиграфией. Они располагались на небольшом расстоянии друг от друга. Первый открыт на высокой террасе байкальского берега в пади Малая Курла, в 300 метрах от устья ручья того же названия. В слое бурого суглинка под дерном и на размытом галечнике у воды собраны многочисленные фрагменты гладкостенной керамики и сосуды, украшенные шнуровыми отпечатками и оттисками лопаточки и штампа по всей поверхности. Сосуды гладкостенные, двух основных форм: слабопрофилированные в виде банок с толстыми стенками, орнаментированные поверху наlepными рассеченными валиками, и тонкостенные с расширяющимся туловом, украшенные по венчику косыми насечками, ниже которых наlepлены валики, а под ними хорошо заметны отпечатки в виде шнура. Один сосуд по форме и орнаменту оказался точной копией сосудов из погребений глазковской культуры Прибайкалья. Это было время, когда впервые племена, расселявшиеся в долинах Байкала и на Ангаре, стали пользоваться изделиями из меди.

Ниже культурного горизонта, относящегося к раннему металлу, залегал второй, неолитический. В нем найдены в основном орудия труда из камня и керамика, украшенная отпечатками сетки-плетенки, такая же, как и на Лысой сопке в Нижнеангарске. Еще ниже, в слое светло-коричневой глины, найдены грубые отщепы, нуклеусы, большие скребла и нож. Здесь не было наконечников стрел, характерных для неолитической эпохи, зато были массивные наконечники копий для охоты на крупных животных.

Такая же сложная стратиграфия наблюдалась и на втором памятнике, найденном в 1,6 километра от первого по левому берегу ручья. На террасе, которая, постепенно поднимаясь, примыкала к скальным обнажениям, разведочным раскопом было выявлено два культурных горизонта: неолитический и мезолитический. В нижнем слое, у очага, вместе с каменными орудиями обнаружены кости медведя, лося и косули. Люди впервые пришли на это место 10—12 тысяч лет назад, построили свои простейшие жилища, и в течение длительного времени на берегу Байкала горели костры, согревая одних из первых, кто полюбил эти удивительно прекрасные места.

...Все дни стояла хорошая погода. Яркое солнце растопило последние льдины, которые еще кое-где лежали вдоль берегов озера. Вертолета все не было. И в один из таких дней рано утром мы решили обследовать на моторной лодке берега Байкала в 50—60 километрах южнее Нижнеангарска.

Во второй половине дня стали сгущаться тучи, подул восточный ветер. По Байкалу заходили крутые волны с белыми барашками. Пристать было негде, вплотную к воде подступали высокие скалы, и мы пошли к Богучанскому острову, который чуть виднелся в надвигавшейся пелене тумана. Чем дальше мы отходили от берега, тем сильнее дул ветер. Лодку бросало словно щепку. Мотор натужно гудел, стараясь изо всех своих 20 лошадиных сил справиться с напором волны. Поднятая на гребень лодка обнажала корму, и винт начинал вращаться с бешеной скоростью. Его вой заглушал шум ветра, который дул навстречу. Мы медленно приближались к острову. Волна стала чаще заливать мотор, и он заработал с перебоями.

Пожертвовав остатками обеда, я стал котелком вычерпывать из лодки воду, которой становилось все больше и больше. Холод от промокшей одежды и высоких ледяных байкальских волн забирался внутрь тела. Мы не говорили с Анатолием Мазиным, да в этом адском шуме и грохоте и невозможно услышать друг друга. С надеждой смотрели мы на мотор, в котором было наше спасение.

До острова оставалось несколько сот метров, как пошел проливной дождь. Ветер немного утих, но волна оставалась прежней, а вода в лодке все прибывала. Анатолий на корме, у мотора, будто застыл. С его лица и бороды струйками стекала вода от дождя и волны, которая не стала меньше и продолжала заливать лодку. Шло время, казалось, мы совсем не приближаемся к острову. Механически я черпал воду, чувствуя, что от холода немеют руки и ноги. В эти минуты особенно верилось в многочисленные рассказы о коварстве Байкала. Какими одинокими и бессильными мы чувствовали себя среди разбушевавшейся стихии.

Последние десятки метров, отделявшие нас от острова, мы прошли чудом. Лодку почти наполовину залило водой, мотор работал на пределе возможностей и мог в любой момент заглохнуть. Какой долгожданной и надежной казалась нам земля под ногами. Выйдя на берег, мы уже не обращали внимания на дождь. После холодной байкальской волны теплый дождь нас только согревал. Неподалеку от того места, где мы пристали, стояла избушка рыбака. Для нас она была просто подарком судьбы. Мы перенесли в нее вещи, растопили печурку. Все вымокло, и мы, раздевшись, грелись у огня.

Вскоре вскипел чайник. Обжигаясь крепко заваренным чаем, мы молча глядели друг на друга и слушали свист ветра и рев волн. Под шум байкальской волны мы и уснули.

Разбудило нас солнце, проглядывавшее сквозь маленькое окошко. Оно только поднялось над Байкальскими горами, и его лучи освещали наше скромное жилье, приютившее нас в ненастный вечер. Мы позавтракали и вышли из дома. На улице было тихо. Байкал словно застыл, утомленный вчерашней бурей. Яркое солнце, веселое щебетание птиц среди деревьев. Ничто не напоминало о пережитом.

Обходя остров, мы вдруг увидели в обресе берега охристые пятна, заполненные темно-серой супесью. Длина их чуть более метра, а глубина до 40 сантиметров. Сверху их перекрывали крупные камни. Сомнений не оставалось — это остатки древних погребений.

При разборке трех погребений удалось обнаружить плохо сохранившиеся кости человека, зашлифованные каменные топоры, костяные кинжалы, имитирующие медные, фрагменты керамики, наконечники стрел. Дно и стены погребальных углублений оказались покрытыми толстым слоем охры. Сверху костяки также были засыпаны охрой — кровавиком, который часто применялся при захоронениях у племен Прибайкалья. По представлениям древних народов, он символизировал жизнь, и, посыпая умерших красной краской, они обеспечивали им жизнь в нижнем мире — царстве мертвых.

Несколько древних поселений и стоянок удалось обнаружить и в северной части Байкала — по речкам Холодной и Кичере. Они также относились к каменному и более позднему времени — эпохе бронзового и железного века.

Открытые и частично исследованные памятники на северном и западном побережьях Байкала в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали позволили наметить общую картину заселения этих мест человеком, последовательность и смену культур далекого прошлого.

Наиболее ранней стоянкой на Байкале являлась Лударская, исследованная ленинградским археологом Л. Хлобыстиным. Она относится к мезолиту — переводному этапу от палеолита к неолиту. В районе строительства БАМа также обнаружены стоянки на речке Курлы относящиеся к тому же времени. Нахождение и широкое распространение мезолитических поселений на северном побережье Байкала вполне вероятно, так как в это время совершенствуется охота, появляются лук и стрелы, зарождается и развивается рыболовство, а рыбные богатства озера и впадающих в него рек не могли не привлечь на его берега древних людей.

Если для определения хронологии до неолитических культур ведущее значение имеют каменные орудия, то в эпоху неолита не меньшее значение приобретает керамика, особенно на поселениях, часто не имеющих выраженных комплексов каменных орудий. На древних поселениях Северного Байкала и Чивыркуйского залива она была преобладающей и в ряде случаев единственной.

Исходным типом глиняных сосудов для Прибайкалья являются сосуды параболоидной формы с рельефными оттисками сетки-плетенки по внешней поверхности, с прямыми венчиками, украшенными одним-двумя рядами вдавлений круглой палочкой в виде ямочек или сквозных отверстий. В некоторых случаях сосуды имеют более сложную профилировку, отогнутый венчик и орнаментированы отступающими вдавлениями прямой, овальной или зубчатой лопаточкой. Вторая группа сосудов, более поздняя, по приемам орнаментации тесно связана с последующими по времени типами сосудов и иной техникой изготовления.

На стоянке Лысая сопка в Нижнеангарске в нижнем слое найдены остатки сосудов с оттисками сетки-плетенки, имеющие прямые венчики, украшенные одним рядом ямочек. Подобные остатки сосудов найдены на Байкале в четких стратиграфических условиях на многих стоянках.

Отсутствие хорошо выраженного комплекса каменных орудий, сопутствующих такой керамике на Байкале, затрудняет датировку. Однако по аналогии с чистыми комплексами на многослойных поселениях, раскопанных на Ангаре, эти находки условно можно отнести к раннесеровской культуре и датировать IV тысячелетием до нашей эры.

Верхний слой на стоянке Лысая сопка содержит остатки гладкостенных сосудов, изготовленных, видимо, при помощи подшлепки лопаточкой, обмотанной травой, и затем заглаженных. Отказ от прежней формы изготовления керамики в твердом каркасе с применением плетеной сетки и переход к новой технике свободной лепки раскрепостил фантазию первобытного художника и позволил запечатлеть ее в пластике на влажной глине, так чутко отзывавшейся на любое легкое движение руки. Он перебирает десятки различных штампов и наблюдает за эффектом, который дает применение каждого из них. В какой-то период в орнаментике появляются устоявшиеся стандарты, но предшествует им период поисков как в мотивах, так и в технике нанесения орнамента. Не случайно поэтому так трудно свести к чему-то единому по орнаменту и формам сосудов керамику поздненеолитических стоянок и горизонтов на многослойных памятниках. Подобное мы наблюдали на стоянке Лысая сопка. Фрагменты сосудов из первого слоя орнаментированы горизонтальными рядами вдавлений овальной и прямоугольной отступающей лопаточкой; накладными валиками с насечкой, сделанными такой же лопаточкой; ромбовидными штампами, дисковидными штампами в виде концентрических кругов, квадратной сетки или в виде лепестков цветка, вписанных в окружность. Венчики сосудов в большинстве случаев прямые или слегка отогнутые, дно круглое.

Вместе с керамикой в слое удалось обнаружить орудия, ярко характеризующие быт поселенцев. Это обломки и заготовки стерженьков рыболовных крючков байкальского типа из красного глинистого сланца со следами распиловки; обломки шиферных пил, заготовка подвески, обломок лезвия шлифовального топора, нефритовый ножичек на тонкой, хорошо отшлифованной пластинке, скребки на отщепках с овальным лезвием, обломки призматических пластинок, небольшой нуклеус конической формы с прямым основанием, отщепы. Важно отметить, что на стоянке на один-два наконечника стрелы приходится около десятка рыболовных крючков и на двадцать обломков призматических пластинок около 500 отщепов. Возможно, это свидетельствует об упадке пластинчатой техники в конце неолита, а возможно, только о специфическом «разделении труда» на описываемом поселении. По хозяйственному укладу и орудиям труда поздние поселенцы Лысой сопки близки к китойской культуре Ангары.

Почти неделю вели мы раскопки и разведку памятников на Северном Байкале. Одновременно воевали за вертолет, что не давало положительных результатов. На наше счастье, мы узнали, что до Уаяна по Верхней Ангаре пойдет небольшая 20-тонная баржа с грузом для строителей БАМа, и мы ринулись по начальству, чтобы получить разрешение отправиться на ней. Этот вопрос мы решили быстро и через несколько часов вместе с командой уже грузили строительный материал, оборудование, продукты для строителей.

Баржа «Арбикли» оказалась небольшой. Главное достоинство, что она плоскодонная и могла проходить по самой малой воде. Вместе с нами отправлялись шесть геологов. Баржу загрузили до предела, а у геологов остались на берегу три лошади, необходимые им для полевых маршрутов. Пришлось еще раз переложить весь груз, чтобы и им найти место. Для нас нашлось лишь несколько квадратных метров в трюме, но мы радовались, что наконец решилась проблема транспорта.

Уже под вечер мы вышли из Нижнеангарска по одному из рукавов Верхней Ангары. В нижнем течении река разливается на несколько километров, и, насколько хватал глаз, всюду расстилалась пойма с большими озерами, на которых гнездились тысячи уток и другой водоплавающей птицы. Стоял тихий вечер. Косые лучи солнца мягко отражались в воде, поросшей осокой. Пойма, постепенно поднимаясь, переходила в ровную со свежей зеленью долину, уходящую далеко к высоким вершинам Байкала. Баржа, тихонько постукивая мотором, не спеша разрезала голубоватую гладь воды. Мы все собрались на носу и вели неторопливую беседу.

За четверть века мне пришлось побывать во многих уголках Сибири и Дальнего Востока. Я люблю этот удивительный край за его природу, наполненную сдержанной, суровой красотой, и особенно люблю людей, живущих и работающих здесь. Во время экспедиции часто приходилось делить радость и горе с людьми случайными, а порой и незнакомыми, с которыми ты встретился всего несколько часов назад. И сколько доброты, внутренней душевной силы и щедрости можно встретить у сибиряка. Первое его стремление — помочь человеку, попавшему в беду, а потом уже расспросить, кто ты и откуда. Среди коренных сибиряков редко встретишь человека, который прежде делает для себя, а потом для другого. В любом доме здесь можно найти кров и пищу.

Скоро мы познакомились и многое знали друг о друге, появились общие заботы и интересы. Остановившись на ночлег, готовили сообща ужин. У нас с Мазиным оказалась картошка, привезенная из Новосибирска, большая редкость здесь в это время года. Еда получилась отличная: картошка с тушенкой, свежее копченый омуль и хариус, крепко заваренный чай. У большого костра, почти до утра слышались рассказы об экспедиционной жизни, охоте, рыбалке, и чувствовалось, что никому не хочется засыпать. Утром я проснулся от стука мотора. Команда баржи жила по своему расписанию.

Днем мы расстались с геологами. На высоком берегу реки среди тайги они выгрузили свой груз, свели лошадей, которые, почувствовав под ногами землю, нарушили девственную тишину веселым ржанием. Мы долго махали друг другу на прощание. На барже стало просторнее, но в душе каждый из нас чувствовал какую-то утрату. Пройдет время, и, встретившись, мы можем не узнать друг друга. Нас сдружили часы, случайная встреча, но сколько тепла оставили эти люди в сердце.

На третий день показался Уаян, небольшой поселок, затерянный в байкальской тайге. Совсем недавно здесь жили в основном тунгусы, буряты, русские. А сейчас в пяти километрах от Уаяна строилась большая станция Байкало-Амурской магистрали. На его улицах можно было видеть молодых загоревших людей со всех концов страны.

На этом наше путешествие не кончалось, а только начиналось. Нам предстояло найти моторную лодку, чтобы на ней подняться дальше, вверх по реке, до Северо-Муйского хребта. Найти лодку в это время оказалось сложно. Все взрослые были на сенокосе или готовили запасы для зимней охоты. В сельсовете нам посоветовали обратиться к Ивану Реену — старожилу здешних мест. Он работал проводником во многих экспедициях и хорошо знал верховье реки.

Его мы нашли на берегу. Чертыхаясь, он чинил лодочный мотор. Познакомились, рассказали о целях и задачах экспедиции. Уговаривать долго не пришлось. Анатолий стал помогать ему в ремонте.

На следующий день рано утром мы вышли из Уаяна. Река в верхнем течении часто меняет русло и изобилует перекатами и порогами. Горы то вплотную подходят к Верхней Ангаре, тесня ее своими громадами, то расступаются, открывая широкие долины, поросшие соснами и березами. Река с ревом, пенясь вокруг скальных глыб, выступающих из воды, несется по каменистому ложу. Щедр и прекрасна природа в этих местах. Древний человек, должно быть, часто посещал их, ставя свои легкие переносные жилища на берегах Верхней Ангары. Тщательно обследовать верховье реки нам не удалось: все время нас преследовали неудачи. Часто ломался мотор, а на второй день на пороге мы разбили винт. На следующем пороге и у запасного винта обломилась лопасть, и мотор не мог справиться с быстрым течением. На перекатах нам приходилось груз переносить на себе, чтобы облегчить лодку. При впадении в Верхнюю Ангару речки Ганкули мы нашли только одну неолитическую стоянку. Керамика, украшенная сеткой-плетенкой, свидетельствовала о том, что она относилась к тому же времени, что и находки в Нижнеангарске.

На четвертый день, возвращаясь в Уаян, мы заночевали у строителей БАМа. Их было 40 человек. Они строили мост через Янчуй — быструю, очень своенравную реку. Самому старшему из них — руководителю работ — не было и тридцати. Они нас встретили радушно, и мы долго вели беседу у костра. Весна в этом году для строителей оказалась тяжелой: мелководье на Верхней Ангаре не позволило забросить технику, и ребятам все работы приходилось делать вручную. Сваи для моста они забивали деревянными молотами, бревна таскали волокушами. Часто бывали перебои с продовольствием. Они приступили к строительству моста, когда на реке еще стоял лед. Мост был уже почти готов, но вскрылась река, и его снесло половодьем. Они все начали с самого начала. На вопрос: «Трудно вам?» — ответили: «Мы ехали на БАМ работать, а о трудностях знали». Для многих это первая работа в жизни. Большинство из них приехали и впервые встретились с таким количеством мошки и комаров. Даже мы, проработавшие в разных местах Сибири много лет, порой с трудом переносили эту пытку, которая продолжалась и днем и ночью. Из сорока человек за четыре месяца ни один не покинул отряд. Прощались с ними мы с хорошим чувством радости и некоторой зависти к их задору и упорству. Можно быть уверенным, что они построят мост, и не один, но этот мост будет, пожалуй, главным в их жизни.

Из Уаяна мы отправились вниз уже на своей резиновой лодке. Небольшой, трехсильный мотор ходко шел по течению. Верхняя Ангара в этих местах имеет пойму до 10 километров, много рукавов и протоков. Пойма примыкает к высоким хребтам с гольцами, покрытыми ледяными шапками. Первый день нас радовал контрастами: яркое солнце, голубое небо с легкими облаками, отражавшимися в прозрачной воде, свежая зелень долин и еще не растаявший в ущельях и по склонам снег. Но на следующий день сгустились тучи, подул северный ветер и к вечеру пошел дождь. Стало по-осеннему холодно и неуютно. Ночевали мы в устье реки Куморы при впадении ее в Верхнюю Ангару.

Утром мы тщательно обследовали террасу, на которой расположено село Куморы. Рядом с селом обнаружили могильник, частично разрушенный огородами. Среди находок выделялись изяществом топоры из полудрагоценного камня — нефрита и костяные составные кинжалы. Основой для таких кинжалов служили бедренные кости диких животных, которые раскалывались вдоль, заготовки шлифовались, а затем вырезался с двух сторон узкий паз, и в него вставлялись изящные, отретушированные с двух сторон каменные пластины. Получалось очень сложное по технике изготовления и очень красивое изделие. Судя по находкам, могильник относился к серовскому времени.

Из Кумор вышли во второй половине дня. Дождь продолжал идти весь день. Ночевали на метеостанции, у бывшего села Ченга. Здесь разбила свой лагерь небольшая экспедиция лимнологов из Иркутска. У них мы обсушились, а на следующий день, пока Мазин ремонтировал мотор, я обследовал окрестности и на седловине, соединяющей мыс Ченга с хребтом, обнаружил каменные выкладки, сделанные человеком из крупных глыб мраморовидного известняка. Выкладки представляли собой небольшие курганчики высотой до полуметра и в периметре около 4—5 метров. Под камнем на глубине до 60 сантиметров встречались жженые кости, угольки и вкрапления охры-кровоавика. Установить назначение этих выкладок не удалось. По-видимому, это остатки каких-то культовых сооружений древних людей.

После обеда мы снова отправились в путь, несмотря на непогоду. Продолжал идти мелкий дождь. Нам предстояло вылететь на Центральный участок БАМа. Оставалось мало времени. В 10 километрах от мыса Ченга, на озере Мокли, обнаружили большое поселение. Озеро соединялось с Верхней Ангарой небольшой протокой. Северный берег озера террасистый, высокий. В этом месте и поселился древний человек. О том, что здесь жили люди, свидетельствовали глубокие овальные западины — остатки древних жилищ. В двух из них мы заложили разведочные шурфы. Оказалось, жилища уничтожены пожаром. В их заполнении хорошо видны остатки обугленных конструкций. Пожар был настолько сильным, что глина и супесь спеклись крупными блоками. На полу жилищ лежали кости животных, костяные наконечники стрел, керамика. Судя по находкам, поселение относится к раннему

железному веку. Такое поселение с долговременными полуподземными жилищами впервые открыто в районе Байкала.

Ночевали на острове. Промокшие спальные мешки не грели, и мы встали рано. Дождь немного утих. После завтрака мы снова отправились в путь. В пятнадцати километрах от ночевки, на высокой террасе, обнаружили еще одно поселение бронзового века. Находок, за исключением керамики, почти не было. Но зато нашли много фрагментов сосудов и почти целые сосуды. Они все были хорошо профилированные, украшенные затейливым геометрическим орнаментом.

Наши раскопки прервал вновь усилившийся дождь с холодным ветром. Укрыться было негде, и мы решили плыть дальше. В лодке, под палаткой, было не так холодно. Но сильный ветер поднял большую волну, и она стала перехлестывать через борт. Резиновая лодка под напором воды плохо слушалась руля. Надвигалась ночь, и при мысли, что ночевать придется в сырых спальных мешках и палатке, которая, промокнув, пропускает воду, по телу пробегала дрожь. На наше счастье, в 10 километрах от найденного поселения на берегу реки увидели избушку. Сразу стало веселее. В избушке было сухо и уютно.

Во время экспедиций нам часто приходилось ночевать в зимовьях охотников. Старый обычай всех сибирских звероловов — забота о путнике. Дверь в зимовьях никогда не закрывается на замок. Около печи обязательно лежит запас сухих дров на два-три дня. В специальном месте оставлены спички, соль и немного продуктов. Если человека застигла непогода, он всегда может укрыться в зимовье, а если кончились продукты, то и взять их сколько ему нужно, оставив хозяину записку с благодарностью. Уходя из приютившего жилья, путники всегда наводят порядок, заготавливают дрова, а если есть возможность, оставляют продукты. В каждом зимовье можно найти десятки благодарственных записей, сделанных на клочках бумаги, а иногда, что гораздо хуже, и на стенах. Сколько десятков и сотен людей приютили, обогрели, а некоторым, может быть, и спасли жизнь эти небольшие избушки, затерянные в тайге! Сколько судеб они повидали!

Нам хорошо и уютно было сидеть у жаркого огня, пить чай, обжигая губы, чувствуя, как тепло расходится по всему телу. На следующее утро мы оставили свою записку, несколько банок тушенки и сгущенного молока и, преодолевая внутреннюю дрожь от предстоящей встречи с дождем и ветром, вышли за порог...

В бассейне Верхней Ангары на пути к Нижнеангарску мы обследовали еще несколько стоянок и поселений неолитического и более позднего времени.

Торопились мы напрасно. Взлетную площадку в Нижнеангарске размывло дождем, и мы еще неделю ждали самолета, ведя разведку и исследуя древние памятники в районе Байкала. Наряду с ранними памятниками нам удалось найти и исследовать сравнительно поздние поселения и могильники эвенков и бурят, относящиеся к XV—XVII векам.

Почти месяц работала наша небольшая экспедиция в районе северного и северо-западного побережья Байкала. Мы вели поиск вместе с проектировщиками, на лодках, пешком пробираясь через тайгу и болота. И, несмотря на трудности, прошли около полутора тысяч километров. Удалось обследовать бассейны рек Верхняя Ангара, Китера, Кичера, северо-западную часть побережья Байкала. Открыто большое количество уникальных памятников, охватывающих длительный исторический период — от мезолита до XVIII—XIX веков, которые позволяют наметить общий ход исторического процесса в этом районе.

На севере Байкала, в бассейне Верхней Ангары, судя по нашим материалам, много своеобразия в развитии древних культур по сравнению с южным Прибайкальем. Дальнейшее изучение неолитических и более поздних памятников позволило в полном

объеме установить историю племен, населявших север Байкала в каменном, бронзовом и железном веках.

В 1975 году и в последующие годы мы с Мазиным обследовали бассейны рек Гилюя, Бурей, Амгуни, где прошла Байкало-Амурская магистраль. Открыты десятки новых памятников различных хронологических эпох.

Наибольший интерес представляют изученные Мазиным наскальные рисунки в 70 километрах от поселка Усть-Уркима. Там берег реки обрывается к воде отвесным уступом высотой до 25—30 метров. Скальная плоскость с рисунками ориентирована с северо-запада на юго-восток и имеет шапкообразную форму, слегка вытянутую на юго-восток. Писаница состоит из 13 композиций, которые расположены на отдельных естественных плоскостях скалы и нанесены красной охрой. По цвету краски и по стилю рисунков писаницу можно разделить на две сильно отличающиеся друг от друга группы.

Первая и наиболее древняя группа рисунков расположена на высоте от четырех до восьми метров. Рисунки нанесены темно-красной охрой и по контуру залиты краской. К этой группе рисунков относятся пять отдаленных друг от друга плоскостей, на которых изображены животные, зооморфные существа, солярные знаки и человеческие фигурки.

Вторая группа рисунков расположена на высоте от двух до четырех метров. Рисунки нанесены сплошными контурными линиями. Охра, которой выполнены они, светлее, чем в первой группе. На них изображены животные, солярные знаки, бегущие человечки и люди, стреляющие из луков.

У писаницы был заложен раскоп. В культурном слое при раскопках обнаружены скребловидные орудия, три обломка вкладышей для ножа, один нуклеус и много отщепов. Наиболее интересной находкой явилось изображение животного, нанесенное красной охрой на базальтовую плиту, и небольшая кремневая фигурка.

На основании находок из раскопа, которые перекрывали плиту с изображением животного, писаницу можно датировать IV тысячелетием до нашей эры. Это одна из наиболее древних и хорошо датированных галерей каменного века в Сибири.

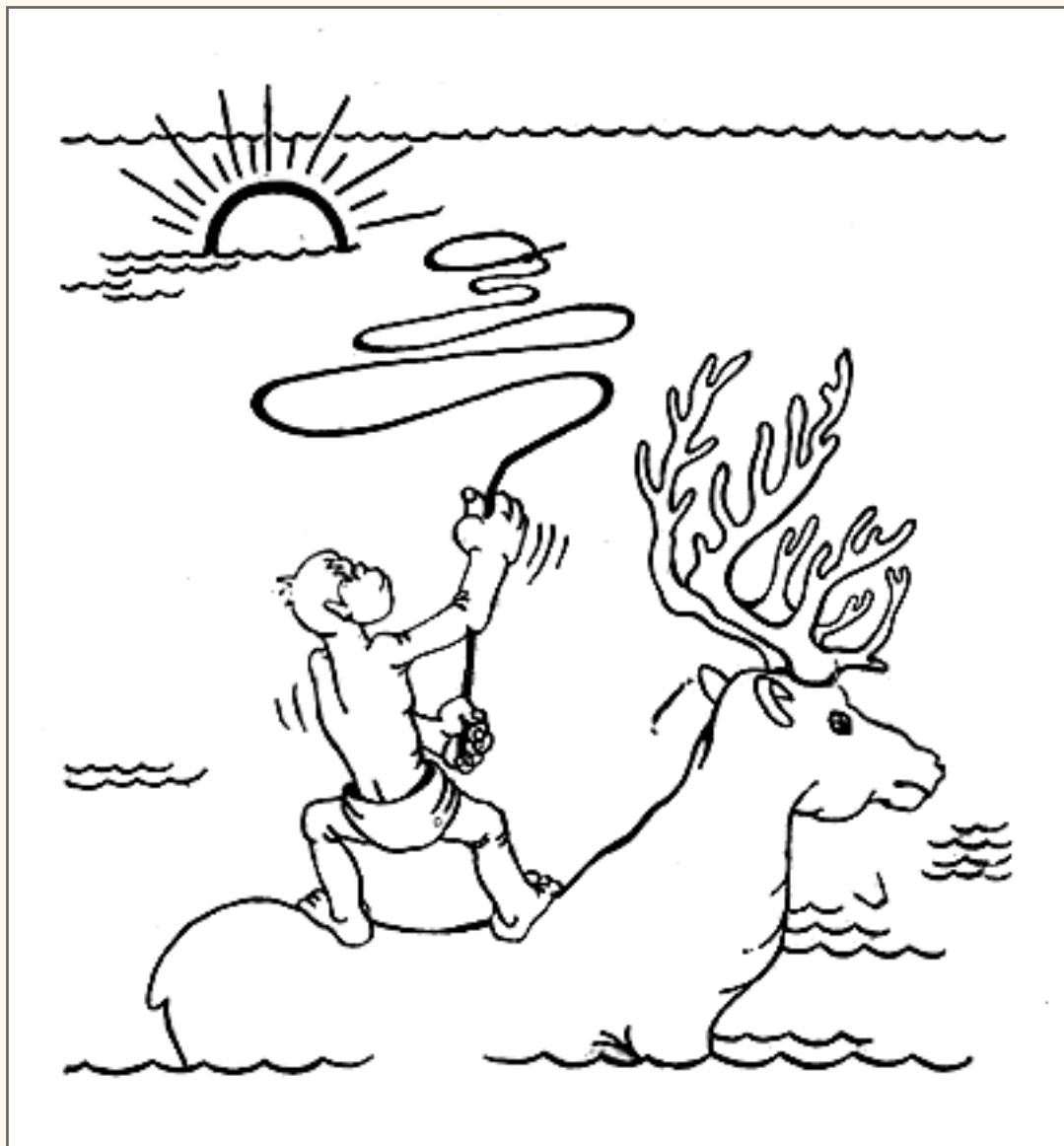
Вторая писаница расположена на 18 километров ниже поселка Усть-Нюкжа на гранитном останце. Рисунки выполнены ярко-красной охрой. По манере нанесения, цвету краски и сохранности относятся к одному времени. Они представлены изображениями человеческих фигурок, лодок с антропоморфными существами, солярных знаков, животных, людей, едущих на животных и ведущих их в поводу. Наиболее интересной фигурой в этой композиции является изображение отдельно стоящего лося. Характерная черта этого рисунка — реалистичность выполнения, нарочитая подчеркнутость головы и холки лося. Этим художник передал всю силу и мощь зверя. Рисуя огромную, тяжелую голову с лосиной горбоносой мордой, приоткрытым ртом и длинными обвислыми ушами, древний мастер закончил подшейный клок животного в виде кольца — солярным знаком. Это не просто лось, а покровитель всего живого: лось-солнце.

Исследуя культ оленя у оленеводов сибирской тайги и тундры, один из крупнейших ученых XIX века — этнограф и археолог Л. Штернберг писал, что «по условиям быта этих народов олень, являющийся поильцем и кормильцем оленеводов, стоит на первом плане, и весь круг наших предков связывает его культ с высшим солнечным божеством. По верованиям чукчей, солнце принесло людям оленей, хотя, впрочем, только белых оленей. Коряки того же мнения, причем они утверждают, что олень создан из огня. Этим еще более подчеркивается связь его со священным солнцем, с которым он, таким образом, одной физической природы».

В нашем распоряжении есть и прямые свидетельства, указывающие, что первобытные охотники Сибири представляли солнце в облике гигантского лося, за день пробежавшего по всему небосводу и затем к ночи якобы погружавшегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море. О таком солнечном звере — гигантском лосе — рассказывается, например, в одной долганской сказке, которая, видимо, создана еще в каменном веке и дожила у людей тундры до нашего времени.

«На отдаленном берегу, на самом краю земли, на далеко выдающемся вперед скалистом мысу, — говорится в сказке, — лежат лосиные кости. Кости эти древние, вполовину истлевшие. К мысу приходит мальчик. Он должен узнать, куда солнце к закату девается — поверх только ходит или под воду спускается».

Как научила мальчика его мудрая мать, он в определенном порядке, кость к кости, собрал скелет огромного лося. Затем по ее совету мальчик три раза ударил гигантского лося между рогами. «После первого удара все кости, до единой, сухожилиями связались, плотью обросли, соединились. Когда второй раз ударил, мясом кости обросли, шерстью оделись и вздулись, костяк в тело зверя превратился. После третьего удара, как только молот его упал на землю, четырьмя ногами опираясь, подобно быку дикого оленя, шеей потягиваясь, зверь тот вскочил...» На этого чудесного лося усевшись, мальчик в мировое море выплыл и собственными глазами увидел, как солнце в воду опускалось и как по дну моря, сверкая, шло. Получив затем новое богатырское задание доставить сказочному царю дочь самого солнца, мальчик снова к тому же самому мысу морскому пришел, чудесного лося вновь поднял и изложил свою просьбу. В ответ лось сказал, что пойдет по тем путям, по которым солнце под землю опускается.

Плаваньё

В дальнейшем оказывается, что чудесный лось не только «ходит по путям солнца», но и сам превращается в солнце, вернее, это и есть само солнце. Сидит мальчик на берегу, ждет лося, вдруг видит, что солнце не в одном, а сразу в двух местах взошло: «Одно солнце, как обычно, вверху по небу поднялось; другое солнце по поверхности сюда приближается; как посмотрел парень, видит — из воды лося-зверя концы рогов чуть виднеются». Изображение лося-солнца и открыто на писанице в Усть-Нюкже.

Исследуя древние памятники в районе строительства Байкало-Амурской магистрали, встречаясь с изыскателями, проектировщиками, строителями, геологами, я все время думал о роли всех их в нашей истории. Памятники древних людей, открываемые археологами, рассказывают нам о далеком прошлом, о том времени, когда впервые человек, осваивая тайгу, пришел на берега Байкала. Это было много тысяч лет назад. Он был первым, чья нога ступила в этот дикий край. Проходили века, тысячелетия, человек развивал свою культуру, совершенствовал орудия труда, осваивал все новые и новые территории в жестокой борьбе с природой, стихией, дикими зверями. В то время не было письменности. Но у людей формировались и развивались свои традиции, появлялись свои герои, сказания, которые передавались из поколения в поколение. Многое, связанное с их жизнью, представлениями, мыслями, чувствами, мы уже не узнаем. Но благодаря археологии из тьмы веков, из забвения, хотя и по крупинкам, проявляются дела далеких поколений, первых землепроходцев, покорителей тайги и тундры.

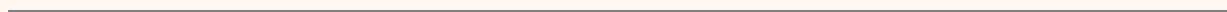
Им на смену пришли племена и народы, о которых имеются письменные источники и о

которых мы знаем значительно больше. Скотоводы, кузнецы, воины, они уже на новом уровне культуры осваивали эти места — и тоже своего рода землепроходцы.

В XVII веке сюда пришли русские. Культура аборигенов — эвенков, бурят, якутов — обогатилась европейской. И русские много почерпнули полезного, рационального у местного населения. Значительно больше стали возможности человека. Он смог лучше обжить и освоить территорию. И первых русских мы также по праву называем землепроходцами.

Строительство Байкало-Амурской магистрали практически закончено. Строилась она не только ради настоящего, но и ради будущего. И первостроители магистрали тоже землепроходцы. БАМ работает, работает на советского человека, и песни сегодня уже поют о новой дороге, о новой большой стройке... Но БАМ всегда останется и в стальных рельсах, которые пересекают хребты, реки, болота, вековую тайгу, и в трудовых делах, и в памяти народной. А строители БАМа навсегда войдут в историю.

В ее анналах есть и должно быть место для наших далеких предков и для сегодняшних строителей. Долг историков и археологов — сохранить память о давно ушедших временах и поколениях людей. День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего. Все в жизни и судьбах людей и поколений имеет свое начало. День завтрашний — продолжение дня сегодняшнего, умноженное талантом и трудом грядущего поколения.

Они были первыми

История изучения Северной Азии полна примеров великого подвижничества людей, отдавших свои жизни ради науки и новых открытий, примеров подвига и трагизма. Можно назвать десятки имен замечательных ученых-исследователей, которые навсегда остались погребенными в вечной мерзлоте. А сколько погибло сотен и тысяч людей, имен которых мы не знаем, движимых по разным причинам все дальше и дальше на Север. Многие могли рассказать, если бы умели говорить, безымянные могилы, часто встречающиеся за Полярным кругом. И сегодня можно услышать немало интересного об этих бесстрашных пионерах Севера в легендах и преданиях, еще бытующих среди аборигенов тундры.

В одном предании, записанном журналистом Леонидом Шинкаревым, рассказывается следующее.

Жарким летом 1735 года под Якутском на Жатайском затоне строили трехмачтовый дубель-шлюп «Якутск» для плавания среди северных льдов. Командир Лено-Хатангского отряда Второй Камчатской экспедиции лейтенант Василий Прончищев и штурман Семен Челюскин, молодые офицеры русского флота, взволнованные предстоящим совместным походом в Ледовитый океан, пропадали на верфи, торопя корабелов. Однажды Прончищев и Челюскин скакали в город берегом реки, погоняя местных низкорослых лошадок. В заливе купались черноволосые девушки-якутки. Всадники осадили лошадей, пошутили и хотели было двигаться дальше, но одна из девушек обернулась, и они с удивлением увидели европейские черты лица. Было отчего смутиться флотским офицерам: девушка была очень красива. Лошади еще долго топтались на месте, косясь на залив, откуда доносилось веселье. Друзья навели справки — Мария, так звали девушку, оказалась дочерью сосланного в северный край дипломата, приближенного к Петру Великому и попавшему в немилость после смерти государя. Она получила европейское воспитание, прекрасно пела, рисовала и была любимицей якутской молодежи. Свободно говорила по-якутски, знала народные обычаи, в праздник Ысыах лихо пила из чорона кумыс и водила хоровод ёхор. Талантливая, веселая, быстрая! В общем, флотские офицеры с той поры зачастили в ветхую избу, где девушка жила со старым отцом, который был рад возможности общения с образованными моряками из экспедиции командора Витуса Беринга.

Всю зиму, пока на верфи строили корабль, Прончищев, Челюскин и Мария не разлучались. Они катались со снежных гор, ночами слушали якутов-олонхосутов, читали книжки, учились играть на хомусе, скользили по льду Лены, бродили вокруг башни, острога, отгоняя мысли о неизбежной весенней разлуке.

Прончищев и Челюскин полюбили Марию. Весной, когда прошел по реке ледоход, а

военный корабль спустили с бревенчатых стапелей на воду, и он уже покачивался на волнах, удерживаемый якорной цепью, и вся команда была возбуждена скорым прощальным звоном судового колокола, Марии надо было сделать выбор... Она стала женой Прончищева. По обычаям, женщину не положено брать на борт военного судна, но матросы так любили своего командира и так привязались к его юной, прекрасной жене, что в дни прощания осмелились постучать в каюту лейтенанта. «Василий Васильевич, может, возьмем... на борт? В Петербурге, ей-богу, никто не узнает!» Челюскин также согласно кивал головой.

Они были первыми

Летом 1736 года «Якутск» спустился к устью Лены, протоками вышел в Ледовитый океан и повернул вдоль берега на запад к Таймыру. Мария была первой русской женщиной в арктических водах. «Якутск» достиг 77-го градуса 29-й минуты северной широты и попал в тяжелые льды. Прончищев пытался пробиться к устью Енисея, ничего не получалось. Марии казалось, что это из-за нее, - из-за женщины на борту, господь обрушил на корабль неудачи. Во всяком случае, думала она, такие мысли могли приходиться в голову Прончищеву, он мог, не подавая вида, все же думать, что именно она всему виной, он мог жалеть, что презрел обычай, и от этих сомнений она молча страдала. Корабль повернул обратно... И как бы в горестное продолжение несчастий Василий Прончищев заболел цингой. Спасти мужа Мария не смогла.

Матросы хоронили своего командира в устье реки Оленек на мерзлом пустополе, посреди северной тундры, за сотни верст от ближайшего стойбища охотников. Было пасмурно, со

стороны океана дул холодный сентябрьский ветер. Когда вырос холмик, Мария упала на могилу, обняла ее и прижалась к ней лицом. Ее попытались поднять, но тело не поддавалось — она была мертва.

Марию хоронили рядом с Василием. Говорят, что в тот холодный день Челюскин одиноко и долго стоял у свежей могилы, изредка бросая комья глины на утрамбованный лопатами холм. Может быть, в те часы он и дал себе слово, чего бы это ему ни стоило, добраться до самой северной земли на побережье Арктики и дать ей имя Марии — имя своей любимой и жены друга.

Свою заветную мечту — обогнуть недосыгаемый далекий северный Таймырский мыс — Челюскин смог осуществить спустя шесть лет. В середине декабря 1741 года из Туруханска он с тремя проводниками на пяти собачьих упряжках выехал в далекий путь. В самую зимнюю стужу, в декабрьские и январские дни они направились к Хатанге.

Монотонно скрипели нарты в мертвой снежной пустыне. Облачко пара вилось над собачьей упряжкой. Трудно было дышать, мороз обжигал лицо и леденил кровь, от ветра трескалась кожа. Но ни мороз, ни полярные вьюги не могли задержать штурмана, который шел к своей цели, делая ежедневные переходы в 40—80 километров. Несмотря на трудные условия, Челюскин вел журнал. Это беспрецедентное путешествие от Туруханска до Хатанги продолжалось больше восьмидесяти суток. От мыса Фаддея, куда штурман добрался 2 мая, он, направляясь на запад, наносил на карту контур морского побережья.

Кончились запасы провизии, еле передвигали ноги собаки. Наконец 19 мая Челюскин достиг мыса — крайней северной точки Таймырского полуострова. Мыс вдавался в океан, а западный берег его круто уходил на юг.

Челюскин прежде всего определил его широту. «Сей мыс каменный, прирый, высоты средней; около одного льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мной оный мыс Восточно-Северный мыс...» — так описал в своем дневнике Челюскин самую северную точку Азиатского материка, названную впоследствии его именем.

Но на этом не закончилась история открытия самой северной оконечности Азии. Время и бурные события, к сожалению, часто вычеркивали из памяти многое, сделанное прежними поколениями. Только через 139 лет удалось обнаружить могилу Прончищева. В 1842 году, через сто лет после открытия Челюскина, на север Азии, в том числе и на Таймырский полуостров, была отправлена новая экспедиция под руководством А. Миддендорфа.

...По замерзшей тундре, кое-где покрытой снегом, медленно удалялись четыре человеческие фигуры. Миддендорф физически чувствовал, с каким трудом им давался каждый шаг. И когда они уже скрылись за ближайшим холмом, он продолжал мучительно вглядываться в быстро наступавшую темноту, отделявшую его от надежных спутников, а может быть, и от жизни.

Потекло тоскливое время ожидания помощи. Через несколько дней началась сильная пурга, и поднялся ураганный ветер, который продолжался много суток. Миддендорф уже потерял счет дням, хотя старался отмечать их на деревянной палке, служившей посохом. Сознание часто покидало его. И тогда ему представлялось небольшое имение отца в Хелленурме, где он провел свое детство...

Вот он сбегает с шаткого крыльца в сад, в памятное августовское утро 1825 года, а оттуда по крутому откосу к тихой, заросшей столетними дубами речке. Вода студеная и обжигает тело. Легкий ветерок рябит водную гладь, изредка набегают волна, лаская разгоряченное тело.

Зимой в холодном сыром Петербурге маленький Александр мечтал о летних днях в родовом имении. О речке, о заросших осокой блюдах озер, в которых осенью скапливалось видимо-невидимо гусей и уток. О прохладе лесной чащи, где каждый шорох казался наполненным каким-то своим особым и таинственным смыслом. Единственным увлечением в городе были книги. Особенно любил он читать о путешествиях. Во время чтения сам не замечал, как мысленно отправлялся то в жаркую Африку, то к неприступному Северному полюсу, еще неведомому человеку. В такие вечера к нему часто подсаживался отец и рассказывал о Стеллере, Миллере, Палласе и других известных ученых и путешественниках.

И вот Александр вновь приехал на летние каникулы в свое имение. Когда он вернулся с реки, дом уже проснулся. Радостный и возбужденный, он забежал в кабинет отца. При виде сына Федор Иванович встал и подошел к нему: «Ты уже совсем взрослый». И подал ошеломленному мальчику новенькое ружье. «Настоящий путешественник должен в жизни все делать сам...»

Когда возвращалось сознание, Миддендорф сквозь ледяные стены своего убежища слышал только завывание пурги и ветра. Прошел десятый день одиночества... пятнадцатый. Короткий день чередовался длинной ночью, мучил не голод, а постоянное ощущение холода, который пронизывал все тело, ж, как он ни кутался в остатки одежды, согреться не удавалось...

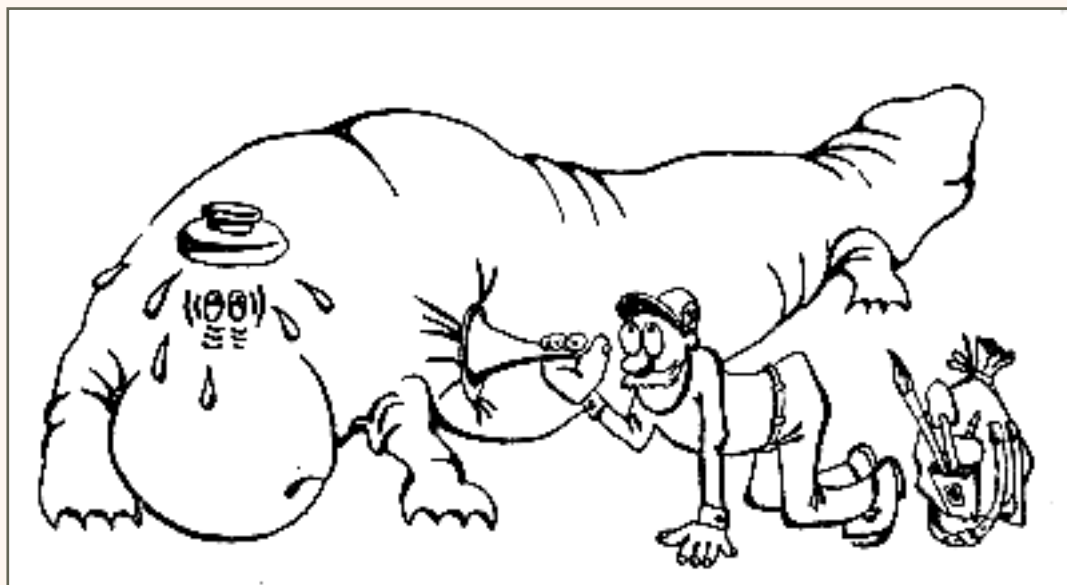
Выдающийся русский ученый, академик Миддендорф родился 20 августа 1815 года в Петербурге в семье видного педагога, профессора латинской словесности Федора Ивановича Миддендорфа. С раннего возраста отец привил мальчику любовь к природе и страсть к путешествиям. Воспитывался Миддендорф в 3-й петербургской гимназии, которую организовал отец. Каникулы он проводил в Эстонии, в небольшом поместье отца в Хелленурме, неподалеку от города Тарту. Это было прекрасное время, заполненное походами, охотой и чтением любимых книг. Стремление к путешествиям все более завладевает им. «Уже в начальных латинских классах изредка встречаемые краткие изречения касательно далеких странствий, — напишет он позднее, — пробуждали во мне необыкновенное сочувствие».

После окончания гимназии Миддендорфа зачислили на подготовительное отделение в Главный педагогический институт, который к этому времени возглавил его отец, но Александр мечтал стать натуралистом, и в 1832 году он поступает на медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета. В 30-е годы в Дерптском университете преподавали многие известные ученые. Лекции по ботанике читал знаменитый Карл Ледебур, автор первой «Флоры России» и один из исследователей Алтая. Геологию вел Э. Гофман, исследователь Урала, Восточной Сибири и участник кругосветного плавания О. Коцебу на шлюпе «Предприятие». Другьями Миддендорфа были молодые преподаватели А. Бунге — известный географ, путешественник, исследовавший Алтай и совершивший научную поездку в Китай и Прибайкалье; Р. Траутфетер — прекрасный знаток флоры России и Восточной Сибири. Ежемесячно в университете проходили собрания профессоров и преподавателей, на которых заслушивались сообщения и доклады. Студенты принимали активное участие во всех научных собраниях и диспутах.

Университетские годы еще более укрепили тягу молодого ученого к путешествиям и научным исследованиям. Позже Миддендорф вспоминал: «Еще в студенческие годы я вызвался на свой счет сопутствовать Парроту в его путешествиях к Нордкапу, но получил отказ. Впоследствии я хватался за каждый случай, как скоро представлялась возможность ехать в Пекин, на Арарат для исследования его рушения по свежим следам. Каждый из таких случаев казался мне путеводной звездой. Тогда я с одинаковой охотой поехал бы во внутренность Африки и к Ледовитрму океану».

В 1837 году Миддендорф блестяще закончил университет и получил диплом врача. Эпиграфом к своей докторской диссертации, которым немало удивил ученых коллег, он взял слова поэта и путешественника Шамиссо: «Тому, кто хочет видеть свет (чуждый цивилизации), я советовал бы запастись докторской шляпой, как самым покойным колпаком для путешествий». В этих словах он видел особый смысл — необходимость для ученого-путешественника глубоких знаний медицины. И вся дальнейшая жизнь ученого подтвердила правоту сделанного им выбора. Где бы ни бывал Миддендорф во время своих научных экспедиций: на севере Сибири или Шантарских островах, в Барабинских степях или в Средней Азии, он всегда оставался верен клятве Гиппократа и всегда помогал всем, кто обращался к нему за врачебной помощью.

После окончания университета Миддендорф с 1837 по 1839 год совершенствует свои знания за границей (в Вене, Бреславле, Берлине). По возвращении в Россию его зачислили адъюнктом кафедры зоологии позвоночных и этнографии, на которой читался один из первых в университетах того времени курсов этнографии. Но преподавательская работа не удовлетворяла молодого ученого: «Между тем мое неодолимое влечение к странствиям не находило удовлетворения ни в первобытном состоянии моховых болот и болотных лесов Лифляндии, ни в очень подобных им местностях Лапландии, ни в окраинах южнорусских степей. Только силы закалились крепче и соответственно тому еще больше давали пищи внутреннему влечению. Утомительные похождения оставались по-прежнему стихией страстного охотника; опасности манили душу; жажда деятельности при свежести сил 27-летней молодости неудержимо выгоняла вон и влекла вдаль. Кто не знает этого влечения, тот не думает пускаться в путешествие для открытий на далеком Севере».

Человек и животные

В 1840 году Александр Федорович предпринял первое свое большое путешествие в составе Новоземельской экспедиции, руководителем которой был замечательный русский ученый-зоолог, академик Карл Максимович Бэр. Во время экспедиций Миддендорф пересек пешком Кольский полуостров. Научным результатом экспедиции явилась публикация трех статей, посвященных географии, орнитологии и топографии этого района. В экспедиции Миддендорф зарекомендовал себя как блестящий, волевой исследователь, обладающий необходимыми навыками и умением для работы в суровых условиях Севера.

Бэр оценил блестящие способности молодого ученого и наметил его руководителем для большого путешествия в Сибирь. О таком путешествии Бэр мечтал всю жизнь, но для него самого оно было уже непосильным, и он со свойственной ему энергией добивался отправления экспедиции в Сибирь под руководством Миддендорфа.

В сентябре 1842 года Киевский университет освобождает от занятий 27-летнего экстраординарного профессора Миддендорфа, и он уезжает в Петербург для организации Восточно-Сибирской экспедиции — одного из крупнейших научных исследований XIX века. Позднее он напишет: «Радуюсь счастью предаться наконец неодолимому влечению моей любимой мечты с ранней молодости, которого не могли подавить во мне разнообразные обстоятельства жизни, я немедленно отказался от пыльной кафедры в Киеве, где я тогда преподавал зоологию».

14 ноября 1842 года Миддендорф с двумя спутниками — лесничим Т. Брантом и препаратором Г. Фурманом — начинает путь в Сибирь. Путь долгий и трудный по знаменитому Сибирскому тракту через Владимир, Нижний Новгород (Горький), Казань, Пермь, Екатеринбург (Свердловск), Шадринск, Ишим, Омск, Томск, Ачинск в Красноярск. Учитывая короткое северное лето, Миддендорф стремится как можно быстрее добраться до Красноярска, чтобы оттуда отправиться на Таймыр. Небольшая остановка была сделана только в Омске, где Миддендорф встретил Новый год и где к экспедиции присоединился унтер-офицер корпуса военных топографов В. Ваганов, а также в Барнауле, чтобы изготовить некоторое оборудование, необходимое для проведения исследовательских работ.

В начале февраля экспедиция оставила Сибирский тракт и направилась на север в Енисейск, а затем в Туруханск, где были сделаны последние приготовления к предстоящему путешествию на Таймыр. - 23 марта Миддендорф со своими спутниками двинулся в Дудинку, а затем в селение Коренное-Филипповское на реке Боганиде. По дороге в селе Введенском к экспедиции присоединяется еще один человек — местный житель Тит Лапуков, знающий язык ненцев, — несмотря на свой почти семидесятилетний возраст, человек закаленный, хорошо ориентирующийся в местных условиях и, несомненно, много сделавший для успешного проведения экспедиции.

В это время в тундре свирепствовала эпидемия оспы, и целые стойбища полностью вымирали. Миддендорф как врач не мог оставить коренные народы без врачебной помощи, одновременно понимая, что в условиях короткого полярного лета любая задержка может привести экспедицию к тяжелым последствиям.

От местных жителей Александр Федорович узнал, что в низовьях реки Таймырки не кочует ни одно племя ненцев и для того, чтобы выйти к побережью, необходимо взять лодку и на ней спуститься рекой к морю. Построить лодку в тех условиях было трудно: лес находился южнее села Коренного-Филипповского, на расстоянии одного дня пути. Почти месяц спутники Миддендорфа делали последние приготовления и строили лодку, а он сам проводил научные исследования по рекам Хете и Хатанге.

Седьмого мая Миддендорф с четырьмя спутниками — Вагановым, Лапуковым и казаками Василием Седельниковым и Егором Лавурским — на девяти санях направляется на север к Таймырскому озеру. В верховьях реки Новой Миддендорф встречает самое северное стойбище Тойчума. Все жители стойбища к этому времени были больны оспой, а многие к приходу экспедиции погибли от страшной болезни. Из нескольких десятков человек только один мог ходить, а другой с трудом вставал. Здесь и пригодились Александру Федоровичу его знания и опыт врача. Он понимал, что им нужно спешить, но остаться безучастным не мог и десять дней лечил жителей стойбища. За это время ненцы полюбили русского шамана, как они называли Миддендорфа, и благодаря этому ему удалось достать у них оленей и купить маленький челнок, который очень пригодился в дальнейшем путешествии.

В начале июня экспедиция спускается по реке Таймырке до урочища Саттяга-Мылла, и в ожидании, когда озеро очистится ото льда, Миддендорф проводит научные исследования, изучает окрестности и готовится к дальнейшему путешествию на побережье. Много времени заняла переброска груза на южное побережье озера, где Миддендорф решил оставить часть

продовольствия и зимней одежды. Тойчум, перекочевавший со своим родом в этот район тундры, обещал ждать участников экспедиции до их возвращения. Только в начале августа, продвигаясь с трудом из-за ненастья и шторма вдоль берега озера, экспедиция вышла к истокам Нижней Таймырки, вытекающей из озера и несущей свои воды в океан.

От озера Миддендорф поплыл по реке к Северному Ледовитому океану. Путешествие к океану затянулось, стали подходить к концу запасы продовольствия. «Четвертого августа были розданы остатки имеющихся в запасе сухарей, — писал в своем дневнике Миддендорф, — и с августа, за недостатком хлеба, должны были питаться сырой рыбой, и то попадавшейся очень скудно». В конце августа пошел снег, и температура ночью опустилась до 10 градусов ниже нуля. С каждым днем становилось все труднее и труднее плыть на лодке. Но Миддендорф не помышлял о возвращении. Наконец на 76-м градусе северной широты путешественники увидели море, вдающееся в сушу широким заливом. Попытка выйти в открытое море закончилась неудачно: ураганный ветер и мели заставили путешественников повернуть назад.

Обратный путь к стойбищу Тойчума был еще труднее: силы участников экспедиции на исходе, продукты кончились, по берегам образовались забереги, вода в реке быстро падала, и часто путешественникам приходилось бросаться в ледяную воду, чтобы столкнуть лодку с мели. Когда добрались к истокам Нижней Таймырки, разыгравшаяся буря заставила посадить лодку на мель, и четыре дня в обледеневшей одежде, без пищи (погода не позволяла рыбачить) путешественники ждали окончания бури. 27 августа ветер немного стих; Миддендорф взобрался на прибрежный холм и увидел в подзорную трубу приближающуюся белую гряду, тянущуюся через все озеро.

Громадные ледяные поля, на сколько хватал глаз, покрывали затихшее после шторма озеро. Миддендорф отлично понимал, что это может привести к гибели всей экспедиции, и, несмотря на непогоду, путешественники снялись с мели в надежде, что успеют пробиться на лодке к южной оконечности озера, где оставили запасы продовольствия и одежды. Но при входе в озеро лодку остановил ледяной барьер. Только в середине озера было свободным ото льда, и путешественники, пробиваясь сквозь льдины, направились туда. Вскоре буря стихла совершенно, и все с изумлением увидели, что вода на их глазах покрывается тонким слоем льда. Двигаться вперед было почти невозможно. Лодка стала тяжелой и плохо управляемой из-за намерзающего на нее льда. Все понимали, что единственное спасение — во что бы то ни стало пробиться к берегу. Работали все, забыв усталость и голод. Обледеневшая одежда нисколько не согревала. Метр за метром, прорубаясь сквозь лед, измученные люди тащили лодку к берегу. На пределе последних сил путешественники пробились через ледяной барьер и выбрались на безлюдный берег. Но от этого места до южного берега было еще далеко.

Миддендорф решил заночевать здесь прямо на скальном берегу. У него поднялась температура, и к утру он почувствовал, что если и может двигаться, то с большим трудом: сказались многие дни изнурительной работы, недоедание и холод. Он понимал, что участники экспедиции, и без того выбившиеся из сил, больные, не вытащат его на санях по земле, еще не везде прикрытой снегом, — погибнут все. И решил пожертвовать собой. Утром 31 августа он поделил оставшийся сухой бульон — неприкосновенный запас — на пять равных частей и приказал четверем спутникам идти к стойбищу Тойчума и потом прислать сюда людей, чтобы забрать его и коллекции...

Пошел двенадцатый день томительного ожидания. Медленно возвращалось сознание. Миддендорф почувствовал, что пурга закончилась. Он безуспешно пытался открыть опухшие веки, но тело, словно чужое, налитое свинцовой тяжестью, не подчинялось его воле.

В голове роились десятки мыслей, но все они быстро исчезали, гасли, и только в висках

оставалась тупая, ноющая боль. Усилием воли он открыл глаза и попытался пошевелить руками. Ему это удалось, но с трудом. Он понял, что находится в ледяном плену, лишь у лица имелась небольшая проталина, через которую чуть-чуть струился слабый свет. Буря действительно утихла, в ушах уже не отдавались унылые завывания ветра. Напрягая последние силы, он стал постепенно высвобождаться от ледяного панциря. Руки плохо слушались. Он часто впадал в забытие, и только жажда жизни и сознание, что помощи ждать, вероятно, не от кого и нужно надеяться лишь на себя, заставляли его вести упорную войну с ледяной тюрьмой, которая на время бури стала его домом и спасла его от смерти, но сейчас выбраться из-под заледеневшего сугроба было не так-то просто. Неожиданно в глаза ударил луч солнца. Он зажмурился и долго боялся открыть глаза. Безбрежное море ослепительно белого снега, торосы льда — вот все, что видел он вокруг себя на многие километры. Природа словно обессилела после многодневной бури: даже ветерок не пробегал по этой безжизненной равнине. Надежд на спасение почти не осталось: его спутники скорее всего погибли.

Передвигаясь с большим трудом по глубокому снегу, Миддендорф собрал несколько кусков дерева и разжег небольшой костер. Горячая вода немного согрела его, но тут он почувствовал приступ голода, который туманил голову и вызывал сильные боли. Александр Федорович пересмотрел все свое имущество в надежде найти что-нибудь съестное. Но все, включая кожаные вещи, было съедено.

Он долгое время сидел, глядя на догорающие угли костра, делал последние записи в дневнике и, собрав остаток сил, решил двигаться на юг. Первые шаги давались с трудом: ноги не слушались, были словно деревянные, потом боль в суставах прошла, но глубокий снег затруднял движение, кашель сбивал дыхание.

Александр Федорович прошел совсем немного, когда увидел впереди три быстро приближающиеся точки. «Волки!» — была первая мысль, но тут же он отогнал ее, потому что с наступлением зимы волки уходят из этих районов. Точки увеличивались и превращались в нарты, запряженные оленями. Это шло спасение. Вскоре он обнимал своего надежного и преданного друга Ваганова и Тойчума.

Ненцы не переставали ждать возвращения экспедиции. Уже давно прошел назначенный день встречи. Наступили холода, пошел снег. Все соседние роды откочевали на юг. Пора было и Тойчуму со своим родом уходить в район зимовий: в нижней тундре зимой олени не могут достать из-под снега корм, и задержка с откочевкой грозила потерей оленей от бескормицы. Для ненцев олени самое дорогое — это жизнь. Гибель оленей приводила к голодной смерти всего рода. Но Тойчум и его сородичи помнили русского доктора, помнили его доброту — он спас их от страшной болезни, и они продолжали ждать. Наконец 4 сентября в стойбище пришли Ваганов и три его спутника. Они были совсем обессиленные и еле держались на ногах. За Миддендорфом Ваганов и Тойчум хотели выехать на следующий же день, но началась пурга, и отправляться на поиск в такую погоду было бессмысленно. Только спустя две недели, когда успокоилась стихия, смогли они тронуться в путь. Миддендорф до конца жизни сохранил благодарное чувство к своим товарищам и верному Тойчуму за свое спасение.

Восьмого октября экспедиция прибыла в Коренное-Филиштовское, где Миддендорф встретился со своими спутниками Брантом и Фурманом, оставленными для научных наблюдений. После лишений, перенесенных на Таймыре, курная изба, писал Миддендорф в своем дневнике, казалась ему дворцом, а мягкий хлеб — лучшим лакомством.

Позднее в своем замечательном многотомном исследовании «Путешествие на север и восток Сибири» Миддендорф напишет: «Не испытал ли наш Таймырский край такую же участь, как соседние страны — Гренландия и Северная Америка, которые еще в IX веке были открыты... а в следующие средневековые времена до того забыты, что потом пришлось их открывать

вновь. Но от этой догадки невольно отказываешься, когда представляешь себе, насколько недоступнее тех стран нелюдимый край Таймырский». Попытка самого Миддендорфа выйти в открытое море и обогнуть Таймырский полуостров закончилась безрезультатно...

Четвертого июля 1878 года из Гётеборга вышел пароход «Вега» под флагом Шведского мореходного общества. Руководитель экспедиции Адольф Эрик Норденшельд поставил перед собой цель выяснить возможности надежного судоходства вдоль северного побережья Евразии от Скандинавии до Берингова пролива. В плане экспедиции он писал, что она должна «в географическом, гидрографическом и естественноисторическом отношении исследовать Северное Ледовитое море к востоку от Енисейского устья, если возможно, до Берингова пролива». Экспедиция была хорошо по тем временам оснащена и оборудована. Участие русских как в подготовке, так и непосредственно в экспедиции было самым активным. Один из организаторов — сибирский золотопромышленник Сибиряков отправил вместе с «Вегой» пароход «Лена», построенный в Швеции, который должен был следовать до устья Лены и далее в Якутск. До Енисея «Бегу» сопровождали два судна, зафрахтованные Сибиряковым: пароход «Фразер» и парусное судно «Экспресс», задача которых состояла в снабжении «Беги» бункерным углем. Экспедиция Норденшельда проходила в трудных и суровых условиях Севера, но в целом она закончилась благополучно. 24 апреля 1880 года «Вега» возвратилась в Стокгольм, пройдя после зимовки льды Северного Ледовитого океана, Берингов пролив и далее, обогнув Восточную и Юго-Восточную Азию, через южные моря, Суэцкий канал и Средиземное море она вышла к берегам Швеции.

Об истории освоения и изучения побережья Северного Ледовитого океана мужественными людьми, которые, преодолевая льды, штормы, шаг за шагом продвигались все дальше на север, открывая и нанося на карту новые земли, рассказывают названия морей, заливов, островов, мысов.

Но были ли они первыми в освоении сурового Севера? С чьих слов записал английский купец Логан в 1612 году, что за рекой Енисеем на восток простирается земля и там имеется река Пясида (Пяси́на. — А. Д.), а за нею другая, называемая Хатангой?..

В 1940—1941 годах на Таймыре работала комплексная зимовочная Восточно-Таймырская экспедиция Гидрографического управления Главсевморпути под руководством опытного полярника Косого. 14 сентября 1940 года с борта гидрографического судна «Норд» на северном острове Фаддея высадились топографическая партия Линника. Производя рекогносцировку при постройке триангуляционного пункта, сотрудники партии обнаружили торчащие из земли медные котлы. Неожиданная находка заставила их тщательно осмотреть все вокруг. Среди камней они нашли старинный топор, ножницы, бусины, колокольчик, сгнившие свертки мехов.

26 сентября на остров вновь направилась группа сотрудников под руководством Линника для выполнения гидрографических работ и более тщательного обследования находок. В результате исследований они установили, что в этом месте когда-то была сделана невысокая насыпь из мелкой гальки. При раскопках насыпи обнаружили медные изогнутые пластинки, оловянные тарелки; в сгнившем меху — много монет, не круглых, а в виде эллипса, диаметром около одного сантиметра; украшения, серьги, перстни, бусы, а также нательные кресты. На расстоянии одного метра от этого скопления вещей нашли пицаль с изогнутым стволом.

В марте 1941 года группа сотрудников экспедиции в составе Линника, матроса Малыгина и каюра Рыцалова, отправленная на заготовку дров, в 70 километрах к северо-западу от бухты Зимовочной обнаружила остатки небольшой бревенчатой избушки. Внутри была лежанка, отгороженная бревнами. Направо от входа сохранились остатки печи, сделанной из каменных плит. Летом, когда растаял снег, в районе избушки был проведен более

тщательный осмотр местности. Неподалеку от жилья гидрографы обнаружили котлы, такие же, как и на острове Фаддея. Участники экспедиции сделали небольшие раскопки.

Мерзлую землю рубили топорами, от чего пострадала найденная хорошо сохранившаяся одежда. Здесь, как и на острове Фаддея, нашли монеты, кресты, украшения, перстни, а также компас, солнечные часы, кремь с огнивом и трупом. Неподалеку от берега обнаружили два человеческих скелета и остов плоскодонной шлюпки. В двух-трех километрах от избушки нашли обломки полозьев от нарт. Все находки с острова Фаддея и берега залива Симса позднее были переданы в Красноярски в музей Арктики, Известный историк народов Сибири профессор Б. Долгих опубликовал в 1943 году в сборнике «Проблемы Арктики» статьи об этих находках, и они привлекли большое внимание исследователей.

Когда разыгралась трагедия на берегах Студеного моря? Кто был участником погибшей экспедиции и почему о ней не сохранилось никаких известий в архивах?

В Москве только что отгремели залпы Победы над фашистской Германией. Страна переходила к мирному труду. Не хватало хлеба, угля, металла, не хватало самого необходимого, но страна, как и в годы войны, заботилась не только о реконструкции народного хозяйства, но и о восстановлении страниц героического прошлого, утраченных в результате бурных событий, сопутствовавших становлению Российского государства.

Встал вопрос об организации археологической экспедиции на остров Фаддея и в залив Симса. Руководителем экспедиции назначили Окладникова, который уже имел опыт работы в Заполярье. Окладников и его жена В. Запорожская, которая принимала участие во многих его экспедициях, в конце июля вылетели из Ленинграда в Красноярск. Далее маршрут лежал в низовье Хатанги, а оттуда на гидрографическом судне «Якутия» на острова Фаддея. Капитаном судна был опытный полярный исследователь Александр Белугин, который во время работы на островах много раз помогал Окладникову полезными советами.

Плавание от Хатанги проходило спокойно. Судно сопровождали большие морские чайки, которые первыми известили о приближении земли. Древние мореходы оставили следы своего пребывания на северном острове небольшого архипелага. Судно подошло почти к самому острову, и экспедиция быстро высадилась на берег.

Вскоре среди тундры, вплотную подступившей к скалистым береговым обрывам, стояли оранжевые палатки. Окладников и Белугин отправились разыскивать стоянку мореходов. Она оказалась неподалеку от лагеря экспедиции. Осмотр места, где остановились несколько сот лет тому назад зимовщики, помог узнать о разыгравшейся здесь трагедии. Недалеко от каменной насыпи, построенной в более позднее время топографами, нашли изделия из хорошо обработанной, прошитой нитками кожи. Это оказались остатки части колчана и налущья. На коже очень хорошо сохранился орнамент, вырезанный древним мастером. На поверхности кучи камней лежали в беспорядке стеклянные бусы, железное кольцо, медная пряжка, обрывки меха, обломки деревянных и железных изделий и одна серебряная монетка. На восточной и юго-восточной стороне ямы, вырытой гидрографами в 1940 году, вместе с кучками выброшенной из нее желтоватой гальки лежали остатки меха, обломки деревянных изделий, в том числе части какого-то небольшого бочонка, обрывки зеленой суконной ткани. С левой стороны ямы в куче глины также лежали обрывки меха, а кроме того, перержавевшие, изломанные железные изделия, обломки деревянных стерженьков, круглых в сечении, должно быть, от стрел, кусочек оловянной тарелки или чаши, обрывки зеленого сукна. Поблизости валялись куски тонкого крепкого шнура из льна или какого-то другого растительного материала и куски кожаного шнурка с плетеными изящными шариками на концах. Отдельные предметы встречались и довольно далеко от края ямы — между каменными плитками сланцев, выступавших в виде мыска в тундру.

Александр Белугин, осматривая брошенную стоянку, высказал предположение, что с людьми, оставившими ее, случилось несчастье. Покидая зимовку в спокойной обстановке, промышленники, по его мнению, обязательно забрали бы с собой все ценное, а здесь даже при беглом осмотре найдены вещи, совершенно необходимые в условиях Севера.

В тундре вести раскопки очень трудно. Приходится отвоевывать у вечной мерзлоты каждый сантиметр слоя. Оттаявшая глина превращается в коричневую жижу. За день оттаивал небольшой слой, и археологи осторожно и медленно проникали в тайну острова Фаддея. Чтобы не повредить, некоторые находки приходилось извлекать в течение нескольких дней. Иногда ночью наступали заморозки, и тогда приходилось долго ждать, когда оттаит земля. Вечная мерзлота, конечно, затрудняла работу, но зато сохраняла многие изделия, особенно одежду.

В центральной части раскопа археологи нашли фигурные деревянные стерженьки, лежавшие беспорядочной грудой. Там же, около большого камня, были подняты кусочки янтаря, костяная игла с овальным ушком, свинцовая круглая пуля, кусок кожаного изделия, обломок деревянного поплавка для сети, голубые стеклянные бусы и слиток свинца, очевидно предназначенный для отливки пуль.

Особый интерес представляли собой остатки лодки. Вместо металлических гвоздей при постройке употреблялись только деревянные, для которых в досках обшивки сверлились многочисленные отверстия. Характерен и другой технический прием, при помощи которого обшивка лодки крепилась к каркасу: на досках бортовой обшивки сохранились тщательно изготовленные сквозные ушки, через которые пропускались, очевидно, специально изготовленные веревки или шнурки, связывающие всю конструкцию лодки в единое целое, как это бывало на шняках и шитиках русского Севера вплоть до XIX века. Материалом для изготовления судна послужило, по всем данным, тополевое дерево, отличающееся легкостью и вместе с тем удобством в обработке.

Встал вопрос о происхождении находок. Б. Долгих, ознакомившись с материалами, привезенными гидрографами, пришел к выводу, что находки на острове Фаддея соответствуют начальному этапу трагедии, а остатки на берегу залива Симса — заключительному. Он предположил, что морское судно, шедшее на восток в обход Таймыра, около северо-западного берега северного Фаддея было раздавлено льдами или погибло, налетев на камни. И экипаж высадился на остров. Люди поспешно оставляли судно, успевая спасти лишь часть имущества. Дождавшись, когда море замерзло, они перешли на материк, оставив часть вещей на острове, предварительно засыпав их галькой и закрыв каменными плитами, а часть увезли с собой на саночках, пройдя на запад до залива Симса. Они построили на берегу залива избушку из плавника, оставили в ней двоих, в том числе одну женщину (или подростка). Остальные потерпевшие крушение пошли дальше в надежде добраться до жилья.

Раскопки позволили установить, что на острове Фаддея найден вовсе не клад, потому что находки были рассеяны на значительной площади. На скалистом мыске у западной оконечности северного острова, по-видимому, находился временный лагерь промышленников — место настолько непродолжительной остановки, что не устраивали даже никакого жилья. Вот почему нет других доказательств сколько-нибудь длительного пребывания здесь людей. Уже первые исследователи Линник и Касьяненко отмечали небрежность и спешку, в результате которых оставлены в этом лагере дорогие и нужные вещи.

Пролить свет на загадку находок на острове Фаддея могли раскопки в заливе Симса, где гидрографы нашли остатки избушки и временный лагерь промышленников.

Залив Симса, узкий, с извилистыми очертаниями берегов, вдается в материковый берег в

юго-западном направлении на 14 миль. Избушка стоит на восточной стороне залива примерно в 40—45 километрах к западу от бухты Зимовочной и мыса Фаддея. При входе в залив берег моря с этой стороны обрывается уступом, сложенным из крупнозернистого гранита. Вдоль берега на расстоянии 150—200 метров от него местами выступают отдельные скалистые гребни. Избушку поставили посредине излучины залива, в самой возвышенной и широкой части древнего берегового вала на границе его с тундрой. Она хорошо видна издали с высокого берегового уступа, господствующего над всей излучиной. Судя по уцелевшим на месте остаткам, дом срублен в угол из бревнышек плавника толщиной не более 20 сантиметров и имел в плане квадратное очертание. Размер сруба 2,6X2,6 метра.

Печь находилась справа от входа. От нее уцелело только основание, остальные плиты оказались вывороченными и выброшенными наружу. Печь небольших размеров. Материал — плиты гранита — был доставлен с высокого коренного берега. В середине печи, почти на уровне нижнего бревна сруба, выше пола избы оказалось скопление золы и угля. У печи найден фрагмент гребня из мамонтовой кости, а также несколько стеклянных бус и кусочек оловянной поделки в виде плоскодонного блюдечка. У западной стенки избушки, почти под ней, вместе со щепой оказалось много костей песцов.

Внутри избушки уцелели остатки одежды, бытовой утвари и другого имущества. Большинство находок лежало на месте предполагаемых нар. Как раз около них в средней части избушки найдены остатки подушки, сохранившейся в виде мерзлого комка из перьев и пуха. На нарах, следовательно, спали и отдыхали. Домашние работы выполнялись, очевидно, тут же на нарах и в середине избушки перед самым огнем. Около нар, вблизи печи, оказались ножи, а также лучковое сверло, коловорот, представлявший один из самых необходимых инструментов в быту северных промышленников вплоть до XIX—XX веков, как туземных, так и русских.

Вещи, найденные в избушке, несомненно, принадлежали промышленникам, которые устроились в заливе Симса прочно и обстоятельно, рассчитывая провести в ней долгую полярную зиму. Идя морем, они, видимо, достигли восточных берегов Таймыра к тому времени, когда уже наступила, может быть неожиданно, ранняя арктическая осень. Выбрав удобное место, они построили зимовье из плавника, завели нарты для перевозки дров и промысловой снасти, подготовились к зимней охоте с помощью рогатин, капканов и стрел, а также различных насторожек. Тем не менее на всем этом оставалась печать трагического конца. У самого входа в избушку валялись небрежно брошенные и весьма ценные по тому времени большие медные котлы, которые во всяком другом случае заботливый хозяин не оставит в таком беспризорном состоянии. Внутри избушки лежали остатки одежды, а вместе с ними совершенно целые и пригодные для дальнейшего использования в хозяйстве самые необходимые предметы: топоры, стрелы, сверла и даже такая неотъемлемая принадлежность каждого промышленника, с которой он не расстается ни на час, как нож.

О том, что ножи, найденные в заливе Симса, были личными ножами, а не вещами, предназначенными для продажи, свидетельствуют именные надписи, сохранившиеся на рукоятке. Вместе с ними здесь были оставлены такие, особенно ценные по их редкости и значению в жизни мореходов предметы, как компас и солнечные часы. Здесь же среди прочих предметов лежали деньги, оставленные в большом количестве, целое состояние по тому времени. Последним и самым резким штрихом в этой мрачной картине являются остатки человеческих скелетов, принадлежавшие по крайней мере трем погибшим в избушке людям.

Что послужило причиной гибели этих людей? Несомненно, голод. Доказательство тому — многочисленные кости песцов. Обитатели избушки явно употребляли песцов в пищу, иначе разрозненные кости их не находились бы так близко у печи: для промысла зверька обдирали, а тушку выбрасывали наружу. В данном же случае в избушке скопились не только кости песцов, но и вскрытые их черепа, что сделано для извлечения мозга. В

обычное время русские люди никогда не ели песка и относились к такой пище с отвращением. Только крайний голод, самая непосредственная угроза голодной смерти могла их заставить питаться этими зверьками.

Вместе с личным имуществом и походным снаряжением, начиная с нательного креста, ножа и топора и кончая компасом, в избушке было найдено много пушнины, ради которой люди шли на далекий Север, навстречу своему трагическому концу.

Исследования в заливе Симса позволили пересмотреть точку зрения Долгих. События здесь, должно быть, развивались следующим образом. В залив Симса морем пришли люди, еще полные энергии и сил. Их было, вероятно, человек 10. Оставшись в заливе на зимовку, которая в связи с наступлением холодов прервала путь, они с толком выбрали подходящее место, сумели построить избушку, изготовили нарты для зимних поездок за топливом и на охоту. В дальнейшем дела зимовщиков пошли неудачно. Их постигло самое страшное несчастье: голод. Очевидно, продовольствие кончилось, вход пошли песцы, но и их запасы иссякли. От голода трагически погибли по крайней мере трое зимовщиков. Из них, по-видимому, одна женщина (в 1944—1945 годах ее волосы видели члены экипажа судна «Якутия»). Весной перед уцелевшими стояла, разумеется, одна задача — поскорее вырваться из этого губительного места, уйти в лучшие места и тем спастись от смерти. Поразительное сходство находок, обнаруженных в зимовье, с остатками, оказавшимися на острове, а также то обстоятельство, что самое ценное — монеты оказались как бы поделенными поровну, — все это дает право сделать вывод, что зимовщики разделились на две группы. Иначе, уходя с острова в полном составе, они забрали бы с собой весь денежный запас, а не половину его. Оставшиеся в заливе, очевидно, погибли. За это говорит вся обстановка зимовья, сохранившееся в нетронутom состоянии имущество. Те же, кто попал на остров Фаддея, пришли туда на лодке, когда море вскрылось и очистилось ото льда. Это не могло быть ранее июля — августа.

Почему они избрали путь на остров Фаддея через открытое море, а не вдоль берега материка, неизвестно. Следует учитывать, что остров Фаддея лежит к востоку от залива Симса. Если считать, что потерпевшие бедствие мореходы шли с самого начала на восток, а не с востока на запад, переход на острова Фаддея окажется соответствующим общему направлению их пути. Путешественники, отправившиеся на лодке, захватили с собой и доставили на остров свое имущество: обменный фонд и пушнину, деньги, оружие и промысловое снаряжение, в том числе рыболовную сеть, которая могла обеспечить их в дороге рыбой.

Они остановились на западном берегу северного острова Фаддея, около бухты, обладающей удобными для вытягивания сети отлогими галечными берегами. Сломанная лодка, покинутые на произвол судьбы ценности и отсутствие следов каких-либо жилищ на острове не оставляют сомнения в том, что остановка промышленников в этом лагере оказалась непродолжительной и закончилась новым несчастьем. Лагерь на острове Фаддея, должно быть, стал последним лагерем этих людей, и здесь окончилась их отчаянная борьба за жизнь. Может быть, они потонули в море во время неудачной вылазки, а может быть, стали жертвой голода. Во всяком случае, трудно допустить, чтобы, имея хоть слабую надежду на спасение и возможность уйти с острова, промышленники расстались бы со своим добром, особенно с таким ценным, как монеты или пушнина, которая, собственно, и влекла их в неизведанные дали Севера.

О подвигах русских полярных мореходов и промышленников писали многие исследователи. Роль их в освоении Арктики чрезвычайно велика. Это они открыли Новую Землю задолго до норвежцев и стали зимовать на Шпицбергене. Это они еще в XVI веке освоили морской путь на Обь. Промышленные люди в XVII веке установили мореплавание между Леной и Колымой, впервые прошли пролив, разделяющий Азию и Америку. Единственный участок этой колоссальной морской дороги, где приоритет в исследовании Арктики морем оставался как будто за европейцами, — район Таймырского полуострова, который, как считалось,

впервые обогнул швед Норденшельд в 1878 году.

Намечая план своего знаменитого плавания вдоль северо-восточных берегов Сибири, Норденшельд с особым чувством подчеркивал, что вся обширная часть океана, простирающаяся на 90-м градусе долготы от Усть-Енисея мимо мыса Челюскина, за исключением береговых объездов, тогда еще не была пройдена ни одним кораблем. Однако спустя 67 лет после плавания Норденшельда находки на острове Фаддея и в заливе Симса показали, что еще за два с половиной века до него у суровых северных и восточных берегов Таймырского полуострова проходило другое судно, и судно было русским. Так блестяще оправдалась смелая догадка Михаила Ломоносова, утверждавшего в свое время, что берега «Сибирского океана от Вайгача до Ленского устья... по большей части промышленниками обойдены были».

Ломоносов опирался на устную традицию земляков-поморов, сохранивших смутное воспоминание о древних плаваниях своих предков на восток. Сам он высказывал эту мысль намеренно кратко и со всей сдержанностью ученого. После открытий гидрографов и раскопок археологов на острове Фаддея и в заливе Симса ученые получили убедительные документальные данные, раскрывшие картину смелого похода русских мореплавателей в начале XVII века вдоль берегов Таймыра в таких наглядных и выразительных формах, каких и нельзя было ожидать.

Морское путешествие, следами которого являются остатки зимовья в долине Симса и лагеря на острове Фаддея, должно было состояться в промежутке между 1610 годом, когда в устье Енисея и на Пясине появились русские кочи двинянина Куркина со товарищами, и указом о запрещении плаваний Северным морским путем, последовавшим в 1616—1619 годах.

Особенно важен для уточнения времени плавания этой безвестной экспедиции промышленных людей нумизматический анализ, выполненный профессором И. Спасским. Это единственное в своем роде собрание серебряных русских монет датируется не позднее - первой четверти XVII века. Как установлено Спасским, собрание всей казны было закончено ее владельцами не позднее 1617 года, тогда, следовательно, они и направились в свой дальний путь.

Археологические открытия на дальнем Таймыре расширяют наши представления о тех реальных практических возможностях, которыми располагали древнерусские мореходы, а также об уровне их культуры.

Еще Ломоносов говорил как об одной из важнейших причин, определявших неудачи прежних попыток пройти северо-восточным морским проходом, о низком уровне общей и мореходной культуры мореплавателей до XVIII века. «Судна употреблялись, — пишет он, — шитые ремнями, снасти льняные, парусы кожаные».

Судно, остатки которого найдены на острове Фаддея, действительно вполне соответствует характеристике Ломоносова и является хорошей иллюстрацией к его словам о древнерусских судах. Оно и в самом деле, как и все другие, сбито деревянными гвоздями, сшито даже не ремнями, а вицами, то есть простыми прутьями. Тем неожиданнее тот факт, что на острове Фаддея, как и в заливе Симса, в составе снаряжения древнерусских мореходов оказались совершенные по тому времени мореходные приборы: солнечные часы и компас. Промышленники XVII века вопреки традиционным мнениям об их полном невежестве в сложной науке морского кораблевождения, оказывается, хорошо знали, что такое компас и для чего служат морякам солнечные часы. По-видимому, эти мореходы знали основы штурманского дела и умели употреблять необходимый для этого специальный инструмент.

Ценность новых археологических находок в целом не ограничивается, впрочем, только тем, что они раскрывают в новом свете героический подвиг и чисто техническую мореходную культуру XVII века. Эта замечательная, поистине уникальная коллекция, собранная на острове Фаддея и в заливе Симса, столь же выразительными штрихами рисует общую культуру простых русских людей того времени, их интеллектуальный уровень. Нельзя не отметить поэтому хотя бы еще один факт. Как уже говорилось выше, рукоятки двух ножей, обнаруженных в заливе Симса, покрыты тончайшим узором и такими же резными орнаментированными надписями, выполненными славянской вязью. Надпись на ножах обнаруживает уверенную руку не только искусного резчика, но и опытного писца — грамотного каллиграфа.

На одном из ножей узор отличается особенной свежестью и не заполнен инкрустацией. На нем видно только несколько отдельных капель олова. Следовательно, надпись и орнамент, украшающие ножи, мастер резал на зимовке в заливе Симса. Он терпеливо довел резьбу до конца и начал уже заполнять узор расплавленным оловом, но именно в этот момент прекратил свою работу.

На одной из деревянных рукоятей ножей, обнаруженных в 1947 году, оказалась надпись, четко вырезанная славянской вязью. Известный ученый М. Фармаковский предположительно прочел на ней имя владельца — «Акакий» и, видимо, его прозвище, заменяющее фамилию, — «Мураг». Профессор Гейман находит возможным читать эту надпись: «Акакий Мурманец». На второй рукоятке ножа также имеются следы резной надписи вязью.

Какова была цель путешествия 1617 года? Главная причина, побудившая отправиться этих людей в столь опасное путешествие, как считают Долгих и Окладников, — добыча ценного пушного зверя, шкурки которого, несомненно, предназначались не для собственного потребления, а для торговли.

Исследования на острове Фаддея и в заливе Симса позволяют также ответить на вопрос, откуда шли русские промышленники. Первое предположение было, что она шли с востока на запад, из Якутии, с Лены, Оленька и Хатанги, к Таймырскому полуострову. Против этого свидетельствует чисто хронологическое обстоятельство: первые русские появились на Лене только в 30-х годах XVII века, и вплоть до 40-х годов этого столетия Лена, Вилюй все еще оставались новыми для них реками. Олекминский и Якутский остроги были построены только в 1632 году, то есть спустя 15 лет после появления русских мореходов у острова Фаддея и в заливе Симса. Верхоянск основан в 1638 году, Зашиверск — в 1639-м, а Нижнеколымск — в 1644 году, через 25 лет после предполагаемой даты. На севере Якутии в то время, следовательно, еще не существовало таких центров, откуда могли бы выйти в далекий путь на запад русские мореплаватели-промышленники. К востоку от Енисея в начале XVII века лежали одни только неведомые и неиспользовавшиеся безграничные девственные леса и тундры, заселенные воинственными племенами, о которых ходили разные фантастические рассказы. Промышленники наверняка шли с запада на восток. В пользу такого вывода свидетельствует и вся историческая обстановка начала XVII века. Если восток был совсем лишен русского населения или только начинал осваиваться русскими, то к западу от Енисея за Полярным кругом уже давно существовал крупный экономический центр, на который опиралась хозяйственная, политическая и культурная жизнь русских на Крайнем Севере. Это была Мангазея. Основанный в 1601 году мангазейский город, закинутый в глубь студеной тундры, почти под самый Северный полярный круг, несмотря на все невзгоды своего местоположения, был в течение пяти десятилетий XVII века одним из важнейших центров русских промыслов Сибири.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что промышленники, путь которых так трагически закончился около 1617 года, также шли с запада, со стороны Мангазеи, направляясь в новые, дикие еще пространства северовосточных областей Сибири. Археологические находки у восточного побережья Таймырского полуострова заставляют

совершенно по-новому взглянуть на ряд важнейших вопросов, относящихся к нашему Северу, в частности, к истории русского полярного мореплавания.

Если бы не остановки в пути, задержавшие экспедицию, и не ранняя осень, то Миддендорф, вероятно, дошел бы до залива Симса, где он не мог бы не заметить остатки лагеря русских промышленников. И тогда его слова о возможности освоения Таймырского полуострова русскими в более раннее время имели бы не отрицательную, а утвердительную концовку, и Норденшельду не пришлось бы считать себя первым мореходом, обогнувшем мыс Челюскина.

Были ли известные промышленники, которые столь трагично закончили свое путешествие, первыми? Ленинградский археолог Л. Хлобыстин несколько лет назад нашел на севере Таймыра остатки павилен и следы поселений людей, живших там несколько тысяч лет назад. Именно в то время человек впервые вышел к северной оконечности Азии. Время, казалось, навечно вычеркнуло из памяти человеческой и этих людей, вооруженных луком и копьями с каменными наконечниками, и русских промышленников, в начале XVII века обогнувших мыс Челюскина, и исследования самого Челюскина. Но история, как правило, рано или поздно вносит свои поправки, благодаря которым перед нынешним поколением предстает титанический труд наших предшественников. И на вопрос «Кто был первым?» правильно, видимо, ответить, что по-своему первыми они были все.

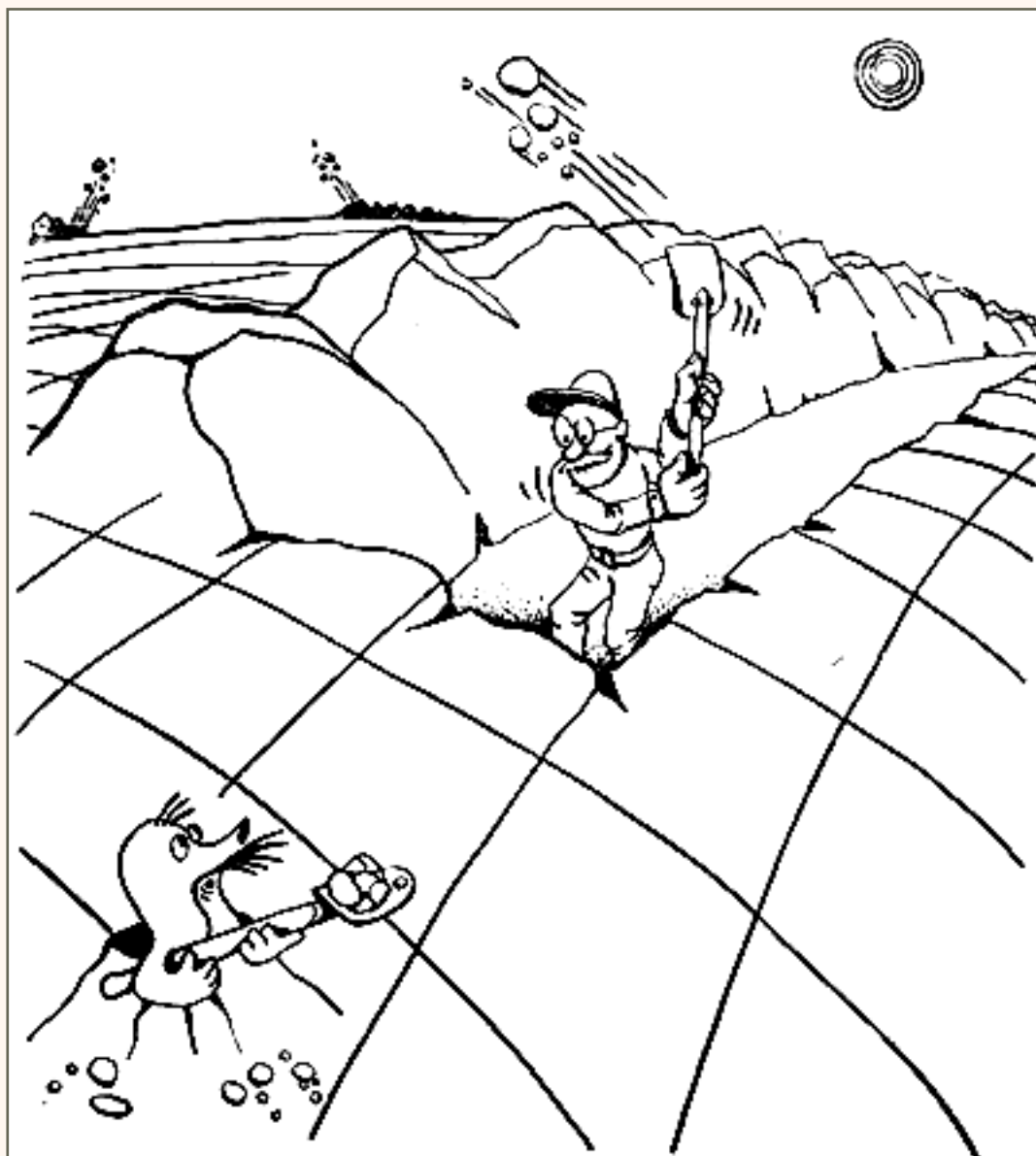

Преемственность и традиции

Сибирская археология на подъеме. И это связано с целым рядом объективных факторов. Исследования многих поколений, начиная с середины XIX века, заложили хороший фундамент. Быстро растут местные кадры археологов. Если до 60-х годов в Сибири работали в основном специалисты из европейских центров нашей страны, то в настоящее время в Новосибирске, Владивостоке, Кемерове, Иркутске, Якутске, Омске, Томске, Барнауле и других краевых и областных центрах работают квалифицированные исследователи, сложились дружные коллективы, создаются свои школы. Но, несмотря на это, в Сибири еще много мест, где не побывали специалисты. И даже районы интенсивного изучения хранят удивительные тайны прошлого, и неустанный поиск дает свои результаты.

Многие проблемы, над которыми сегодня работают археологи, не региональные, а имеют важное международное значение. Проблема первоначального заселения человеком Сибири... Совсем еще недавно, 20—30 лет назад, считалось, что первый человек, который разжег свои костры в Сибири, был человеком современного физического типа, а начался процесс заселения 20—25 тысяч лет назад. Открытие нижнепалеолитических комплексов на Алтае, в Приангарье, Якутии, на юге Дальнего Востока удревнило начало этого процесса более чем в 10 раз. Предстоит многое сделать специалистам, чтобы ответить на многие вопросы оппонентов, и вопросы справедливые. Здесь очень важны совместные работы ученых разных наук: археологов, палеоантропологов, геологов, палеонтологов, палеогеографов и других. Лишь комплексные исследования позволят в полном объеме воссоздать экологические условия того времени, наметить направления миграционных путей человека в нижнем палеолите. Разработка этой проблемы только начинается, и в будущем предстоит сделать еще немало.

Не менее сложная и волнующая проблема связана с решением вопроса о формировании в Сибири человека современного физического типа — хомо сапиенса — и его культуры. На Алтае на основании типов каменных орудий, техники их первичной и вторичной обработки хорошо прослеживается непрерывность линии развития от мустье до этапа развитого верхнего палеолита, что свидетельствует о преемственности культуры мустьерского человека и человека разумного. Особенно убедительно это показали раскопки в Денисовой пещере на реке Ануй, расположенной в 100 километрах от пещеры Окладникова, где найдены остатки неандертальца, слои с находками которого перекрывают верхнепалеолитические горизонты. В Денисовой пещере выделено двенадцать палеолитических слоев. Нижние семь относятся к мустье, а вышележащие пять — к верхнему палеолиту. Преемственность форм и типов каменных орудий верхних и нижних горизонтов очень хорошо выражена.

Преимственность и традиции

Исследования последних лет на Алтае позволяют не только значительно расширить район становления человека современного физического типа, но и поставить новую, очень интересную проблему. Традиционно считается, что человек разумный сформировался 35—37 тысяч лет назад. А так ли это на самом деле? Может быть, следует значительно удревнить время зарождения культуры человека верхнего палеолита? По нашим наблюдениям на материалах Алтая, 40 тысяч лет назад и ранее уже появились основные типы орудий труда, характерные для верхнего палеолита. Это прослеживается и в палеолитических комплексах на Верхней Лене.

Ранние верхнепалеолитические памятники, возраст которых 30—35 тысяч лет, открыты и раскапываются в настоящее время на Алтае, в Хакасии, на Енисее, Ангаре, Алдане, на юге Дальнего Востока. Они дают много ценной информации. Человек в то время уже заселил большую часть Сибири, причем как южные, так и северные районы Азии, что позволило ему по сухопутному мосту — древней Берингии, соединяющей Старый и Новый Свет, — первым открыть новый континент — Америку.

Палеолитическое искусство Сибири известно во всем мире. Раскопки на Ангаре в районе села Мальта, которые проводили антрополог, археолог М. Герасимов и А. Окладников у села Буреть в восьми километрах от Мальты, дали десятки скульптурных изображений женщин, птиц. Восхищение вызывает высочайшее искусство древних художников, сделавших очень реалистические изображения мамонта и змей на костных бляхах. Возраст находок 23—24

тысячи лет. В сводках по палеолитическому искусству, вышедших во многих странах мира, они занимают достойное место. Но до настоящего времени идут споры об истоках этого искусства и в целом мальтинско-буретской культуры. Одни ученые считают, что мальтинско-буретская культура оставлена пришельцами с запада, потому что орудия труда и искусство напоминают ориньякские и мадленские образцы Франции, другие настаивают на ее местном происхождении.

Истоки древних культур Сибири, безусловно, уходят в глубокое прошлое. Но и в последующее время не обрывается связь времен. Начальный фундамент культуры, заложенный далекими поколениями, продолжает развиваться и совершенствоваться.

В неолитическое время в Сибири и на юге Дальнего Востока происходит формирование двух обширных культурных центров. У племен Сибири, на Енисее, Ангаре и в других местах происходит складывание особого охотничьего и рыболовецкого хозяйства, которое позволяет им заселять и осваивать обширнейшие пространства тайги и лесостепей. Они были настоящими номадами Северной Азии. Многочисленные погребения и поселения свидетельствуют о высоком уровне культуры в то время. Керамика, разнообразные типы каменных орудий этих племен известны в Северном Китае, Монголии и других районах, что свидетельствует о широких миграциях древних сибиряков и в неолите.

Своеобразно и оригинально их искусство. По берегам Ангары, Оби, Томи, Енисея, Лены обнаружены целые галереи наскальных росписей — писаниц, сделанных во времена неолита — 8—5 тысяч лет назад. На некоторых островах на Ангаре открыты сотни рисунков каменного века. Это изображения зверей — красавца тайги лося, основной добычи первобытных охотников, рыб, а также бытовых сцен. Причем писаницы выполнены на камне и, конечно, не одним человеком — поколениями талантливых людей. Поражает мастерство первобытных художников: все делалось сразу в твердом материале — на века и тысячелетия.

Высокая культура сибирских народов прослеживается и в последующее время. В 20—30-х годах производились раскопки Пазырыкских курганов на Алтае. Они замечательны обилием и разнообразием памятников самобытного художественного творчества племен, близких по культуре к скифам Причерноморья; Вечная мерзлота донесла до нас в небывалой сохранности погребения людей с лошадьми, многочисленными предметами быта, домашней утвари, с декоративно-прикладными изделиями, относящимися к V—III векам до нашей эры. Сохранилась даже деревянная колесница, сделанная без единого гвоздя, с четверкой упряжных лошадей. Пазырыкские находки относятся к выдающимся экспонатам собрания Государственного Эрмитажа и свидетельствуют о широких культурных связях народностей Алтая.

В последние годы молодой талантливый ученый В. Кубарев ведет в урочище Уландрык и других местах на Алтае раскопки малых курганов, в которых производилось захоронение простых общинников. В массивных листовенничных срубах Уландрыка, заполненных древним льдом, обнаружены неграбленные в отличие от царских погребения пазырыкской культуры. Благодаря особым условиям

в них сохранились самые разнообразные предметы: деревянные блюда на четырех ножках, деревянные ковши, бронзовые кинжалы в деревянных ножнах, чеканы с хорошо сохранившимися деревянными рукоятями, детали луков и стрел, ткани и изображения из золотой фольги. Совершенно уникальными можно назвать украшения сакральных головных уборов, которые входили в состав погребальной одежды. Среди изображений различных мифических персонажей, выполненных из дерева и помещенных на головные уборы, первостепенное место занимают образы оленя и коня. В набор деревянных фигурок входили и другие популярные персонажи алтайского звериного стиля. Это фантастический грифон, из птиц — петух, орел и гриф.

Головные уборы украшались также многочисленными золотыми бляшками в виде птиц, розеток и стилизованных бычьих голов. Нижний край головного убора в отдельных случаях украшали налобные повязки или деревянные диадемы, на одной из которых вырезаны изображения противопоставленных оленей. На погребенных воинах найдены великолепной работы изображения снежного барса — ирбиса, — которые служили наконечниками гривны. Несомненно, все эти теперь уже многочисленные фигурки зверей не только служили украшениями, но и отражали определенные образы древнеалтайской мифологии. В них заложена богатейшая информация об идеологических представлениях древних кочевников. Удивительные деревянные и глиняные сосуды, орнамент на коже и дереве, мифологические персонажи и многое другое было пронесено через столетия, сохранилось, обогатилось и нашло вторую жизнь у алтайцев и иных народов Южной Сибири.

Необыкновенная оригинальность, самобытность коренного населения Дальнего Востока связана с наследованием различных элементов в искусстве, духовной культуре, с традициями сотен поколений. У нанайцев, ульчей, удэгейцев, например, которые живут по берегам Амура, в поделках из бересты, аппликациях на одежде, головных уборах, рукавицах мы видим те же самые, прошедшие через века сюжеты: знаменитую «амурскую спираль», встречающуюся на глиняных первобытных сосудах, маски-личицы, затейливые узоры-плетенки, орнамент в виде рыбьей чешуи, которые бытовали у населения 5—7 тысяч лет назад. Очевидна непрерывность развития культуры народов Сибири и Дальнего Востока. И это еще одно доказательство того, что не существовало народов без культуры и вне истории. Начиная с глубокой древности на этой территории формировались свои культуры, которые внесли большой вклад в мировую культуру. Вот пример нерасторжимой связи времен, эпох, связи археологии и истории.

В одной книге трудно рассказать обо всем многообразии и оригинальности древних культур Северной Азии, ставших благодаря работам археологов известными всему миру. Может даже сложиться впечатление, что Сибирь и Дальний Восток были каким-то особым культурным центром. Отнюдь! У нас полная уверенность в том, что во всех уголках нашей земли, издавна заселенных человеком, хранятся неисчислимы сокровища прошлого. Только взять их, увидеть не так-то просто. Требуется огромный и кропотливый труд, гигантская черновая работа, которая почти всегда предшествует удивительным открытиям. Только постепенно, шаг за шагом, следуя от одного факта к другому, складывается вся красота и величие сделанного сотнями и тысячами предшествующих поколений. Археологи в Сибири и на Дальнем Востоке немало потрудились. Но сколько им еще предстоит? Сколько новых и удивительных открытий ждет их в будущем?

С приходом в Сибирь русских богатейшее культурное наследие коренных народов, имеющее глубинные истоки, не исчезло, а продолжилось и умножилось. Именно с этого времени начался важнейший исторический процесс, в результате которого за короткий срок русская культура, обогащенная культурой коренных народов, быстро распространилась от Урала до Тихого океана. За Ермаком, о котором Н. Карамзин сказал, что он «был роду безвестного, но душою великой», потянулись другие ватаги крестьянской вольницы. Ведь это она, безвестная крестьянская вольница, пролагала пути сквозь тайгу и тундру, шла через волоки, по малым и великим сибирским рекам, двигалась неумоимо и неудержимо навстречу солнцу, на восток и на север Сибири. Это он, крестьянин, мастер на все руки, строил переправы, рубил остроги и города, выходил к Тихому океану, на Сахалин и Курилы, Камчатку и Аляску — Русскую Америку.

Много было в те годы одаренных и смелых людей, оставивших заметный след в истории сибирской культуры. Но о немногих история помнит. Если говорить о XVIII веке, одним из таких людей необыкновенного таланта и широты знаний был Семен Ульянович Ремезов. Историки называют его историком, этнографы — этнографом. Он первый сибирский архитектор и градостроитель, художник и картограф. Замечательным произведением графического искусства, где удачно сочетаются научное исследование и художественное

дарование, стал его «чертеж всей Сибири» — первая карта, на которую нанесены крупные реки и озера края, города и остроги, достопамятные места.

Как и во все времена и у всех народов, художественные ценности в Сибири создавались руками простых людей. Об отменном вкусе безвестных древних зодчих дает представление, например, Спасо-Зашиверская церковь, построенная в 1700 году в городе Зашиверске на Индигирке, за Северным полярным кругом. Поражает не только строгая выразительность, ясность пропорций, пластичность этого историко-культурного памятника, но и выбор места для постройки церкви с его труднопередаваемой красотой и удивительной природной акустикой.

В Сибирь пришли талантливые и трудолюбивые люди. И благодаря их творческому труду, под влиянием культуры русского народа, помноженной на опыт и традиции коренных народов, в XVII—XVIII веках идет быстрый процесс первоначального этапа освоения Сибири. Освоения не только экономического, но и духовного. В начале XVIII века в Тобольске открывается первая в Сибири и вторая в России провинциальная школа. К этому времени относится и зарождение театра. Позднее школы открываются не только в крупных административных центрах Сибири, но и на окраинах. Есть сведения о существовании школы в начале 30-х годов XVIII века в Якутске. В середине XVIII века на Камчатке и Курильских островах работало 20 школ, в которых обучалось несколько сот человек. В это же время в Сибири открываются школы, готовящие специалистов для геодезии и картографии, навигации, горного дела; развивается библиотечное дело. В 1764 году в Барнауле при правлении Колывано-Воскресенских горных заводов основывается библиотека, скоро ставшая одной из крупнейших в России технических библиотек. В начале XIX века в ее фондах насчитывалось 7152 тома на русском, немецком, латинском, английском и других языках.

Экономические и духовные преобразования охватили и коренные народы Сибири, которые приобщались к более передовым методам хозяйствования (о чем свидетельствует широкое распространение земледелия и огородничества) и в целом к русской культуре.

В 1979 году мне пришлось участвовать в конференции, посвященной проблемам Русской Америки. Она проходила в городе Ситке — бывшей столице Русско-Американской компании.

На конференции вновь проявились негативные тенденции, которые в последние 10—15 лет стали часто проскальзывать в буржуазной историографии. Некоторые канадские и американские ученые пытались доказать пагубность и разрушительную силу русского влияния на культуру, быт и экономику коренных народов севера Сибири и Аляски. Нас даже проводили в этнографический музей, очень хорошо оснащенный технически, и показали диорамы и сфабрикованные рисованные видеофильмы с красочным живописанием зверств русских. Перед нашими глазами прошли ужасающие картины убийств, грабежей, насилий русских над алеутами, эскимосами, индейцами. Сопровождавшие нас американские коллеги стыдливо прятали глаза и пытались сослаться на какие-то новые источники и документы. Следует сразу сказать, что большинство зарубежных ученых открыто возмущались подобного рода фальсификациями, граничащими с провокацией, и на пленарных заседаниях во время конференции, приводя многочисленные факты, доказывали большую роль русских в развитии культуры аборигенов Сибири и Америки.

Одним из основателей Русско-Американской компании был Александр Баранов, после смерти которого А. С. Пушкин написал: «Жаль честного гражданина, умного человека». Баранов открыл на острове Кадык библиотеку, куда из столицы, несмотря на огромные трудности, доставлялись картины, книги, журналы, пособия по горному делу и различным ремеслам.

Особо хочется сказать об Иннокентии Вениаминове. Сын сельского пономаря Евсея Попова,

нареченный Иваном, он родился 27 августа 1797 года в селе Амга в верховьях Лены. После окончания духовной семинарии, получив по традиции новую фамилию — Вениаминов, он, — талантливый от природы человек, быстро продвигается по иерархической лестнице и в 25 лет уже настоятель иркутской Благовещенской церкви. Все в его жизни меняется в 1823 году, когда в Иркутск пришел указ синода направить священника на остров Уналашка — один из самых крупных в Алеутской гряде. Долгое время не находилось кандидатуры на эту должность. Когда иркутский архиерей потерял надежду найти добровольца, перед ним появился Иннокентий Вениаминов, изъявивший желание поехать на этот забытый богом край света.

Решение пришло к нему не сразу. «Да и в самом деле, — вспоминал он позднее, — мог ли я, или был мне какой расчет, судя по-человечески, ехать бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже в любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный свой дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался на Уналашке». Но под влиянием «выходца с Алеутских островов» Ивана Крюкова, влекомый жаждой к путешествию, он неожиданно для себя «весь загорелся желанием ехать к таким людям... Как будто что-то поворотилось в груди моей, и я тут же объявляю своим домашним: я еду! Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих меня опасностей — ничто не доходило до моего сердца: как будто огонь горел в моей душе...».

Решение Вениаминова поистине героическое. Сам путь до Уналашки необычайно труден и опасен... От Иркутска на лошадях он добирается до села Ангинского. Оттуда по реке Лене сплавом до Якутска. От Якутска дорога шла по тайге, марям, болотам, горам и речным переправам через бурные сибирские реки до Тихого океана.

В то время в Уналашке размещалась контора Российско-Американской компании, начальное училище, больница, воспитательный дом для сирот алеутов и креолов, три магазина. Знания и умения, приобретенные в голодные годы юности, Вениаминов щедро передает алеутам, обучая их многим ремеслам, плотницкому, столярному, слесарному, кузнечному делу. Но особенно велик его вклад в отечественную науку — это был подлинный ученый-самородок: лингвист, этнограф, биолог. Он одним из первых уловил нарастающую потребность не в отрывочных этнографических заметках, а в серьезном и всестороннем исследовании отдельных народностей.

Основной труд Вениаминова — трехтомник «Записки об островах Уналашкинского отдела» — глубокое и оригинальное научное исследование. Это и систематизация огромного фактического материала, и подход к нему с позиций современной ему научной методологии, и привлечение данных антропологии, лингвистики и фольклора. Следует отметить и такую черту в исследовании Вениаминова, как историзм, включающий реконструирование самобытной культуры алеутов и их социальной организации.

Вениаминов обессмертил свое имя созданием грамматики алеутского языка. Заслуженной данью уважения к его трудам явилось издание в 1944 году «Элементов алеутской грамматики» в Соединенных Штатах Америки.

Почти 15 лет, находясь на Алеутах, Вениаминов без устали занимается просветительской, деятельностью. Он всячески приобщает алеутов к передовой русской и европейской культуре. «Все ремесла и искусства, какие только могли русские, — пишет он, — перенести с собой в Америку, алеуты перенимали с охотой, так что теперь между алеутами можно найти мастеров от сапожника до часовщика». Поражала Вениаминова и способность алеутов усваивать такое новое явление, как письменность: «Когда они увидели книжки на своем языке... то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по-своему (и потому теперь умеющих читать из них более чем шестая часть)». Вениаминов по-настоящему полюбил и сроднился с алеутами, высоко ценил трудолюбие и благородство,

творческий потенциал этого народа. Они «терпеливы, даже до нечувствительности», готовы «на самопожертвование и добры до самозабвения». Наконец, они способны увлеченно трудиться ради творческой радости, а не для извлечения какой-то материальной выгоды. Алеуты тоже полюбили Вениаминова. Из поколения в поколение передавали они уважение и благодарность к этому человеку. В Уналашке нам с гордостью, как самую дорогую реликвию, показывали единственную на острове рощу деревьев, посаженную Вениаминовым. «Роща бишопа Вениаминова», — говорили алеуты, и поныне свято берегущие каждое дерево. Благодаря Вениаминову к уходу русских каждый шестой алеут был грамотным. И таких примеров бескорыстного просветительства, приобщения коренных народов к передовой культуре, обучения ремеслам можно привести немало.

Совершенно по-другому проходила колонизация Америки. Араваки (так называли себя обитатели нового континента, которые первыми встретили экспедицию Колумба добрыми улыбками и с открытой душой) через 20—30 лет были почти полностью истреблены испанскими завоевателями. Союз креста и меча конкисты разрушил цветущие индейские общества ацтеков, майя, муисков. В огне пожаров уничтожены колоссальные исторические и культурные ценности. От войн, эпидемий и голода погибли миллионы людей, вина которых была только в том, что у них был другой язык, другая культура, другая религия. История колонизации Америки испанцами, португальцами, англичанами, французами и другими просвещенными нациями наиболее ярко подтверждает слова К. Маркса, что в условиях классовых общественных формаций человеческий прогресс уподобляется отвратительному языческому идолу, пьющему нектар только из черепов убитых. Некоторым западным ученым очень хотелось бы доказать, что русские оказали такое же разрушительное воздействие на культуру коренных народов Сибири. Исторические факты против. Были, конечно, и конфликты, но они единичны, и не они определяли суть всего процесса в целом.

Освоение Сибири русскими носило совершенно другой характер. Не случайно великий свободолубец Александр Радищев (назвавший Сибирь краем богатейших сокровищ природы, которому суждено сыграть важную роль в мировой истории), находясь в заточении в Илимском остроге, написал замечательный исторический очерк «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Именно о приобретении, а не о завоевании. Освоение шло в тесном содружестве русской культуры и культуры аборигенов. Народы Сибири сохранили свой язык, культуру, искусство, в годы Советской власти получили письменность.

Несмотря на стремление царского правительства в XIX веке превратить Сибирь в край ссылки, прогрессивные тенденции все больше и больше набирают силу. Именно с этого времени здесь начинается развитие театра, литературы, искусства, науки. Большая роль в этом принадлежит ссылке. В Сибирь по этапу правительство отправило много одаренных, умных, высокообразованных людей, оставивших глубокий след в истории и развитии культуры Сибири. Одними из первых были декабристы. Они много сделали в области народного образования, театра, литературы, исследования природных богатств и развития сельского хозяйства. Эстафету духовных, просветительских, нравственных традиций вслед за А. Радищевым и декабристами продолжили сосланные в Сибирь петрашевцы и М. Г. Чернышевский, участники восстаний 1863—1864 годов в Польше, Литве и Белоруссии, затем народники и революционеры-марксисты.

С Сибирью связано творчество многих известных писателей, изгнанников, невольных жителей этого края: Ф. М. Достоевского, М. М. Михайлова, В. Г. Короленко, В. Г. Богораз-Тана, П. Ф. Якубовича-Мельникова, С. Я. Елпатьевского, В. А. Серошевского, Ф. Я. Кона и других. В Сибири начиналось и сибирским колоритом окрашено творчество В. Я. Шишкова, Н. Г. Гарина-Михайловского.

Литературное наследие Сибири чрезвычайно обширно. К сожалению, оно еще плохо известно широкому читателю. Большого одобрения заслуживает инициатива Западно-

Сибирского книжного издательства в Новосибирске, начавшего серию «Литературное наследство Сибири». Особенно хочется отметить Восточно-Сибирское книжное издательство, которое выпускает серию «Полярная звезда», посвященную декабристам, и серию «Литературные памятники Сибири». Всего вышло более двух десятков книг, которые сразу же стали библиографической редкостью.

Широкое развитие в XIX веке получили театр, архитектура, живопись. С Сибирью непосредственно связано творчество великого русского художника, замечательного мастера исторической живописи В. И. Сурикова. Уроженец Красноярска, Суриков получил в Красноярском уездном училище первые навыки рисования под руководством своего учителя, художника Н. В. Гребнева. Жизнь в Сибири, сибирские впечатления оказали большое влияние на его творчество. Об этом писал сам художник: «Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства, она же дала мне дух, и силу, и здоровье». Вовремя обучения в Академии художеств в Петербурге, затем в Москве художник не раз приезжал в Сибирь, собирал там материалы для своих картин. В Сибири он написал многочисленные этюды с натуры, рисовал местных русских крестьян, казаков, сибирских татар, хантов, хакасов. Земляки Сурикова высоко ценили его творчество, гордились им, возлагали на него большие надежды. Газета «Восточное обозрение» в связи с появлением картины «Боярыня Морозова» (1837 г.) писала: «В. М. Суриков, наш дорогой земляк, красноярец, он будет всегда нашей гордостью. Пожелаем ему успеха на много-много лет и будем ждать, что он даст для России целый ряд блестящих картин в будущем».

С XIX века начинается процесс интенсивного научного изучения природных богатств Сибири. Большой вклад в постановку научных исследований внесли ученые, сосланные в Сибирь и родившиеся в этом крае. В историю отечественной и мировой науки навсегда вошли такие имена, как И. Д. Черский, А. Д. Чекановский, Л. А. Клеменц, В. А. Обручев, И. С. Поляков, Н. М. Ядршцев, М. П. Овчинников, Н. И. Витковский, А. Я. Тугаринов и многие другие.

Естественнонаучное исследование Сибири дало крупные результаты. Было выяснено в общих чертах геологическое строение этой территории, дана ее географическая характеристика и выявлен круг вопросов, подлежащих дальнейшему углубленному исследованию. В научных центрах страны образовался круг ученых, глубоко интересующихся проблемами Сибири, а в сибирских центрах выросли местные ученые-энтузиасты, группировавшиеся вокруг отделов Географического общества и учебных заведений, и прежде всего первого университета в Сибири в городе Томске. Уроженцы Сибири не ограничивались изучением только этого края. Они внесли свой вклад в общий процесс развития отечественной науки. Из Сибири вышли великий русский ученый Д. И. Менделеев, Д. Н. Прянишников — выдающийся ученый в области агрохимии, физиологии и растениеводства, А. П. Федченко — естествоиспытатель и географ, исследователь Средней Азии, Г. Н. Потанин — путешественник, географ и этнограф, исследователь Монголии, Китая и Сибири, а также историк-демократ А. П. Щапов, ориенталист Д. Банзаров, монголист и тибетолог Г. Ц. Цыбиков и многие другие. Изучение природы, экономики, истории, этнографии Сибири заложило основы для продолжения этих исследований в настоящее время.

К культурному наследию мы должны отнести и многие гениальные идеи и прогнозы о будущем Сибири, высказанные в прошлом, воплощение которых осуществлено в советское время или будет реализовываться в недалеком будущем. Часто можно услышать о гениальном пророчестве М. Ломоносова по поводу Сибири. К сожалению, фраза нередко цитируется не полностью, а М. Ломоносов говорил следующее: «Таким образом путь и надежды чужим пересечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке». Замечание Ломоносова «путь и надежды чужим пересечется» и упоминание Северного океана далеко не случайно: открытия русских в XVIII веке на северо-востоке Азии и освоение ими Аляски и Алеутских островов вызвали большое беспокойство у ряда европейских держав, и в

первую очередь у Англии, Испании и Франции.

«Когда в Европе стало известно, — писал Г. Шевеньи, — какие сокровища открыли русские в северной части Тихого океана, Англия, Франция и Испания, «словно собаки»... пробудились от крепкого сна, сделали стойку на Север и зарычали. Три державы независимо друг от друга, но почти одновременно приступили к действиям». Из Мадрида направляется в Новую Испанию приказание немедленно занять всю Калифорнию, чтобы предупредить там появление русских. Англичане отправляют Д. Кука в третье, которое стало его последним, кругосветное плавание и объявляют вознаграждение в 20 тысяч фунтов стерлингов за открытие пролива, соединяющего два океана, который, кстати, до этого уже дважды открыли русские мореплаватели С. Дежнев и экспедиция В. Беринга.

Царское правительство, к сожалению, не смогло удержать открытую и освоенную русскими Аляску и Алеутские острова, так называемую Русскую Америку, но слова Ломоносова о значении Сибири и Северного океана сбываются в наше время. В связи с дальнейшим освоением богатств северо-востока значительно повысится и роль Северного океана как важнейшей транспортной артерии и как района с богатейшими природными богатствами, в том числе и залежами газа в шельфовой зоне. Именно залежами, потому что он там не в жидком, а в твердом состоянии.

Россия никогда не испытывала дефицита в главном, что движет и предопределяет социальный и экономический прогресс, в творческом потенциале. Но лишь с победой Великого Октября открылись реальные и широкие возможности для практического приложения творческих сил. Задолго до установления Советской власти в научных кругах ученых-сибиряков неоднократно поднимался вопрос об организации в Сибири нефтепоисковых работ. Но только в конце 20-х годов — начале 30-х эта идея получила творческое развитие в трудах академика И. Губкина, который указывал на необходимость сосредоточения первоочередных усилий нефтеразведки в Западной Сибири.

Еще в конце прошлого века высказана гипотеза о возможности открытия в Сибири алмазов. Широко поставленное, систематическое изучение Сибири в советский период блестяще подтвердило этот прогноз. Получила реальное воплощение и программа использования энергии великих сибирских рек, идея которой также уходит корнями в прошлое. И таких примеров можно привести немало.

Выше уже не раз говорилось, что культурное наследие Сибири по существу и содержанию глубоко народное. Лучшие традиции в области культуры формировались часто вопреки желанию правительства и той политике, которую оно проводило. Не случайно, когда тобольский губернатор сообщил в рапорте Александру III о сплошной неграмотности сибирского населения, император собственноручно начертил на уголке: «И слава богу». Но в то же время в связи с повышением роли Сибири в экономической жизни России правительство не могло полностью игнорировать настоятельную необходимость в развитии образования и культуры на окраинах страны. Это был объективный процесс, который давал свои положительные результаты. Не остались в стороне от этих процессов и коренные народы.

Аборигены Сибири сохранили прикладное изобразительное искусство. Оно было разнообразным по форме, содержанию, но глубоко самобытным и талантливым. Изобразительное искусство коренных народов Сибири имело как общие для них черты, так и специфические особенности, свойственные тому или иному народу. Сказывалось влияние природных условий, хозяйства и быта, прежних традиций, общения между народами, их экономических, бытовых и культурных связей.

Говоря о культурном наследии и культурных традициях Сибири, нельзя не вспомнить об удивительном богатстве духовной культуры — фольклоре — памяти народа о прошлом,

трудовых и героических традициях. В народном фольклоре, который создавался веками и тысячелетиями, хранится богатейшая информация о становлении национального самосознания, борьбе с темными силами зла, о торжестве разума, доброты и справедливости. А. М. Горький отмечал: «Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа».

Фольклор народов Сибири является величайшим достоянием мировой культуры. Он ярок, красочен и неповторим. Из поколения в поколение передавались сюжеты, образы, события, которые обогащались содержанием и приобретали все большую эмоциональную окраску.

Якутский народ создал совершенно уникальный по объему, разнообразию сюжетов, выразительности языковых средств фольклор, который заменил литературу, историю, семейную хронику, сохранил драгоценные крупы народного быта, традиции, накопленный столетиями опыт и мудрость жизни в суровых условиях Севера. Общее название героического эпоса якутов — олонхо — составляет множество больших сказаний и легенд. Средний размер сказаний — 10—15 тысяч стихотворных строк. Крупные сказания содержат до двадцати и более тысяч строк.

Эти эпические предания начинаются с рассказа об удивительной южной стране, прародине якутов, где вечно светило горячее солнце. Это был край, где никогда не переставали шуметь деревья. Кругом расстилались бескрайние зеленые поля, словно ковер, вытканые удивительными прекрасными цветами. Царствовало вечное лето, не смолкая, куковала птица любви и счастья — кукушка, непрестанно ворковали сизые голуби. И птицы никогда не улетали, и орлы не прекращали своего громкого клекота. В этой стране не было ни греха, ни болезни, ни самой смерти.

В этой заветной земле,
Когда первозданные люди
Не знали тяжких грехов,
Не ведали злых преступлений...
Лучезарного солнца — божества,
Гневного грома огни
Постоянно играли,
Раскатистый гром пробегал,
Искрометные молнии сверкали.
То божественный огонь очищал,
Потому что в те времена
Болезни, немощь и хворь
Людей не теснили.
О смерти вовсе не знали.
Кашель, зараза до них не дошла,
В скотном дворе у кола
Телята не дохли от голода,
А в конском хлеву от язвы
Не гибли тогда жеребята.

На прежней родине якутов был совершенно другой растительный и животный мир. У якутов сохранилось предание о грозном клыкастом звере. В олонхо он называется гахай. В переводе с монгольского это дикая свинья, кабан. В олонхо под образом гахая понимается свирепый, клыкастый царь зверей — лев.

Теснимые своими более сильными соседями якуты покидают свою родину и в незапамятные времена начинают переселяться на север по великой азиатской реке Лене. Первыми, видимо, двинулись неимущие слои. Притесняемые своими баями и не в силах справиться в одиночку с нападениями враждебных племен, они небольшими группами уходят на север и северо-восток в поисках изобильных охотничьих и рыболовных угодий. Так появилось предание о легендарном беглеце Эллее, который одним из первых покинул родину и осел в Якутии.

Вслед за беглецами-одиночками двинулись и богатые тойоны, которые ушли на север со своими стадами, сородичами, а также зависимыми людьми. В исторических преданиях якутов это нашло отражение в сказаниях об Омоее, могущественном тойоне, который дал начало, как и Эллей, нескольким якутским племенам.

На север проникали представители разных народностей — не только тюркских, но и частично монгольских. И в течение столетий шел сложный процесс ассимиляции и взаимного проникновения различных по характеру культур, которые на месте впитывали и обогащались многими элементами аборигенной культуры коренных тунгусских и палеоазиатских племен. Постепенно шло образование современного якутского народа, который называл себя «саха» и дал свое имя Якутии.

Передвижение предков якутов на север началось, видимо, в VIII—IX веках, когда в Прибайкалье расселялись легендарные предки якутов — курыкане, тюрко-язычные народы, известные в орхонских надписях. Этот процесс усилился в XII—XIII веках и закончился около XIV-XV веков.

В более поздних исторических преданиях рассказывается о кровной мести и кровавых межплеменных войнах, о тяжелом гнете и произволе диких тойонов, об удалом и «благородном разбойнике» Манчары, мстившем баям и раздававшем беднякам награбленный у богатеев скот и имущество.

Стройные и вместе с тем вычурно-сложные, с множеством мифических вставок-эпизодов сюжеты олонхо разворачиваются грандиозными эпопеями в десятки тысяч стихов. Якутские сказители — олонхосуты исполняют свои богатырские поэмы в продолжение многих вечеров. Одна монументальная поэма «Неспотыкающийся Мюлдю Сильный», записанная с уст сказителя, неграмотного старца Д. М. Говорова, составила книгу объемом 25 печатных листов.

Долгими зимними вечерами и ночами олонхосуты у камелька рассказывали сородичам увлекательную историю своего народа. У олонхосута аудитория не бывает пассивной. Его слушатели дружно вторят своему рассказчику короткими возгласами «Но!..».

В литературе известны и случаи коллективного исполнения олонхо группами певцов, в том числе выступавшими по очереди четверьмя певцами. Но обычно олонхо исполнял один человек. Запомнить и красочно передать огромные по объему эпические сказания могли только люди талантливые, сами незаурядные сказители.

Исполнение олонхо, как и у многих других народов — казахов, монголов, алтайцев, — было окружено своеобразной, почти культовой атмосферой сверхъестественного. Благодаря этим обстоятельствам якуты сохранили обширный запас эпических произведений, ценных не только по их художественному значению, но и как исторический источник.

У хантов и манси народное творчество представлено мифами, сказками и песнями о происхождении земли и людей, былинами и сказаниями о богатырях, их подвигах и войнах, лирическими песнями.

У кетов, нганасан, долганов и других народов Севера бытует героический эпос, сказки, предания, загадки, рассказы на бытовые темы. Наиболее широко известны в мировой литературе алтайские героические сказания: «Алтай-Бучай», «Коготэй» и другие, бурятские богатырские былины-улигеры. Самое крупное произведение бурятского народного творчества «Абай Гэсэр Хубун» содержит более 30 тысяч стихотворных строк.

Непрерывность связи времен и народов можно проследить, в частности, по наскальным изображениям. Многие из них, созданные 3—4 тысячи лет назад, ярко и убедительно иллюстрируют сцены из фольклора народов Сибири, корни которого, как оказывается, в железном, бронзовом, а истоки, быть может, в каменном веке.

Огромные духовные, культурные и нравственные ценности созданы за годы Советской власти. Сегодня Сибирь — это край интенсивно развивающейся экономики, край культуры и науки. Все вместе взятое составляет значительный пласт, являющийся неотъемлемой частью всего наследия народов нашей страны и мировой культуры в целом. Нам есть чем гордиться! Но одной гордости мало: это значительно бы обеднило, принизило сделанное нашими предшественниками. Культурное наследие — сконцентрированная мудрость многих поколений — должно работать на настоящее и будущее. Оно должно стать одним из важнейших средств воспитания.

Перед учеными стоит многогранная комплексная задача, суть которой, если говорить кратко, состоит в изучении, сохранении, широкой пропаганде и дальнейшем развитии нашего богатейшего культурного и исторического наследия, воспитании духовно богатой личности на примере всего лучшего, что создано коллективным творчеством народа и без чего невозможно представить себе культуру нашей Родины. Это и «Слово о полку Игореве», и «Витязь в тигровой шкуре», «Сказание о Давиде Сасунском» и «Сказание о Манасе», стены белокаменного кремля и Регистан, Авиценна и Ломоносов, Омар Хайям и Пушкин.

Большие задачи в настоящее время стоят перед учеными и по дальнейшему изучению и обобщению культурного наследия Сибири. Учеными Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР совместно с учеными других академических институтов, а также преподавателями вузов Сибири начата работа по подготовке пятитомного труда «Древние культуры Сибири и Дальнего Востока». Издание призвано по возможности детально и многопланово обобщить результаты изучения древних культур Северной Азии на основе не только опубликованных, но в значительной мере полученных в последние годы материалов, свидетельствующих о богатстве и своеобразии древних культур народов Сибири, их места в мировой истории.

Немалый интерес среди ученых в стране и за рубежом вызывает двуязычное (на языке носителей и на русском) 60-томное издание свода памятников фольклора народов Сибири. В серию отобрана лучшая фольклорная классика, имеющая значение для современной культуры с точки зрения историко-познавательной, эстетической и идейно-воспитательной. Данное академическое издание по широте охвата и объему является уникальным в мире среди подобного рода изданий, несет большую идеологическую нагрузку и может быть широко использовано в практике коммунистического строительства.

В условиях интенсивного крупномасштабного строительства в Сибири охрана и сбережение здесь памятников истории и культуры имеет особое значение. Академия А. П. Александров сказал: «Информация о событиях минувшего, заложенная в памятниках, представляет не только познавательный интерес, она, как генетический код, во многом предопределяет грядущее». Бережного отношения требует все: археологические объекты, старинные постройки, народные ремесла, древняя утварь, книги и документы, имена и могилы героев.

Сибирь, например, дает удивительные археографические находки. Многие из них имеют

мировое значение. Только новосибирскими археографами за последние 15 лет открыто и приобретено более 1700 рукописных и старопечатных книг. Среди них оказались новые списки таких важных произведений Древней Руси, как «Послание к брату столпнику», по-видимому, киевского митрополита XI века Иллариона, «Слово Климента Смолятича и Кирилла Туровского», созданное в XII веке, «Паремийные чтения о Борисе и Глебе», первоначальные редакции которых также относятся к XII веку, «Сказание о Мамаевом побоище», созданное в XV веке. Всемирную известность получила находка профессора Н. Покровского на Алтае: рукописный сборник, содержащий ранние и наиболее полные записи суда над известным ученым и публицистом XV века Максимом Греком. Но дело не только в редчайших находках. В результате «археографического открытия» Сибири, как метко выразился академик Д. Лихачев, была открыта огромная крестьянская литература XVIII—XIX веков — литература, свидетельствующая о неутомимых и бескомпромиссных поисках народом правды-истины, об отчаянной борьбе крестьянства с самодержавием, за право думать и верить по своему собственному разумению.

Наше государство уделяет большое внимание охране памятников истории и культуры. Принят закон об их охране и использовании в деле воспитания трудящихся. Но, к сожалению, несмотря на разнообразные меры, в Сибири ежегодно гибнут десятки археологических, архитектурных и других памятников. Порой потери редчайших культурных ценностей невосполнимы. И дело здесь, конечно, не только в халатном отношении некоторых хозяйственников и строителей, но и в том, что многие ценные и важные исторические памятники и объекты культуры не имеют должного описания, документации, не поставлены на учет и хранение.

Сохранение и сбережение культурных ценностей прошлого и настоящего должно стать кровным делом каждого советского человека. Использование культурного наследия в воспитании всесторонне развитой личности имеет огромное значение. На это неоднократно обращал внимание В. И. Ленин. Выступая на заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 года, он говорил, что «только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества». Он неустанно учил умению смотреть на развитие общества, в том числе и на духовные и нравственные ценности, которые выработало человечество, не только с точки зрения прошлого и настоящего, но и с точки зрения будущего.

Советский человек, человек настоящего, человек будущего, всегда патриот, гражданин, интернационалист. Именно такие люди боролись за низвержение старого строя. На их плечи легла труднейшая работа по преодолению в стране разрухи, проведению коллективизации и индустриализации. Наше старшее поколение победило в годы Великой Отечественной войны, в кратчайшие сроки восстановило экономику, освоило целинные и залежные земли. Нынешнее поколение, продолжая эстафету старших, работает в Нечерноземье, осваивает нефтяные и газовые месторождения Сибири, построило БАМ. Не менее сложные задачи предстоит решать мальчишкам и девчонкам, которые сегодня входят в большую жизнь, которым предстоит встретить XXI век. И здесь очень важна как преемственность дел, так и преемственность духа, характера. Большую роль в этом, в формировании человека, в его воспитании играют революционные, боевые и трудовые традиции, историческое и культурное наследие.

Наша история — это глубочайшие корни, которые питают ныне живущие поколения живительной непреходящей силой. Широкий размах получили среди молодежи походы по местам боевой и трудовой славы — движение огромного нравственного и воспитательного значения. У молодых людей появилась возможность не только изучать историю по учебникам, книгам и кинофильмам, но и собирать ее по крупицам, слушая и записывая рассказы участников исторических событий. Само прикосновение к «живой истории», общение с людьми труда и войны обогащает, делает духовно богаче и интереснее. Любовь к Родине, своему народу не передается в генах по наследству. Это великое чувство воспитывается с раннего возраста, и важную роль здесь должно играть все богатство нашей

истории, нашего культурного наследия, всего лучшего, что создано трудом и талантом многих десятков и сотен поколений народов нашей страны.

Об авторе

Анатолий Пантिलеевич Деревянко

Член-корреспондент АН СССР, один из крупнейших археологов Советского Союза, Анатолий Пантिलеевич Деревянко восславляет Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, а также заведует кафедрой всеобщей истории Новосибирского государственного университета. Автор 15 книг и более 200 статей. Анатолий Пантилеевич сочетает свою научную работу с популяризацией исторических знаний. Значительное место в жизни ученого занимает участие в археологических экспедициях и в нашей стране и за

рубежом. В последние годы его научные интересы связаны с решением вопросов первоначального заселения человеком обширного региона, Тихоокеанского бассейна и Центральной Азии. Этому посвящены многие из его книг. В серии "Эврика" А. Деревянко выступает впервые.

